

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА.

I.

Память объ императорѣ Павлѣ I въ Гатчинѣ.—Павловскій инвалидъ.—Художникъ Меттенлейтеръ.—Прежній городъ Гатчина.—Директоръ гатчинскаго института Шипиловъ.—Командиръ кирасирскаго полка генералъ Туманскій.—Графъ Стадницкій и его походы.—Комендантъ Люце.—Сумасшедшій генералъ Кавелинъ.

О СТРАННОЙ игрѣ случая, императоръ Павелъ, или, лучше сказать, посмертная тѣнь его, имѣла значительное вліяніе на всю мою жизнь, несмотря на то, что я родился въ 1834 году, когда о временахъ павловскихъ въ обществѣ сохранились только очень смутныя воспоминанія.

Дѣло въ томъ, что моей родиной былъ городъ Гатчина, въ которомъ Павелъ томился жизнью до самаго дня своего воцаренія, и естественно поэтому, что въ мое время еще не заглохли преданія о его пребываніи тамъ. Были еще въ живыхъ люди, служившіе Павлу. Такъ, напримѣръ, когда императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ осенью въ гатчинскій дворецъ, то къ нему долженъ былъ являться старый инвалидъ, служившій при Павлѣ, и я не разъ видѣлъ, какъ онъ, бывало, опираясь на костыль, плетется ко дворцу, одѣтый въ свою

древнюю павловскую форму, а жена его, такая же старуха, несетъ за нимъ ружье. Оба сгорбленные старца еле двигаютъ дрожащими ногами, но обязательно бредутъ къ царю, который умѣлъ ихъ обласкать, одарить и своимъ высокимъ вниманіемъ освѣтить и согрѣть послѣдніе дни этихъ людей прошлаго столѣтія.

Когда на плацу передъ дворцомъ происходило открытіе памятника Павлу, то первымъ часовымъ къ нему поставленъ былъ этотъ самый старый инвалидъ, а его смѣнилъ покойный цесаревичъ Николай Александровичъ, бывшій тогда еще ребенкомъ.

Кромѣ этого инвалида, имени котораго, къ сожалѣнію, я не помню, были въ Гатчинѣ и другія лица, преемственно связанная съ временемъ Павла, и въ семействахъ которыхъ сохранились воспоминанія и легенды о его пребываніи въ Гатчинѣ или о случаяхъ его недолгаго царствованія.

Такъ, напримѣръ, въ числѣ знакомыхъ нашего семейства было семейство художника Меттенлейтера, отецъ котораго былъ придворный живописецъ императора Павла, украшавшій своими произведеніями какъ гатчинскій дворецъ, такъ впослѣдствіи и Михайловскій дворецъ въ Петербургѣ (нынѣ Михайловскій инженерный замокъ, у Лѣтняго сада). Я не разъ слышалъ разсказъ о томъ, какъ подъ утро на 24-е марта 1801 года прискакалъ изъ Петербурга курьеръ прямо къ дому Меттенлейтера, разбудилъ его, едва далъ времени кое-какъ одѣться, велѣлъ захватить съ собою краски, кисти и палитру и, посадивъ въ свой экипажъ, увезъ его въ Петербургъ, оставивъ семейство въ полнѣйшемъ недоумѣніи и ужасѣ.

Въ тѣ времена были очень часты внезапные аресты людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Не мудрено поэтому, что все семейство Меттенлейтера предалось величайшему отчаянію, полагая, что государю сдѣланъ былъ какой нибудь ложный доносъ на художника. Но ѣхать за нимъ въ Петербургъ не только для его защиты, но даже чтобы навести справки о причинѣ такого внезапнаго ареста, было бы не только бесполезно, но и опасно. Ничего не оставалось дѣлать, какъ терпѣливо ждать, чѣмъ разыграется эта катастрофа.

Между тѣмъ, въ Гатчину пришло на другой день извѣстіе о вступленіи на престолъ императора Александра I, а вскорѣ затѣмъ возвратился домой и Меттенлейтеръ. Онъ пріѣхалъ составившимся въ одинъ день лѣтъ на десять, совершенно больной и разстроенный, и разсказалъ, что его призывали только для того, чтобы загладить нѣкоторые слѣды предсмертной агоніи почившаго императора, умершаго, какъ было объявлено, отъ апоплектического удара.

Такимъ образомъ, я провелъ свое дѣтство до пятнадцатилѣтняго возраста въ атмосферѣ (выражаясь фигурально), наполненной именемъ Павла.

Пятнадцати лѣтъ я поступилъ въ Николаевское инженерное училище, расположенное, какъ извѣстно, въ Михайловскомъ инже-

нерномъ замкѣ. Теперь мнѣ пришлось не только ходить около павловскаго дворца, какъ это было въ Гатчинѣ, но даже жить въ самомъ дворцѣ, который онъ выстроилъ для себя и въ которомъ умеръ. Я тутъ увидѣлъ сохранившіяся еще на плафонахъ картины за подписью Mettenleiter, и это имя, такъ хорошо мнѣ знакомое съ самыхъ пеленокъ, какъ бы еще болѣе связало мой умъ съ памятью этого государя, обликъ котораго до сего времени представляется темнымъ и загадочнымъ, какъ для историка, такъ и для психолога.

Загробная тѣнь императора Павла даже и впоследствии не оставляла меня. Купилъ я однажды у одного знакомаго два шкапика краснаго дерева, старинной работы. Отецъ этого моего знакомаго, Розенбергъ, былъ нѣкогда управляющимъ города Павловска, во времена вдовства императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая очень любила Павловскъ и часто тамъ проживала. Шкапы эти (каждый о двѣнадцати выдвижныхъ ящикахъ) она подарила Розенбергу, сынъ котораго продалъ ихъ мнѣ. Но въ минуту покупки я этого не зналъ, а узнавши, невольно увидѣлъ въ этомъ случаѣ какой-то фатумъ, связавшій всю мою жизнь съ памятью объ императорѣ Павлѣ. Чтò онъ хранилъ въ этихъ шкапахъ, во время своихъ пребываній въ Павловскѣ, я не знаю. Розенбергъ собиралъ въ нихъ коллекціи минераловъ, а у меня хранятся въ нихъ печатные и рукописные литературные грѣхи да кое-какія мелкія вещи.

Однако я забѣжалъ впередъ, а потому вернусь обратно въ Гатчину. Описывать этотъ городъ, съ его дворцомъ, садами и парками я считаю совершенно лишнимъ, такъ какъ онъ былъ уже не разъ описанъ; одно только считаю необходимымъ замѣтить, что Гатчина настоящаго времени совсѣмъ не то, чтò она была въ сороковыхъ годахъ. Теперь это одно изъ дачныхъ мѣстъ Петербурга, введенное въ моду Боткинымъ, имѣвшимъ тамъ свою дачу. Въ сороковыхъ же годахъ Гатчина представляла изъ себя нѣчто въ родѣ того города, въ которомъ общій нашъ знакомецъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ такъ удачно разыгрывалъ роль ревизора. Тамъ были тогда и Сквозники-Дмухановскіе, и Ляпкины-Тяпкины, и Держиморды, и Бобчинскіе съ Добчинскими,—однимъ словомъ всѣ наши неумирающіе пріятели, носившіе только другія имена, вѣроятно, для сохраненія строжайшаго инкогнито.

Мой отецъ служилъ сначала преподавателемъ исторіи и географіи, а потомъ старшимъ надзирателемъ въ институтѣ, находившемся подъ вѣдѣніемъ воспитательнаго дома. Въ этотъ институтъ принимались тогда преимущественно уцѣлѣвшіе отъ деревенскаго кормленія питомцы воспитательнаго дома. Всего воспитанниковъ бывало около семисотъ человекъ, раздѣленныхъ на два отдѣленія: старшимъ—завѣдывалъ мой отецъ, младшимъ—нѣкто Мазини, не то французъ, не то итальянецъ. Директоромъ института состоялъ Ши-

пиловъ, вологодскій помѣщикъ и, конечно, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Шипиловъ былъ замѣчательной наружности: очень небольшого роста, съ огромной, какъ астраханскій арбузъ, головой и съ большими на выкатъ глазами, бѣлки которыхъ испещрены были кровавыми жилками, что придавало его взгляду очень звѣрскій видъ. Сходство съ животнымъ увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что скудную растительность на вискахъ онъ зачесывалъ вверхъ, образуя около широкой лысины какъ бы два стоячихъ и остроконечныхъ уха. Воспитанники прозывали его поэтому кабаномъ.

Я не помню, чтобы кто нибудь, хоть по ошибкѣ, называлъ Шипилова педагогомъ, и, вѣроятно, онъ былъ сдѣланъ директоромъ большого института на томъ же основаніи, на какомъ Скаловубъ предлагалъ фельдфебелей дѣлать Вольтерами. Могу замѣтить только одно, что въ его время березовая роща съ успѣхомъ замѣняла для воспитанниковъ самую лучшую библіотеку.

Несмотря на всю свою грубость и другіе недостатки, какъ директора и педагога, Шипиловъ все таки былъ баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ человѣкъ самъ-по-себѣ состоятельный, служилъ больше изъ чести, чѣмъ ради выгодъ, и потому держалъ себя такъ, что всѣ служащіе относились къ нему съ уваженіемъ.

Гатчинскіе жители дѣлились на три разныхъ общества. Одно состояло изъ служащихъ въ институтѣ, другое—изъ чиновниковъ дворцоваго правленія и третье—изъ офицеровъ кирасирскаго полка. Всѣ эти три общества жили отдѣльно, своими замкнутыми кружками, и только изрѣдка кто нибудь изъ одного круга появлялся въ другомъ. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ обществъ были, конечно, свои шефы: въ институтѣ—директоръ, въ дворцовомъ правленіи—комендантъ, въ полку—его командиръ.

Командиромъ полка былъ въ мое время генералъ Туманскій. О немъ я могу рассказать только слѣдующій небезынтересный анекдотъ.

Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ играть съ кадетами и во время пребыванія своего въ Петергофѣ, гдѣ каждое лѣто кадеты стояли лагеремъ, зачастую шутилъ съ ними и придумывалъ для нихъ игры, въ которыхъ они могли показывать свою ловкость и находчивость. Въ петергофскомъ саду есть передъ дворцомъ широкая мраморная лѣстница, по которой каскадами льется вода. Однажды, по случаю какого-то праздника, кадеты гуляли въ нижнемъ дворцовомъ саду и, замѣтивъ государя наверху этой лѣстницы, остановились толпою. Увидя ихъ, государь крикнулъ:

— Дѣти, идите ко мнѣ прямо по лѣстницѣ!

Кадеты, нимало не думая, исполнили приказаніе и, стараясь перегнать одинъ другого, полѣзли по каскадамъ. Понятно, что они

скользили, падали, кувыркались, сбиваемые водою, но все-таки добирались до верху, хотя и вымоченные съ ногъ до головы. Государь всегда бывалъ очень доволенъ, когда его приказанія исполнялись быстро и точно, несмотря ни на какія препятствія, и терпѣть не могъ, если кто нибудь затруднялся или смущался при встрѣтившемся препятствіи. Такъ, когда я впоследствии былъ въ петергофскомъ лагерѣ, и государь дѣлалъ намъ однажды смотръ въ присутствіи многихъ иностранныхъ гостей, что случилось послѣ дождливой ночи, и все военное поле было покрыто лужами, то, по окончаніи смотра, онъ, къ удивленію нашему, не скомандовалъ тотчасъ же построение для церемоніальнаго марша, а, отдѣлившись отъ свиты, началъ развѣзжать по полю, повидимому, что-то отыскивая. Найдя, что ему было нужно, онъ оттуда скомандовалъ построение и поставилъ насъ такимъ образомъ, что какъ разъ передъ нимъ мы должны были проходить по огромной лужѣ и настолько глубокой, что вся ступня покрывалась водою. Разумѣется, при маршировкѣ мы вышлепывали ногами цѣлые каскады грязной воды и, несмотря на то, восторженно отвѣчали ему: «рады стараться, ваше императорское величество!».

Генералъ Туманскій слыхалъ, конечно, о случаѣ на мраморной лѣстницѣ въ Петергофѣ и вздумалъ однажды собезьянничать государя. Домъ полкового командира, стоящій на выѣздѣ изъ Гатчины, имѣетъ широкое деревянное крыльцо съ десяткомъ ступеней. Эти ступеньки должны были замѣнить мраморную петергофскую лѣстницу. Кадетъ замѣнили здѣсь несчастные полковые кантонисты. Недоставало только каскада. Есть, право, о чемъ задумываться! На крыльцо поставили нѣсколько бочекъ съ водою, и когда кантонисты, по приказанію генерала, пошли на лѣстницу, то приставленные къ бочкамъ солдаты окачивали ихъ водою! Правда, картина получилась безобразная, но зато генералъ Туманскій скопировалъ, насколько могъ, государя и не мало гордился этимъ передъ своими гостями.

Размѣры его черепа, какъ видно изъ этого случая, были не особенно велики. Зато же и доставалось ему иногда отъ одного человѣка, котораго судьба, казалось, создала именно только для того, чтобы подбавлять ложку дегтя въ бочку меда жизни почтеннаго генерала.

Человѣкъ этотъ былъ не болѣе, какъ юнкеръ кирасирскаго полка, графъ Стадницкій, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что подобные типы быстро исчезаютъ въ послѣднее время.

Графъ Стадницкій былъ высокаго роста, сухощавъ, но необычайно силенъ. Поднять кавалерійскую лошадь за заднія ноги, остановить тройку на скаку, ударомъ кулака прошибить запертую дверь, согнуть серебряный рубль, свернуть кочергу узломъ, сломать

подкову,—все это было для него такъ же легко, какъ обыкновеннымъ смертнымъ разломать калачъ или очистить апельсинъ. Кромѣ того, графъ обладалъ искусствомъ верховой ѣзды, равнявшимся его силѣ. Онъ садился на всякую лошадь, не спрашивая ея согласія на это, и какъ только сѣлъ, то лошадь какъ бы исчезала, превращаясь въ его собственныя ноги. Онъ даже не зналъ хорошенько, или притворялся, что не знаетъ кавалерійскаго правила садиться на лошадь съ лѣвой стороны, а съ которой подошелъ, съ той и вскочилъ на нее. Своимъ удивительнымъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ онъ пользовался главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы на ученьяхъ бѣсить свое начальство и въ особенности генерала Туманскаго, къ которому питалъ какую-то особенную антипатію. Такъ, напримѣръ, однажды съ полкового ученья онъ былъ отправленъ подъ арестъ на конюшню за то, что по ошибкѣ вскочилъ на свою лошадь задомъ напередъ и понесся по командѣ въ атаку, держась не за узда, а за хвостъ.

— Я нисколько въ этомъ не виноватъ, — оправдывался онъ потомъ передъ своимъ эскадроннымъ командиромъ.—Мы были спѣшны, какъ вы знаете. Когда раздалась команда: «садись!» моя лошадь наклонила голову; второпяхъ я не разобралъ, гдѣ у нея задъ и гдѣ передъ, и вскочилъ какъ попало, лишь бы не опоздать. Если бы я опоздалъ—все равно бы на конюшню,—прибавилъ онъ, безнадежно махнувъ рукою.

Въ другой разъ былъ такой случай. Ёдетъ, прогуливаясь по городу, генералъ Туманскій на красивомъ заводскомъ ворономъ конѣ. Конь скачетъ галопомъ, изогнувъ дугою крутую шею, фыркающая бѣлой пѣной изо рта, граціозно выбрасывая свои ноги и размахивая хвостомъ, подстриженнымъ въ видѣ султана. Генералъ Туманскій покачивается на сѣдлѣ, съ глубокимъ сознаніемъ своего величія, изрѣдка раскланиваясь со встрѣчными знакомыми. Небо голубое ясно, а солнечный шаръ обдаетъ сверху своими теплыми лучами. Но наслажденіе генерала неожиданно нарушается чѣмъ-то страннымъ: онъ начинаетъ замѣчать, что встрѣчный народъ, глядя на него, смѣется. Кто бы ни прошелъ, всякій поглядитъ, да и засмѣется.

«Странно,—думаетъ генералъ,—что они находятъ во мнѣ смѣшного?».

Ёдетъ дальше—опять всѣ смѣются. Догадывается, наконецъ, оглянуться назадъ. О, ужасъ! За нимъ, не далѣе, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, на высокомъ, костлявомъ, отвратительно уродливомъ одрѣ, ёдетъ какой-то франтъ, въ свѣтломъ коломянковомъ платьѣ и соломенной шляпѣ съ широкими полями: не то колонистъ, не то плантаторъ.

Но это бы еще ничего; а дѣло въ томъ, что плантаторъ сидитъ задомъ напередъ, скорчившись, какъ человѣкъ, боящійся упасть

съ лошади, и держится обѣими руками за поднятый кверху хвостъ своей лошади. Народъ, глядя на него, хохочетъ.

«Что за осель!»—думаетъ Туманскій и, чтобы избавиться отъ такого непріятнаго спутника, поворачиваетъ въ боковую улицу.

Но плантаторъ поворачиваетъ туда же. Туманскій—въ другую улицу, плантаторъ—за нимъ. Туманскій прибавляетъ галопа, плантаторъ прибавляетъ рыси. Туманскій мчится въ карьеръ, и плантаторъ мчится въ карьеръ и все-таки задомъ, держась за хвостъ своей лошади. Ясно, что это преслѣдованіе умышенное. Наконецъ, Туманскій вспоминаетъ случай на ученѣ и догадывается, что это долженъ быть не кто иной, какъ графъ Стадницкій. Додумавшись до этого, онъ рѣзко останавливается, и плантаторъ тоже останавливается.

Это уже изъ рукъ вонъ! Туманскій круто поворачиваетъ своего коня и подъѣзжаетъ къ плантатору, который изъ всѣхъ силъ старается тоже повернуть свою лошадь за хвостъ, чтобы скрыть свое лицо за широкими полями шляпы.

— Графъ Стадницкій!—кричитъ взбѣшенный Туманскій.

— Я, ваше—ство! — отвѣчаетъ плантаторъ, какъ солдатъ на парадѣ.

— Вѣдь вы же на конюшнѣ арестованы! Какъ же вы смѣли оттуда выйти?

— Не могу знать, ваше—ствоооо!

— На конюшню!

— Радъ стараться, ваше—ствоооо!

Наконецъ, онъ исчезаетъ во всю прыть своего лихого одра; только пыль взметнулась на концѣ улицы. Туманскій тоже ѣдетъ на конюшню посмотрѣть, но для сохраненія своего достоинства не мчится въ погоню за дерзкимъ насмѣшникомъ, а галопируетъ легкимъ курцъ-галопомъ. Пріѣхавъ на конюшню, застаётъ Стадницкаго тамъ, одѣтаго по формѣ, и на своемъ мѣстѣ.

— Какъ вы смѣли выходить изъ конюшни и ѣздить по городу въ партикулярномъ платьѣ?—спрашиваетъ онъ его.

— Я не ѣздилъ, ваше превосходительство.

— Какъ не ѣздили? Я васъ самъ сейчасъ видѣлъ и съ вами говорилъ!

— Не можетъ быть, ваше превосходительство; я все время здѣсь былъ.

— Что-жъ, вы меня за сумасшедшаго считаете, что ли?

— Никакъ нѣтъ; это кто нибудь подъ меня поддѣлался; у меня тутъ много враговъ.

Спрашивалъ Туманскій вахмистра, унтеръ-офицеровъ, солдатъ,— всѣ хоть подъ присягу готовы идти, что графъ не выходилъ изъ комнаты. Несмотря на то, однако, Туманскій приговорилъ его еще на три мѣсяца отсиживать на конюшнѣ.

Благодаря своимъ шалостямъ, Стадницкій почти не разставался съ конюшней.

Вотъ еще одна его выходка, надѣлавшая много шума въ Гатчинѣ и долго вызывавшая у всѣхъ непритворный смѣхъ.

Былъ въ институтѣ одинъ учитель нѣмецкаго языка, Фермеренъ, нѣмецъ худенькій и очень смирный, но крайне близорукій: днемъ видѣвшій едва ли на разстояніи пяти шаговъ, а въ сумеркахъ — не далѣе шага. Вотъ, однажды, въ августовскій вечеръ, нѣмецъ этотъ возвращается домой, опираясь на дождевой зонтикъ. Идетъ онъ довольно скоро, отмѣривая своими длинными и тонкими ногами шаги въ полтора аршина, какъ вдругъ недалеко передъ собой услышалъ, какъ ему показалось, сильный топотъ лошадиныхъ копытъ по мостовой. Не зная, въ которую сторону броситься, такъ какъ не видѣлъ, откуда грозитъ опасность, Фермеренъ остановился, вытянулъ зонтикъ впередъ въ видѣ копья и началъ кричать во все горло:

— Ихъ бинъ хйръ, хѣренъ-вй, эй! Дасъ бинъ ихъ!

Но было поздно: лошадь на него наскочила, грудью прямо на зонтикъ, и несчастный нѣмецъ опрокинулся вверхъ ногами. Что произошло послѣ того, трудно описать, не бывъ свидѣтелемъ, но на другой день въ городское управленіе подана была отъ Фермерена жалоба, въ которой излагалось, что такого-то числа онъ возвращался вечеромъ домой, тихонько, никого не беспокоя на улицѣ, какъ слышалъ передъ собою конскій топотъ. Для предупрежденія опасности онъ, Фермеренъ, началъ кричать и наставилъ зонтикъ впередъ, но все это не помогло. Лошадь на него наткнулась, повалила въ грязь и начала топтать ногами, несмотря на то, что онъ, Фермеренъ, кричалъ во все горло: «на кра-уль! на кра-уль!». Когда же онъ опомнился, то узналъ, что это была не лошадь, а графъ Стадницкій и съ нимъ еще какой-то неизвѣстный человѣкъ. Переставъ бить кулаками Фермерена, этотъ неизвѣстный человѣкъ вскочилъ на плечи графа Стадницкаго, щелкнулъ бичемъ по воздуху, и они ускакали такимъ образомъ, посрамляя человѣческое и графское достоинство. Вслѣдствіе всего этого Фермеренъ проситъ удовлетворить себя на законномъ основаніи.

Графа потребовали къ отвѣту въ полковую канцелярію, куда передана была жалоба Фермерена. Прочитавъ, Стадницкій нашелъ ее совершенно справедливой.

— Нѣмецъ правъ, — заявилъ онъ, — но и я не виноватъ. Вотъ въ чемъ дѣло: у меня былъ въ гостяхъ мой товарищъ. Посидѣвъ довольно долго, онъ хотѣлъ уйти, но я просилъ его остаться еще хоть на часокъ. Онъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы я довезъ его до дому. Я объявилъ, что довезу даже на собственныхъ плечахъ, если онъ хочетъ. Онъ этому не повѣрилъ, потому что почти вдвое тяжелѣе меня и живетъ на другомъ концѣ города. Мы держали

пари; чтобъ выиграть, я посадилъ его верхомъ себѣ на плечи и понесъ то рысью, то галопомъ. Такимъ образомъ ѣхали мы смирно, никого не трогая, какъ вдругъ кто-то ударилъ меня концомъ палки въ грудь. Отъ сильнаго толчка я споткнулся, товарищъ мой соскочилъ, и, не зная, въ чемъ дѣло, мы отдули хорошенько того, кто былъ причиною нашего паденія. Нѣмецъ самъ виноватъ, зачѣмъ не посторонился и высунулъ еще впередъ свой дурацкій зонтикъ.

Несмотря на это очень правдивое объясненіе, графа Стадницкаго посадили, по обычаю, на конюшню, на все время производства слѣдствія. Это въ сущности глупое дѣло хотѣли раздуть, такъ какъ графъ многихъ вооружилъ противъ себя. Никто не рѣшался, однако, лично нападать на него прямо, а потому и обрадовались, что хоть какой-то нѣмецъ затѣялъ формальное дѣло. За спиною Фермерена они хотѣли работать для избавленія себя отъ графа, котораго обвиняли главнѣйше въ томъ, что онъ не имѣлъ права никого сажать себѣ на плечи,—во-первыхъ, какъ человѣкъ вообще, во-вторыхъ, какъ дворянинъ, въ-третьихъ, какъ графъ, въ-четвертыхъ, какъ служащій.

На все это графъ отвѣчалъ, что запрещать ему возить на своихъ плечахъ кого бы то ни было никто не можетъ, потому что въ законахъ подобнаго запрещенія нѣтъ. Унизительнаго же для его человѣческаго, дворянскаго, графскаго и служебнаго достоинствъ въ этомъ поступкѣ также ничего не было, потому что онъ сдѣлалъ это ради услуги товарищу, и объявляетъ заранѣе, что впередъ всѣхъ своихъ добрыхъ пріятелей будетъ развозить по домамъ на собственныхъ плечахъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это дѣло, если бы Фермеренъ, къ великому прискорбію своихъ защитниковъ, не струсилъ. Онъ, вѣроятно, сообразилъ, что Стадницкаго во всякомъ случаѣ не сошлютъ за это въ Сибирь, и что онъ можетъ когда нибудь жестоко отмстить ему, а потому подалъ въ комиссію, разсматривавшую дѣло, новое прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что беретъ свою жалобу назадъ, никакихъ претензій къ графу Стадницкому не имѣетъ и желаетъ съ нимъ примириться въ присутствіи членовъ слѣдственной комиссіи.

Въ назначенный день Фермеренъ и графъ Стадницкій предстали передъ комиссіей. Составили протоколъ, и секретарь комиссіи прочелъ его ровнымъ, торжественнымъ, офиціальнымъ тономъ. Когда чтеніе протокола кончилось, Стадницкій подошелъ къ Фермерену:

— Ну, что, мой милый Карлъ Адамычъ,—сказалъ онъ, протягивая ему руку:—вы на меня не сердитесь болѣе?

— Ахъ, ваше сіятельство, помилуйте, я очень радъ, я...

— Такъ миръ значитъ?

— О, йя, мирь!

— Давайте же, я васъ поцѣлую за это!—сказалъ графъ.

И не успѣлъ Фермеренъ опомниться, охватилъ его своими желѣзными руками и отъ избытка радости, должно быть, началъ такъ сжимать, что несчастный Фермеренъ, болтая въ воздухѣ ногами, завизжалъ, какъ поросенокъ, котораго рѣжутъ.

— Херъ графъ, херъ графъ!—кричалъ онъ,—генухъ, лассенъ вѣй миръ, корошо, я доволенъ, я опинъ доволенъ, ой-ой-й, херъ графъ!

Но графъ, въ порывѣ неудержимаго восторга, повидимому, ничего не слышалъ и продолжалъ давить и цѣловать несчастнаго нѣмца, такъ что у него кости хрустѣли, а отъ поцѣлуевъ оставались на лицѣ багровыя пятна. Съ Фермереномъ легко могъ бы сдѣлаться ударъ, если бы присутствовавшіе не вскочили и не вырвали кое-какъ несчастной жертвы изъ рукъ Стадницкаго.

— Ну, чортъ съ тобой, проклятый нѣмецъ!—сказалъ онъ, выпустивъ, наконецъ, Фермерена.—Будетъ съ тебя; теперь ты меня долго будешь помнить.

За эту шутку Стадницкаго снова хотѣли посадить на конюшню, но Фермеренъ самъ просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

Съ тѣхъ поръ графъ Стадницкій взялъ Фермерена подъ свое покровительство, выразившееся, впрочемъ, только въ томъ, что онъ его не обижалъ.

— Это славный нѣмецъ,—говаривалъ онъ.

А Фермеренъ вездѣ расхваливалъ графа и говорилъ, что теперь они такъ дружны между собою, какъ Орестъ и Пиладъ...

У Стадницкаго, какъ онъ и самъ выражался, весь городъ ходилъ по стрункѣ. Одни были имъ закуплены, другіе его боялись. Всѣ свои десять или двѣнадцать тысячъ дохода онъ употреблялъ или на плату жалованья своимъ людямъ, прикрывавшимъ его шалости, или на самыя дикія, хотя подчасъ и великодушныя траты.

Вадумалось, напримѣръ, ему купить въ Петербургѣ великолѣпную медвѣжью шубу, стоившую около тысячи рублей. Нарядившись въ нее и въ персидскую шапку, ѣдетъ онъ въ дилижансѣ обратно. Дорогой встрѣчается нищій, промерзшій до костей, и проситъ кондуктора посадить его. Тотъ отказывается за недостаткомъ мѣста даже на козлахъ. Графъ услыхалъ это.

— Да вѣдь онъ замерзнетъ!—кричитъ онъ кондуктору.

— Что же дѣлать, ваше сіятельство! Мѣстовъ совсѣмъ нѣтъ.

— Эй, ты!—крикнулъ графъ нищему.—Пойди сюда!

Нищій подошелъ.

— На тебѣ шубу; придешь въ городъ, такъ спроси тамъ графа Стадницкаго и отнеси ее къ нему.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя шубу и выкинулъ ее въ окно. Пассажиры стали упрекать графа.

— Что вы дѣлаете? Вѣдь шуба дорогая, а Богъ его знаетъ, этого нищаго, принесетъ ли онъ ее вамъ? Навѣрное, нѣтъ. Да и вы сами теперь простудитесь: послѣ шубы сидѣть такъ на морозѣ...

— Ничего,—говорилъ графъ, стуча зубами, — пропадетъ шуба, такъ Богъ съ ней, а я авось не замерзну. Не то еще случилось мнѣ терпѣть.

Къ счастью, графъ не простудился и не захворалъ, а на третій или четвертый день нищій отыскалъ его и принесъ шубу, за что и получилъ двадцать пять рублей.

Графъ, какъ юнкеръ, разумѣется, не имѣлъ права носить медвѣжьей шубы, да онъ и не нуждался въ ней, такъ какъ, обладая крѣпкимъ здоровьемъ, легко переносилъ холодъ. Онъ купилъ ее безъ всякой особенной цѣли, просто потому, что она понравилась ему. Но, пока она у него существовала, что было очень не долго, онъ пользовался ею, чтобъ разнообразить свои шалости.

Мнѣ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, когда я познакомился съ графомъ Стадницкимъ. Приглашая меня къ себѣ, онъ сообщилъ, что живетъ въ Загвоздинской улицѣ. Наслышавшись объ немъ, какъ о человѣкѣ богатомъ и тароватомъ, я невольно подумалъ, что его жилище представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ маленькаго дворца. Съ этой мыслью прихожу въ названную улицу и спрашиваю у будочника съ свѣчкой въ рукахъ, гдѣ домъ отставного помощника придворнаго истопника, въ которомъ живетъ графъ Стадницкій. Будочникъ указалъ на крохотный домишко, всего въ два окна на улицу, выкрашенный желтой краской, съ бѣлыми рамами, зелеными ставнями и красной крышей. Вхожу въ калитку на дворъ—ни души. Направо домикъ съ крылечкомъ, прямо—конюшня. Подымаюсь на три ступеньки покосившагося, по русскому обычаю, крылечка и вхожу въ переднюю, въ которой стоитъ пустой ушатъ, въ углу коромысло, на гвоздѣ виситъ кнутъ, да на полу валяется растрепанная рогожа—должно быть, коверъ. Таковъ былъ аванзалъ графскаго дворца. Отворяю единственную дверь и вступаю въ самый храмъ. Тамъ тоже—ни души. Небольшая комната раздѣлена вдоль пополамъ низенькой перегородкой, такъ что на каждую половину приходится по одному окну. Въ первой половинѣ стоитъ ломберный столъ на трехъ ногахъ, а вмѣсто четвертой ружейное дуло. Одинъ стулъ съ продавленной плетенкой и кожаный диванъ безъ спинки и съ обнаруженными мочалками. Волѣе ничего. Поглядѣлъ на стѣны — тоже ничего: ни картинки, ни зеркала, ни гвоздя. Сунулъ за перегородку—тамъ меблировка еще скуднѣе и вся состоитъ изъ двухъ бараньихъ тулуповъ, брошенныхъ въ углу.

— Что за чертовщина? Да не можетъ же быть, чтобы тутъ жилъ графъ Стадницкій,—мелькнуло у меня въ головѣ.—Будочникъ, безъ сомнѣннй, ошибся.

Я уже выходилъ въ переднюю, съ намѣреніемъ вернуться къ будочнику и переспросить его толковѣе, какъ услышалъ въ комнатѣ за собою шорохъ. Отъ неожиданности я даже вадрогнулъ и обернулся.

— Кто тамъ?—раздался голосъ изъ-за перегородки.

Часъ отъ часу не легче! Я вѣдь заглядывалъ за перегородку, но, кромѣ тулуповъ на полу, ничего не видѣлъ. Развѣ есть дверь въ стѣнѣ, которой я не замѣтилъ? Да, впрочемъ, и того не можетъ быть: вѣдь домъ-то всего въ два окна, которыя тутъ оба на лицо. Все это мелькнуло у меня въ головѣ въ то время, какъ я на вопросъ отвѣтилъ вопросомъ же:

— Не знаете ли, гдѣ живетъ графъ Стадницкій?

— Здѣсь! Идите сюда!

Теперь я узналъ голосъ графа.

— Да гдѣ же вы тутъ?

— А вотъ гдѣ!—сказалъ графъ, скидывая съ себя одинъ тулупъ и подымаясь.—Здравствуйте.

— Да какъ же я не замѣтилъ, что вы лежите подъ тулупомъ? Развѣ дыра есть въ полу?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, отшвырнувъ тулупы ногой и осмотрѣвъ внимательно полъ,—какъ видите, дыры нѣтъ.

— Удивительное же дѣло, какъ это вы ухитрились такъ свернуться подъ тулупомъ.

— У меня ужъ такая привычка. Ну, спасибо, что зашли. Пойдемте на диванъ; вы вѣдь не умѣете на полу сидѣть.

— А вы?

— Мнѣ все равно, я вездѣ усядусь.

— Неужели, графъ, вы тутъ живете?

— Не всегда; это только мой увеселительный домъ, а постоянная квартира на эскадронной конюшнѣ...

— И спите тутъ, на тулупѣ, даже безъ подушки?

— А это что?—сказалъ онъ, показавъ свой здоровенный кулакъ.

Я невольно засмѣялся его наивной простотѣ.

— Хотите вяземскаго пряника?—спросилъ онъ.—У меня тутъ больше ничего нѣтъ.

— А пряникъ какимъ образомъ попалъ?

— Вяземскіе-то пряники у меня всегда есть. Я болѣе ничего не ѣмъ, кромѣ солдатскихъ щей да вяземскихъ пряниковъ. На-те; только-что вчера мнѣ изъ Вязьмы прислали ящикъ.

Сказавъ это, онъ далъ мнѣ пряникъ и началъ самъ тоже жевать.

— А видѣли моихъ лошадей?—спросилъ онъ неожиданно.

— Нѣтъ; покажите.

— Пойдемте въ конюшню.

Мы вышли. Судя по обстановкѣ квартиры, я, признаюсь, не совсѣмъ повѣрилъ, что у него есть лошади, а думалъ, что, ради шутки,

онъ вмѣсто лошадей покажетъ мнѣ сломанную кочергу. Но очень ошибся. Когда графъ отворилъ конюшню, я увидѣлъ въ стойлахъ трехъ донскихъ коней: два обыкновеннаго роста и очень красивые, а третій—высокій уродъ, сухопарый, костлявый, съ длинной шеей, вздернутой по-оленьему, и неуклюжей мордой. Это былъ какой-то одеръ, годный только для татарина, и то ужъ очень голоднаго.

— Каковы кони?—спросилъ графъ.

— Эти два отличные, а ужъ того, я не знаю, на какой прахъ вы держите.

Графъ засмѣялся.

— Вы, батенька, такой же кавалеристъ, какъ и мои сослуживцы,—сказалъ онъ.—Вамъ нужно, чтобы у лошади пузо висѣло до земли, да чтобы она ноги ворочала какъ бревна, такъ ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ же!

— А хотите знать, что я на этой лошади на-дняхъ сдѣлалъ?

— Хочу.

— Да не больше, какъ проѣхалъ восемьдесятъ верстъ, отдыхая только по четверть часа на двадцать верстъ. И эту штуку, батенька, мы съ нимъ отмахнули въ шесть часовъ времени.

— Будто?

— Я держалъ пари; можете спросить у тѣхъ, кто проигралъ.

Графа Стадницкаго всѣ въ городѣ боялись и въ семейныхъ домахъ онъ нигдѣ не былъ принятъ, да онъ и самъ не чувствовалъ никакой склонности играть въ фанты или танцовать съ кисейными барышнями. Единственнымъ исключеніемъ было наше семейство. Почему это случилось, я объяснить не умѣю, но только Стадницкій очень любилъ моего отца и меня, и довольно часто приходилъ къ намъ. Мой отецъ также относился къ нему довольно добродушно и не запрещалъ мнѣ вести съ нимъ знакомство, хотя его со всѣхъ сторонъ предупреждали, что знакомство съ такимъ отчаяннымъ человекомъ не можетъ быть полезно для мальчика двѣнадцати-четырнадцати лѣтъ. Но мой отецъ зналъ, что дѣлалъ: графъ Стадницкій былъ большой шалунъ, но и только. Во всемъ остальномъ онъ рѣзко отличался отъ своихъ товарищей юнкеровъ и даже офицеровъ, для которыхъ въ тѣ времена не было другихъ развлеченій кромѣ вина, картъ и распутныхъ женщинъ. Стадницкій же въ карты не игралъ и вина совершенно не пилъ, а только школьничалъ, какъ мальчишка десяти лѣтъ; поэтому, вѣроятно, отецъ и не считалъ знакомство съ нимъ опаснымъ для моей нравственности.

Въ тѣ времена полагалось юнкерамъ служить до производства въ офицеры всего два года. Стадницкій же прослужилъ юнкеромъ въ кирасирскомъ полку чуть ли не восемь лѣтъ, такъ какъ его не производили, въ наказаніе за шалости. Онъ нисколько объ этомъ не горевалъ и говорилъ, что даже радъ этому, такъ какъ, будучи офицеромъ, пришлось бы держать себя приличнѣе, а онъ этого не умѣлъ.

Но, наконецъ, ему самому надоѣло жить въ Гатчинѣ и онъ просилъ о переводѣ его въ Нижегородскій драгунскій полкъ, такъ много прославившійся своими подвигами на Кавказѣ. Разумѣется, все начальство Стадницкаго, съ генераломъ Туманскимъ во главѣ, обрадовалось этому и всѣми мѣрами поспѣшило удовлетворить его желаніе. Когда переводъ состоялся и онъ уже надѣлъ новую форму, то явился къ обѣднѣ въ институтскую церковь, куда, какъ онъ узналъ, хотѣлъ пріѣхать генераль Туманскій.

Домашняя институтская церковь была расположена въ самомъ зданіи института и имѣла передъ собою залъ, въ которомъ также собирались молеельщики, за недостаткомъ мѣста въ церкви. Къ этому залу примыкалъ коридоръ, по которому надо было пройти до лѣстницы, выводившей на дворъ. Стадницкій пріѣхалъ только къ концу обѣдни и всталъ въ коридорѣ, прямо противъ дверей въ церковный залъ. Когда обѣдня кончилась, Туманскій, вмѣстѣ съ другими, выходилъ изъ церкви подъ руку съ женою и, разумѣется, увидѣлъ Стадницкаго. Не предвидя ничего добраго отъ этой встрѣчи, Туманскій пожелалъ, вѣроятно, умиловитивъ Стадницкаго напослѣдяхъ и подошелъ къ нему самъ, вмѣстѣ съ женою.

— А-а!—сказалъ онъ,—вы уже въ новой формѣ, графъ; поздравляю васъ.

Стадницкій вытянулся по-солдатски, руки по швамъ, и во все горло гаркнулъ:

— Покорно благодарю, ваше-ствооооо!

Никакъ не ожидая подобной выходки, Туманскій отступилъ отъ него, но попробовалъ еще сказать:

— Желаю вамъ всего лучшаго на новой службѣ.

— Счастливо оставаться, ваше-ствооооо!—еще громче заоралъ Стадницкій.

Разумѣется, кругомъ раздался общій хохотъ и Туманскій поспѣшилъ удалиться отъ этого необузданнаго дикаря.

Такимъ образомъ распростились эти непримиримыя между собою альфа и омега полковой іерархіи.

Съ отъѣздомъ графа Стадницкаго, я навсегда потерялъ его изъ виду и рѣшительно ничего не знаю о дальнѣйшей его судьбѣ.

Комендантомъ дворца и города Гатчины состоялъ инженеръ генераль-лейтенантъ Люце. Онъ былъ лютеранинъ и, какъ говорили, принадлежалъ къ сектѣ гернгутеровъ. Это былъ въ своемъ родѣ человѣкъ очень оригинальный, уже хотя въ томъ отношеніи, что казенное и царское имущество берегъ пуще своего глаза, въ противность всѣмъ общепринятымъ понятіямъ.

Помимо этого, Люце обладалъ другимъ свойствомъ, еще болѣе рѣдкимъ, а именно: полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго самоуниженія передъ людьми, поставленными выше его. Съ самимъ государемъ онъ говорилъ и держалъ себя съ такимъ величавымъ достоин-

ствомъ и въ то же время такъ просто и серьезно, какъ будто государь былъ очень немного выше его по своему общественному положенію. Мнѣ случалось много разъ видѣть императора Николая Павловича и часто находиться вблизи его, и потому я довольно наглядѣлся, какъ люди, наиболѣе сильные, властные и приближенные къ нему, раболѣпно сгибались передъ нимъ дугой; поэтому-то достоинство, съ которымъ держалъ себя передъ нимъ Люце, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на мое дѣтское воображеніе. Теперь я понимаю эти отношенія: Люце не былъ карьеристъ; онъ ничего не добивался и ничего не искалъ, а потому и не считалъ нужнымъ унижаться передъ кѣмъ бы то ни было. Строгое исполненіе своихъ обязанностей и безукоризненную честность онъ ставилъ выше всего, нисколько не заботясь о томъ, будутъ ли эти его достоинства опѣнены и награждены, что и давало ему полнѣйшую свободу дѣйствій. Но въ то время, когда я еще не могъ относиться критически ко всякому явленію, понятно, что Люце представлялся мнѣ какимъ-то особеннымъ человѣкомъ, чуть ли не сверхъестественнымъ.

Люце заботился объ обширныхъ Императорскихъ садахъ и паркахъ гатчинскаго дворца съ такою же тщательностью и даже мелочностью, какъ будто они составляли его любимую собственность. Довольно указать на то, что онъ никогда не разставался съ садовымъ ножомъ и, обходя парки, тщательно осматривалъ всѣ деревья и кусты и собственноручно обрѣзывалъ сухія вѣтви, какъ нибудь пропущенныя садовниками. Несмотря на преклонный возрастъ, онъ влѣзалъ иногда для этого на дерево, что и повело однажды къ слѣдующему смѣшному случаю.

Какой-то воспитанникъ института запримѣтилъ на деревѣ вѣтку и полѣзъ наверхъ ее поймать. Случилось такъ, что на это же дерево полѣзъ и Люце обрѣзывать какой-то сукъ, вѣроятно сломавшійся подъ ногами воспитанника. Люце замѣтилъ шалуна на верху дерева и, разсерженный тѣмъ, что тотъ сломалъ сучекъ царскаго дерева, приказывалъ ему спуститься внизъ. Озадаченный и испуганный мальчикъ долго не рѣшался исполнить приказаніе, но потомъ догадался быстро соскочить съ дерева, мимо Люце, сидѣвшаго на нижнемъ суку, и убѣжать. Къ сожалѣнію, онъ потерялъ при этомъ шапку. Люце ее подобралъ и пришелъ къ моему отцу съ жалобой на дерзновеннаго разорителя царскаго имущества.

Императоръ Николай Павловичъ, очевидно, высоко цѣнилъ рѣдкія качества Люце, потому что обращался съ нимъ, какъ съ своимъ другомъ, а не съ подданнымъ или подчиненнымъ. Во время пребыванія императора въ Гатчинѣ, Люце почти ежедневно обѣдалъ у государя и они часто вдвоемъ гуляли по саду. При этомъ Люце, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ государя, отходилъ отъ него, чтобы отрѣзать гдѣ нибудь сукъ или сдѣлать отмѣтку

на деревѣ, и государь терпѣливо поджидалъ, пока онъ кончитъ свое дѣло, и затѣмъ они продолжали прогулку далѣе.

Въ числѣ дѣтей Люце, была одна дочь, въ то время уже дѣвушка лѣтъ двадцати, страдавшая тихимъ умопомѣшательствомъ. Она сыграла со мною однажды очень скверную штуку. Какъ-то лѣтомъ была у насъ маленькая вечеринка, въ которой участвовало и семейство Люце. По окончаніи вечера, меня положили спать на диванѣ въ гостиной, такъ какъ моя кровать въ дѣтской комнатѣ понадобилась для кого-то изъ маленькихъ гостей, не помню почему-то оставшагося у насъ ночевать. Нужно сказать, что наша квартира состояла изъ семи комнатъ, раздѣленныхъ широкимъ коридоромъ, такъ что на одной сторонѣ его были три комнаты, выходившія окнами на улицу: залъ, налево отъ него гостиная и направо—комната бабушки (матери отца). По другую сторону коридора былъ отдѣльный кабинетъ отца, потомъ столовая, налево отъ нея спальня, а направо дѣтская. Такимъ образомъ, я спалъ, значить, совершенно отдѣленный отъ всѣхъ и спалъ, разумѣется, крѣпко, утомленный играми и танцами.

Несмотря на то, среди ночи я проснулся отчего-то, и, открывъ глаза, увидѣлъ, при начинавшемся разсвѣтѣ, что у меня въ ногахъ сидитъ на диванѣ бѣлое привидѣніе, съ огромными черными глазами... Можно себя вообразить, какой ужасъ обуялъ меня! Сначала я совершенно оцѣпенѣлъ и нѣсколько секундъ лежалъ неподвижно, а потомъ вдругъ выскочилъ изъ-подъ одеяла и съ ужаснымъ крикомъ бросился бѣжать черезъ залъ и коридоръ, къ кабинету отца, который на ночь всегда запирался изнутри на задвижку. Я началъ звать его и стучать въ дверь. Въ свою очередь перепуганный отецъ отворилъ мнѣ, наконецъ, дверь и впустилъ къ себѣ.

— Чтò съ тобою? Чтò случилось?—спрашиваетъ онъ меня съ тревогою.

— Тамъ... въ гостиной... привидѣніе... сидитъ, — кое-какъ я отвѣтилъ, дрожа отъ лихорадки.

Отецъ мой былъ человѣкъ безъ всякихъ предразсудковъ и суевѣрій. Всѣхъ насъ, дѣтей, онъ велъ такимъ образомъ, чтобы мы не знали никакихъ примѣтъ, не вѣрили ни въ какія сверхъестественныя явленія, а мальчиковъ, то-есть меня и двухъ младшихъ братьевъ, приучалъ, кромѣ того, не бояться самой смерти, и ничто его такъ не сердило, какъ трусость. Онъ испугался, когда я прибѣжалъ и поднялъ тревогу, думая, вѣроятно, что случился пожаръ или другое подобное несчастье; но, узнавъ въ чемъ дѣло, ужасно разсердился.

— Это что еще за вздоръ!—закричалъ онъ.—Пошелъ сейчасъ на мѣсто и ложись спать!

— Не пойду, не пойду, папа,—отвѣчалъ я:—милый папа, оставь меня тутъ!

На шумъ, поднятый мною, пришла также и мать, испуганная не менѣе отца. Она, конечно, отнеслась къ моему страху нѣсколько мягче, чѣмъ отецъ, и уговаривала его не насиловать мой страхъ. Порѣшили, наконецъ, пойти туда всѣмъ. Отецъ тащилъ меня за руку, я немножко упирался и прятался за него, мать шла за нами. Въ такомъ порядкѣ мы вошли въ гостиную, и только-что отецъ собрался уличить меня въ ложномъ страхѣ, какъ вдругъ самъ остановился въ совершенномъ недоумѣніи: на диванѣ, на моемъ мѣстѣ, лежала женщина, вся въ бѣломъ, и при нашемъ входѣ слегка приподняла голову отъ подушки.

— Боже мой! Чтѣ это?—вскрикнула мать, совершая крестное знаменіе.

Отецъ оставилъ мою руку и подошелъ къ дивану. Привидѣніе въ эту минуту совсѣмъ поднялось и, сверкая своими черными глазами, весело улыбнулось.

— Мы опять будемъ танцовать?—радостно и просительно сказала она.

Это оказалась дочь Люце! Несчастливая дѣвушка какъ-то ухитрилась уйти изъ дому, какъ была въ юбкѣ, кофтѣ и ночномъ чепцѣ, и возвратилась къ намъ, гдѣ ей такъ было весело...

Когда дѣло разъяснилось, отецъ долженъ былъ одѣться, чтобъ проводить ее домой.

— Зачѣмъ вы меня уводите отсюда?—просилась бѣдненькая:— мнѣ такъ было хорошо у васъ...

Ее успокаивали тѣмъ, что она завтра опять можетъ прійти къ намъ танцовать.

Къ числу очень симпатичныхъ сторонъ характера императора Николая Павловича надо отнести его заботу о почетномъ призрѣніи своихъ вѣрныхъ слугъ. Такъ, понадобилось ему однажды пристроить какого-то стараго генерала, фамилію котораго, къ сожалѣнію, я не помню. Онъ совѣщался объ этомъ съ Люце и они придумали такого рода комбинацію: генераль этотъ былъ назначенъ комендантомъ дворца, а Люце остался комендантомъ города. Но чтобы не учреждать для новаго дворцоваго коменданта особаго управленія, завѣдываніе дворцомъ осталось въ рукахъ Люце, а новому коменданту предоставлено было высшее наблюденіе за дворцомъ, гдѣ ему было отведено и приличное помѣщеніе. Такимъ образомъ, Люце получилъ начальника, къ которому долженъ былъ относиться съ докладами и рапортами, чему онъ безъ всякаго протеста подчинился.

Въ другой разъ былъ такого рода случай. Императоръ Николай Павловичъ поселилъ въ Гатчинскомъ дворцѣ психически разстроеннаго бывшаго военнаго губернатора Петербурга, Кавелина, и приказалъ Люце исполнять безпрекословно всѣ прихоти больного, такъ какъ, вѣроятно, доктора поставили это условіемъ воз-

возможности его испытанія. Воля государя была свято исполнена. Такъ, однажды Кавелинъ вышелъ ночью изъ дворца въ одномъ бѣлѣ и туфляхъ, направился въ стоящія напротивъ кирасирскія казармы и велѣлъ вызвать полкъ тревогою на смотръ. Полкъ вышелъ, насколько возможно было скоро, и Кавелинъ, сидя верхомъ, пропустилъ его нѣсколько разъ мимо себя разными аллюрами.

Въ другой разъ онъ пріѣхалъ также ночью, одѣтый въ халатъ, въ институтскую церковь, велѣлъ послать за священникомъ и, когда тотъ явился, потребовалъ служить молебенъ. Къ счастью, онъ не потребовалъ вызвать для этого воспитанниковъ. Но жившее въ зданіи института начальство, въ томъ числѣ и мой отецъ, должно было присутствовать.

Еще припоминаю одинъ случай. Любо дѣлалъ обѣдъ, на который приглашены были, кромѣ Кавелина, командиръ кирасирскаго полка, генералъ Туманскій, и директоръ института, фонъ-Д. Во время обѣда Кавелинъ взялъ тарелку съ супомъ, вылилъ въ нее изъ судочка уксусъ, прованское масло, горчицу, насыпалъ перцу, соли и, размѣшавъ хорошенько, сталъ угощать этимъ новымъ кушаньемъ бывшихъ за столомъ. Всѣ пробовали, но, разумѣется, не могли ѣсть. Тогда Кавелинъ взялъ ложку и началъ самъ хлебать это блюдо, но его чѣмъ-то отвлекли и избавили отъ возможности разстроить себѣ желудокъ. Послѣ обѣда, когда вышли въ садъ, Кавелинъ построилъ всѣхъ въ одну шеренгу и предложилъ бѣжать на перегонку. Особенно, говорили, была при этомъ комична фигура фонъ-Д., съ его надменною наружностью и вытянутою впередъ губою.

Кавелинъ, впрочемъ, не долго чудесилъ и мѣсяца черезъ два или три скончался.

II.

Черты характера императора Николая Павловича.—Дѣтскій вечеръ въ Гатчинскомъ дворцѣ.—Образъ жизни Императорской семьи въ Гатчинѣ.—Г-жа Штакеншнейдеръ.—Излѣченіе ею болѣзни императрицы Александры Ѳеодоровны.—Моя бабушка.—Докторъ Пфейферъ.—Патеръ Сикорскій.—Оригинальный визитъ бабушки къ императрицѣ.—Два анекдота объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Въ характерѣ императора Николая Павловича выдѣлялись двѣ черты, рѣзко противоположныя, но которыя уживались какъ-то вмѣстѣ и образовали изъ его исторической фигуры нѣчто цѣльное, вмѣстѣ и привлекательное и грозное.

Онъ искренно любилъ народъ не на словахъ только, не для показу и не по обязанностямъ своего высокаго положенія, а вполне душевно и сердечно, и самъ, въ полнѣйшемъ смыслѣ слова, былъ

настоящій русскій человѣкъ и русскій богатырь, какими рисуютъ ихъ наши сказки: нѣжный и мягкій въ минуты мирнаго настроенія духа и грозный и неумолимый въ минуты гнѣва. Въ особенности онъ былъ безпощаденъ, когда видѣлъ въ чемъ нибудь нарушеніе вѣрнопопуданнической дисциплины.

Свою любовь къ людямъ онъ высказывалъ не только въ прирѣніи старыхъ и заслуженныхъ людей, какъ это мы видѣли выше— въ его отношеніяхъ къ двумъ гатчинскимъ комендантамъ и психически больному Кавелину, но также, если еще не болѣе, въ его отношеніяхъ къ дѣтямъ, съ которыми онъ часто любилъ попросту играть, какъ самый нѣжный и добродушный отецъ семейства. Въ играхъ съ дѣтьми онъ позволялъ или прощалъ имъ выходки, даже выходившія иногда изъ рамокъ приличія, довольствуясь только тѣмъ, что погрозить пальцемъ или скажетъ: «Ну-ну! довольно, кто тамъ шалить, смотрите у меня!». Не мудрено поэтому, что дѣти его боготворили и относились къ нему дѣйствительно, какъ къ любящему отцу, забывая безконечное разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ него, какъ отъ императора.

При гатчинскомъ институтѣ существовала такъ-называемая «школа малолѣтнихъ». Дѣти-сироты, до восьмилѣтняго возраста, помѣщались не въ институтѣ, а у частныхъ лицъ, преимущественно въ семействахъ служащихъ института, человѣкъ по шести, и только приходили въ школу часа на два или на три, гдѣ для нихъ были устроены разныя игры и гдѣ въ то же время ихъ слегка подготавливали къ занятіямъ. Однимъ словомъ, эта «школа малолѣтнихъ» была чѣмъ-то въ родѣ «дѣтскихъ садовъ» Фребеля, только устроенная на болѣе разумныхъ началахъ,—не въ упрекъ будь сказано великому педагогу. Когда мнѣ минуло лѣтъ шесть, отецъ сталъ посылать меня въ эту школу, что было тѣмъ удобнѣе, что она помѣщалась въ томъ же зданіи, въ которомъ мы жили.

Каждую осень, проживая въ Гатчинѣ, императоръ приказывалъ привозить эту школу (въ числѣ 60 до 70 мальчиковъ) во дворецъ. То же случилось и въ тотъ годъ, когда я былъ въ школѣ.

За нами присланы были придворные экипажи, въ которыхъ мы и отправились во дворецъ, одѣтые въ форменныя красныя кумачевыя рубашки и плисовые шаравары, въ сопровожденіи начальницы школы, г-жи Малициной, и двухъ классныхъ дамъ.

Во дворцѣ насъ ввели въ такъ-называемый «Арсенальный залъ», въ которомъ императоръ проводилъ почти каждый вечеръ съ членами своего семейства и немногими приближенными людьми. Въ этомъ залѣ были устроены — деревянная горка для катанья и качель, въ формѣ раковины. Государь предоставилъ намъ пользоваться горкой и качелями, и, конечно, мальчуганы не заставили себя лишній разъ просить. Скатываться съ горки надо было на суконкахъ. Во время самаго разгара этой дѣтской потѣхи, госу-

дарь сталъ внизу горки, разставивъ ноги, такъ что мы должны были проѣзжать между ними, какъ въ ворота. Нѣкоторые кувыркались, задѣвая за ноги государя, и такихъ онъ самъ поднималъ и ставилъ на ноги; другихъ подгонялъ, чтобы они прокатывались далѣе.

Случилось, что въ то время, какъ я только-что приловчился на верху горки сѣсть на свое сукно, кто-то изъ товарищей нечаянно меня толкнулъ, и я, вмѣсто того, чтобы скатиться, сидя на суконкѣ, покатился внизъ просто кубаремъ. Государь подхватилъ меня внизу прямо на руки и понесъ показывать императрицѣ, сидѣвшей въ другой сторонѣ зала. Что они тамъ про меня говорили, я не могъ тогда понять, потому что разговоръ шелъ по-французски; но послѣ этого государь донесъ меня до одного изъ приготовленныхъ для насъ чайныхъ столовъ и поставилъ около него на полъ, приказавъ и другимъ дѣтямъ идти чай пить.

Помню, что всѣ столы были круглые, приборовъ на десять каждый. Чашки были уже налиты и разставлены, съ кучками крендельковъ, сухарей и булокъ. Посреди каждаго стола возвышались серебряныя или хрустальныя вазы, съ фруктами и конфетами.

Поставивъ меня на полъ, государь взялъ изъ вазы двѣ конфетки въ бумажкахъ и засунулъ ихъ за воротъ моей рубашки у затылка, и затѣмъ, отойдя немного отъ стола, началъ разговаривать съ какими-то генералами. Я сконфузился и не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этими конфетами; въ это время одинъ изъ мальчиковъ, какъ теперь помню Богдановъ, отличавшійся необыкновенно большими и торчащими ушами, стоявшій за столомъ, какъ разъ противъ меня, увлеченный, вѣроятно, дѣтской жадностью къ лакомствамъ, обошелъ столъ и, подойдя ко мнѣ, вытащилъ у меня изъ-за ворота конфетки.

Государь увидалъ это и, должно быть, разсердился, такъ какъ этого несчастнаго Богданова тотчасъ же увели и отправили во-свои-ся раньше времени.

Когда мы отпили чай, государь велѣлъ намъ развернуть наши платки, держать ихъ за кончики, въ видѣ мѣшковъ, и каждому собственноручно накладывать конфеты и фрукты. По окончаніи этой раздачи, намъ опять позволили кататься съ горы и качаться на качеляхъ. Однимъ словомъ, мы пропировали у царя очень весело и съ полными уздами всякихъ сладостей воротились по домамъ въ тѣхъ же придворныхъ экипажахъ.

Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ до сихъ поръ живо въ моей памяти съ такою ясностью и точностью, что я могъ бы во всѣхъ подробностяхъ возстановить картину этого зала, съ его горкой и качелями, съ его круглыми столами и съ группой императрицы, сидѣвшей съ своими приближенными нѣсколько поодаль. Жалѣю только, что моя дѣтская память не сохранила хотя бы нѣкоторые

разговоры, или даже отдѣльныя фразы, которые велъ государь какъ съ дѣтьми, такъ и со своими приближенными.

И на этомъ вечерѣ, во всей своей яркости, выказались тѣ двѣ черты императора Николая, о которыхъ я говорилъ выше. Онъ игралъ съ дѣтьми у горки, какъ только можетъ играть родной и любящій отецъ; но, какъ только одинъ изъ мальчиковъ нарушилъ дисциплину и самовольно завладѣлъ конфетами, данными не ему, тотчасъ же былъ за это наказанъ и очень сурово, такъ какъ для шести-или семилѣтняго ребенка, какимъ былъ тогда Богдановъ, изгнаніе изъ дворца, вмѣстѣ съ лишеніемъ права получить конфеты, такъ заманчиво высившіяся въ вазахъ,—было наказаніемъ, конечно, очень тяжкимъ.

Для меня же этотъ вечеръ, оставшійся такъ памятнымъ на всю жизнь, представляется въ самомъ розовомъ свѣтѣ, и теперь, на склонѣ своей жизни, я могу сказать (пародируя Пушкина):

Меня замѣтилъ императоръ,
И на рукахъ своихъ носилъ.

Императорская семья проживала въ Гатчинѣ совершенно патріархальнымъ образомъ. Государь Николай Павловичъ, по возможности, никого не стѣснялъ и любилъ даже, когда жители относились къ нему съ тою довѣрчивостью и любовью, которыя характеризуютъ отношенія дѣтей къ своему отцу. Простота отношеній простиралась до такой степени, что жителямъ не запрещалось смотрѣть въ окна дворца, когда Императорская фамилія сидѣла за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ, или проводила вечеръ въ разговорахъ и увеселеніяхъ.

Арсенальный залъ, въ которомъ Императорская семья собиралась по вечерамъ, помѣщался въ нижнемъ этажѣ и выходилъ окнами на обширный внутренній дворъ. Хотя у воротъ стоялъ часовой, но только не для караула, такъ какъ доступъ на этотъ дворъ былъ совершенно свободенъ для всѣхъ. Будучи мальчикомъ 10—12-ти лѣтъ, я очень часто ходилъ съ товарищами на этотъ дворъ и, уюбившись на широкомъ приступкѣ стѣны, смотрѣлъ, какъ царская семья проводитъ время въ своемъ домашнемъ кругу. Государь не приказывалъ даже спускать шторы и зачастую подойдетъ къ окну, посмотритъ въ темноту на освѣщенные изъ зала лица любопытныхъ, улыбнется, поклонится и отойдетъ. Придворные служители даже наживались немного отъ этого, принося стулья или скамейки для дамъ, чтобы имъ удобнѣе было смотрѣть въ окна.

Помню, что обѣдали всегда за длиннымъ столомъ. Государь садился посрединѣ, государыня напротивъ него. Направо и нѣлѣво отъ нихъ садились великіе князья и княжны и приглашенные лица. Во время обѣда всегда какой-то музыкантъ игралъ на роялѣ. Перемѣнъ блюдъ бывало немного, три или четыре не больше. Иногда

государю отдѣльно подавали горшочекъ съ гречневой кашей, которую онъ очень любилъ. Такъ какъ самъ государь не курилъ и терпѣть не могъ табачнаго дыма, то, конечно, и при дворѣ это удовольствіе не имѣло мѣста.

Послѣ обѣда, въ томъ же залѣ ставились два или три ломберныхъ стола, для желающихъ играть, а не играющіе садились группами бесѣдовать. Самого государя мнѣ ни разу не приходилось видѣть играющимъ въ карты. Онъ, большею частью, ходилъ послѣ обѣда по залѣ, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ приглашенныхъ лицъ. Иногда садился къ дамскому кружку императрицы и весело бесѣдовалъ.

Недалеко отъ дворца есть небольшое озеро, высокіе берега котораго отдѣланы правильными террасами въ три яруса. Когда снѣгъ покрывалъ землю и вода замерзала, эти террасы обливались въ одномъ мѣстѣ водой, такъ что образовывалась ледяная гора въ три уступа. Съ этой горы катались великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Такъ какъ и на ихъ катанье смотрѣть также не запрещалось, то понятно, что очень часто и тутъ собиралась толпа любопытныхъ, въ особенности мальчиковъ. Великіе князья приглашали иногда мальчиковъ участвовать въ этомъ катаньѣ и играли съ ними безъ всякаго стѣсненія. Мнѣ также случалось два раза участвовать въ этой дѣтской потѣхѣ, что было особенно забавно потому, что всякія шалости на этой горѣ, благодаря двумъ уступамъ, были совершенно безопасны. Кто катился на санкахъ, кто на дощечкѣ, кто просто безъ всего, иногда даже кубаремъ, такъ что это катанье было гораздо веселѣе катанья съ горъ, обыкновенно устраиваемыхъ для этого. Великіе князья приходили на гору одѣтыми въ шинелькахъ офицерскаго покроя, но укороченныхъ по колѣна.

Пробовали дѣлать иногда такія штуки: человекъ по три или по четыре станутъ въ рядъ, держась за руки. За ними еще два или три такихъ ряда. Затѣмъ всѣ должны бѣжать съ горы, по скользкому льду, рядъ за рядомъ. Понятно, что нѣкоторые изъ перваго же ряда падаютъ, на упавшихъ навалится слѣдующій рядъ, а тамъ и третій, и четвертый, такъ что нагромоздится цѣлая куча мальчугановъ, въ которой постороннее лицо никакъ бы не разобрало, какія ноги и руки кому принадлежать. Хохота, крику и визгу при этомъ не оберешься!

При всѣхъ этихъ играхъ, великіе князья обращались со всѣми мальчиками совершенно по-товарищески, не выговаривая или не требуя въ играхъ себѣ никакихъ льготъ. Зато и мальчики, иногда даже изъ простаго званія (одѣтые болѣе чисто), никогда не забывались и не позволяли себѣ излишнихъ вольностей. По крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы кто нибудь на это жаловался, что непремѣнно случилось бы, такъ какъ великихъ князей всегда со-

проводилъ ихъ воспитатель, наблюдавшій за играми. Отношенія устанавливались сами собой, если можно сказать, инстинктивно.

Государь никогда не приходитъ на эти катанья съ горъ, потому ли, что не хотѣлъ своимъ присутствіемъ стѣснять дѣтей, или потому что занятъ былъ въ это время—не знаю.

Верстахъ въ пяти отъ Гатчины, въ лѣсистой мѣстности, существуетъ водяная мельница, бывшая всегда извѣстной подъ именемъ «Гатчинской мельницы». Это та самая мельница, гдѣ императоръ Павелъ обѣдалъ въ тотъ день, когда къ нему пріѣхалъ графъ Зубовъ, братъ фаворита императрицы Екатерины II, съ извѣстіемъ о томъ, что съ нею сдѣлался ударъ.

Эту мельницу арендовалъ нѣкто Штакеншнейдеръ, отецъ извѣстнаго въ свое время архитектора. Императрица очень любила старую мельничиху и во время прогулокъ иногда заѣзжала къ ней. Этой г-жѣ Штакеншнейдеръ случилось однажды оказать императрицѣ большую услугу.

Дѣло въ томъ, что императрица одно время начала страдать ногами, не могу сказать навѣрное,—ревматизмомъ или чѣмъ другимъ, но только этой болѣзни не помогали никакія средства придворныхъ докторовъ. Всѣ мѣры, употреблявшіяся для лѣченія, повели только къ тому, что на ногахъ стали появляться язвы, вѣроятно, вызванныя не болѣзнью, а всякими мазями и пластырями.

Въ такомъ положеніи, съ больными ногами императрица поѣхала однажды навѣстить свою любимицу Штакеншнейдеръ и, между прочимъ, рассказала ей о своемъ горѣ. Выслушавъ внимательно императрицу, мельничиха попросила позволенія осмотрѣть ея ноги.

— Знаете чтò, государыня,—сказала она:—бросьте лѣчиться у вашихъ докторовъ и пріѣзжайте почаще ко мнѣ. Я васъ вылѣчу отъ этой болѣзни безъ всякихъ лѣкарствъ.

— Чѣмъ это?—спросила императрица.

— У насъ тутъ въ запрудѣ растетъ какая-то водяная трава. Одна чухонка научила меня употреблять ее въ разныхъ болѣзняхъ. Я пробовала на себѣ и на многихъ другихъ, и всегда очень помогало. Ревматизмъ какъ рукой снимаетъ; всякія раны и язвы скоро заживаютъ. Во всякомъ случаѣ она не повредитъ.

Наскучивши, вѣроятно, долго лѣчиться, императрица рѣшилась попробовать это средство и согласилась. Г-жа Штакеншнейдеръ обложила ея ноги свѣже собранной травой и просила снять ее только вечеромъ, ложась спать, а завтра пріѣхать снова, чтобы положить свѣжій травяной компрессъ.

Императрица дала слово никому не говорить объ этомъ и тщательно скрывала свое лѣченіе не только отъ придворныхъ докторовъ, но и отъ государя, и аккуратно каждый день заѣзжала на мельницу.

Случилось такъ, что въ скоромъ времени ноги императрицы зажили совершенно, всякія боли прекратились, яввы исчезли, и государь не могъ довольно нарадоваться успѣху выздоровленія и похвалиться искусствомъ докторовъ.

Тогда императрица открыла секретъ къ великому ужасу докторовъ и удивленію всего двора. Съ той поры многіе изъ жителей города стали обращаться къ г-жѣ Штакеншнейдеръ и она никому не отказывала въ своей медицинской помощи.

Описывая нашу квартиру, я упомянулъ, что одну изъ семи комнатъ занимала моя бабушка, съ отцовской стороны, Жозефина Іосифовна или Осиповна, какъ ее нѣкоторые называли. Это была замѣчательная старуха по своимъ оригинальнымъ взглядамъ, обычаямъ и привычкамъ.

Одѣвалась она по той старинной модѣ, которой слѣдовала, вѣроятно, въ дни своей молодости, т.-е. временъ Павла I; по крайней мѣрѣ, ея костюмъ близко подходилъ къ тому, въ которомъ обыкновенно изображаютъ императрицу Марію Ѳеодоровну. Дома она носила на головѣ чепчикъ, всегда бѣлый, съ кружевными гофрированными оборками. Подъ чепчикъ она подвязывала на вискахъ пеньковыя букли. Ея шею окаймлялъ широкій бѣлый гофрированный воротникъ. Шляпу носила съ высокой тульей и съ широкими полями, въ видѣ отверстія большого тромбона. Зимомъ на улицу надѣвала ватный салопъ, непременно черный, атласный, а лѣтомъ—накидку или пальто (не знаю, какъ это назвать) со многими воротниками. Въ рукахъ всегда имѣла большой зонтикъ, служившій не столько для прикрытія отъ солнца или дождя, сколько ради опоры ея старческимъ ногамъ. Несмотря на этотъ странный костюмъ, она, при своемъ высокомъ ростѣ, хорошемъ сложеніи и умѣнии себя держать съ большимъ достоинствомъ, производила очень пріятное впечатлѣніе, какъ красивая старуха. У меня виситъ до сихъ поръ ея поясной портретъ, писанный масляными красками художникомъ Говениусомъ, на которомъ она изображена сидящею въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, съ красной суконной обивкой, и, глядя иногда на этотъ портретъ, я, безъ всякаго родственнаго пристрастія, нахожу, что она была очень симпатичной и представительной старухой. Бабушка была родомъ венгерка и еще въ молодости пріѣхала съ мужемъ въ Россію. По-русски она говорила совершенно правильно и свободно, такъ же, какъ по-французски и по-нѣмецки, и вообще была хорошо образована. Она принадлежала къ числу очень немногихъ женщинъ, у которыхъ не существуетъ никакихъ примѣтъ, предрасудковъ, суевѣрій и всякаго тому подобнаго хлама. Въ этомъ отношеніи она далеко превосходила мою мать, Елизавету Алексѣевну, урожденную Захарову, которая, несмотря на воспитаніе, полученное въ Смольномъ монастырѣ, вѣрила примѣтамъ, гадалкамъ и всякимъ другимъ чуде-

самъ. Они часто спорили по этому поводу между собою, при чемъ бабушка никогда не выходила изъ себя, говорила спокойно, но и толково, а мать моя, обладавшая очень пылкимъ темпераментомъ, горячилась, возвышала голосъ, перебивала и торопилась забрасывать не доказательствами, а только примѣрами. Впрочемъ, споры между ними часто возникали и по всякимъ другимъ поводамъ, иногда совершенно ничтожнымъ, и я приписываю это главнѣйшимъ образомъ равености темпераментовъ обѣихъ женщинъ: бабушка жила больше разсудкомъ, а моя мать—сердцемъ; бабушка все дѣлала спокойно, обдуманно, разсудительно, а моя мать всегда поступала быстро, по первому впечатлѣнію, и упорно держалась его, во что бы то ни стало.

Но, несмотря на эти споры, возникавшіе по всякому поводу почти ежедневно, я не помню между ними ни одной ссоры. Онѣ обѣ были очень добры, такъ сказать, отходчивы, не злопамятны, и любили другъ друга. Бабушка относилась къ матери снисходительно, прощая ей нѣкоторые недостатки, а мать питала къ бабушкѣ самую почтительную любовь и предупреждала всѣ ея малѣйшія желанія.

Въ теченіе всей своей жизни я не встрѣчалъ человѣка болѣе самостоятельнаго во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, какъ моя бабушка. Она дѣлала только то, что сама признавала разумнымъ или нужнымъ, и рѣшительно не обращала никакого вниманія на то, что скажетъ свѣтъ.

Такъ, напримѣръ, она никогда и ни къ кому изъ нашихъ знакомыхъ не ходила, дѣлая исключеніе только для семейства одного доктора Пфейфера, о которомъ я долженъ, поэтому, сказать нѣсколько словъ.

Самъ докторъ, Антонъ Антоновичъ Пфейферъ, былъ честный и добродушный старикъ, очень похожій на портреты Крылова (разумѣется баснописца, а не драматурга), только гораздо красивѣе. Львиная грива серебряныхъ волосъ на головѣ и черные, нависшіе надъ глазами, брови, придавали его старческой наружности очень эффектный видъ. Онъ былъ всегда нашимъ семейнымъ докторомъ, избѣгалъ употребленія лѣкарствъ вообще, допуская только домашнія средства, преимущественно наружныя (горчичники, компрессы, натиранья и т. п.), и вообще былъ глубоко убѣжденный гигиенистъ, что въ тѣ времена было большою рѣдкостью. Жена его была женщина очень умная и хорошо образованная, но отличалась чрезвычайно рѣзкими манерами и звонкимъ голосомъ. Я до сихъ поръ какъ бы слышу, когда приходя къ намъ, она еще въ коридорѣ выкрикивала свое привѣтствіе бабушкѣ:

— Bonjour, grand'maman! Comment sa va?

А прислуга остряла по этому случаю: «кума сова пришла».

У нихъ была одна дочь, Екатерина Антоновна, и три сына, изъ которыхъ младшій, Антонъ, былъ моимъ большимъ пріятелемъ.

Все это семейство держало себя въ Гатчинѣ какъ-то особнякомъ и, подобно моей бабушкѣ, совершенно самостоятельно, не подчиняясь общепринятымъ обычаямъ. Довольно сказать, что Екатерина Антоновна, будучи замѣчательною красавицей, никогда не слѣдовала текущимъ модамъ, одѣвалась всегда очень просто, не ѣздила по баламъ, и не только сама не искала жениховъ, подобно всѣмъ другимъ барышнямъ, но упорно отказывала всѣмъ претендентамъ на свою руку, хотя между ними были многіе, въ особенности изъ числа офицеровъ кирасирскаго полка, представлявшіе во всѣхъ отношеніяхъ блестящія партіи. Она такъ и осталась навсегда старой дѣвой, но и подъ старость лѣтъ сохранила свою красоту, свѣжій розовый цвѣтъ лица, округленность формъ, веселый характеръ и свѣтлый умъ. По смерти родителей она жила съ своимъ братомъ Антономъ, служившимъ въ гусарахъ, и также старымъ холостякомъ.

Вотъ это-то семейство было единственнымъ въ Гатчинѣ, которое моя бабушка удостоивала иногда своими посѣщеніями, вѣроятно, вслѣдствіе сродства понятій и взглядовъ на жизнь и людей. Старикъ Пфейферъ всегда подшучивалъ надъ бабушкой.

— Вы еще ходите? — спросить онъ, бывало, ее, когда она, во время прогулки, зайдетъ къ нимъ посидѣть.

— Какъ видите, хожу, — отвѣтитъ бабушка.

— Ну, значить, я еще могу даже танцевать, — продолжаетъ шутить старикъ.

— Полно хвастаться, — возразить бабушка: — вѣдь вы гораздо старше меня.

— Никогда не былъ старше, Жозефина Осиповна. Богъ съ вами! Я не могу даже умереть раньше васъ. Спросите хоть жену. Недавно какъ-то мнѣ сдѣлалось очень скверно, жена испугалась, а я ей и говорю: не бойся ничего, Жозефина Осиповна еще жива, значить, и я не умру теперь.

Иногда Пфейферъ скажетъ бабушкѣ:

— Усталъ я жить; пора бы и на покой намъ съ вами.

— Да кто же вамъ мѣшаетъ? Ложитесь и умирайте, — сердито отвѣтитъ бабушка.

— Не могу, Жозефина Осиповна. Какъ же на томъ свѣтѣ я одинъ буду безъ васъ? Какъ ни тяжело, а надо здѣсь подождать васъ.

Когда оба старика уже не могли выходить и видѣться, они постоянно освѣдомлялись другъ о другѣ и пересылались поклонами. Шутливое желаніе Пфейфера сбылось: бабушка моя умерла раньше его. Но ея смерть скрывали отъ него и продолжали передавать ему поклоны отъ бабушки.

Другой пріятель бабушки былъ, странно сказать, одинъ сумасшедшій, по фамиліи Рейнботъ. Этотъ несчастный жилъ на пенсіи у одного часового мастера Винтера, вмѣстѣ съ другимъ сума-

спешимъ, Эйлеромъ. Эйлеръ былъ мрачный и сердитый меланхоликъ, а Рейнботъ — тихій и безвредный философъ, иногда разсуждавшій даже здраво. Видно было, что онъ получилъ хорошее образованіе и жилъ въ порядочномъ обществѣ, такъ какъ даже въ сумасшествіи любилъ одѣваться чисто и, по возможности, щегольски и сохранялъ очень изящныя манеры. Странныя отношенія связывали этихъ двухъ несчастныхъ: они постоянно ссорились и жаловались другъ на друга всѣмъ, кого встрѣчали, а между тѣмъ одинъ безъ другого скучали и беспокоились. Эйлеръ относился къ Рейнботу гордо и даже презрительно, а между тѣмъ ни за что не садился обѣдать, если при этомъ не было Рейнбота. Точно также Рейнботъ жаловался всѣмъ, что Эйлеръ злой и глупый старикъ, который даже кусается, а между тѣмъ, предполагая, что Эйлеръ стеклянный и при паденіи можетъ разбиться, постоянно ходилъ за нимъ, чтобы въ случаѣ паденія поддержать.

Этотъ-то Рейнботъ каждый четвергъ неизмѣнно приходилъ къ бабушкѣ пить кофе съ сладкими тортами, которые очень любилъ Бабушка съ нимъ разговаривала какъ бы съ человѣкомъ въ здравомъ умѣ. Если, бывало, Рейнботъ заврется и скажетъ что нибудь несообразное, бабушка совершенно спокойно остановитъ его, направить или перемѣнить предметъ разговора.

Наконецъ, третья пріятельница бабушки была простая нищая, салопница Марea, побиравшаяся по міру, небольшого роста, толстенъкая старушонка, съ мѣшкомъ за плечами и съ клюкою въ рукѣ. Какъ Рейнботъ являлся къ бабушкѣ по четвергамъ, такъ эта нищая обязательно являлась по воскресеньямъ, тотчасъ по окончаніи обѣдни. Для нея подавался хорошій завтракъ и варился кофе. Сложивъ котомку и снявъ верхнее платье въ кухнѣ, Марea отправлялась въ комнату бабушки и просиживала у нея, за завтракомъ и кофе, часа по два и по три. О чемъ онѣ тамъ бесѣдовали, я не знаю, такъ какъ никогда не интересовался этимъ. При уходѣ, Марea получала три копейки, никогда ни больше, ни меньше.

Бабушка была католичка, такъ же, какъ и отецъ мой. Въ Гатчинѣ существуетъ лютеранская кирка, но католическаго костела нѣтъ. Поэтому для католиковъ устроена была небольшая капелла въ частномъ домѣ, въ которой служба совершалась разъ въ двѣ недѣли ксендзомъ или патеромъ, пріѣзжавшимъ для этого изъ Царскаго Села. Въ мое время постоянно пріѣзжалъ доминиканецъ, патеръ Сикорскій, худощавый, небольшого роста человѣкъ, довольно веселый и остроумный. Онъ всегда пріѣзжалъ въ дилижансѣ въ субботу, вечеромъ, и на ночлегъ останавливался у насъ. Я любилъ его пріѣзды; мнѣ нравилась его одежда, вся изъ бѣлаго кашемира, и его остроумная, пересыпанная шутками и анекдотами, бесѣда.

Разъ, вечеромъ, во время ужина, рѣчь зашла объ отношеніяхъ между поляками и русскими. Патеръ Сикорскій, между прочимъ, разсказалъ, обращаясь прямо ко мнѣ, что въ школахъ западныхъ губерній мальчики, русскіе и поляки, постоянно дразнятъ другъ друга. Русскіе будто бы говорятъ: «эхъ, вы, поляки! Варшаву проспали!» А поляки на это отвѣчаютъ: «а вы, русскіе, только на сонныхъ и умѣете нападать».

Мое дѣтское патріотическое самолюбіе было сильно задѣто этимъ неумѣстнымъ разсказомъ. Я вспыхнулъ и чуть не заплакалъ отъ обиды. Отвѣчать Сикорскому чѣмъ нибудь я не могъ, такъ какъ еще не зналъ исторіи. Замѣтивъ мое волненіе, бабушка строго сказала ему, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ:

— Вы пріѣзжаете сюда, чтобы поддерживать и проповѣдывать христіанскую любовь, а не для того, чтобы разжигать вражду. За подобные разговоры надо мальчиковъ розгами сѣчь, а не повторять ихъ глупыя слова.

Сикорскій былъ очень сконфуженъ такимъ результатомъ своего разсказа и оправдывался тѣмъ, что онъ разсказалъ это только ради шутки.

Сколько я могъ замѣтить, и бабушка, и отецъ мой были люди вѣрующіе, но совершенно не фанатики, и тѣмъ болѣе не паписты. По крайней мѣрѣ, я много разъ слышалъ, какъ они, не стѣнясь, критиковали и осуждали всѣ тѣ ненормальныя явленія, которыми папизмъ удивляетъ міръ. Зная хорошо взгляды и характеръ бабушки, я увѣренъ, что если бы она дожила до объявленія папской непогрѣшимости, то съ досады отреклась бы отъ католической религіи.

Захотѣлось моей бабушкѣ однажды увидать императрицу Александру Ѳеодоровну. Не говоря никому о своемъ намѣреніи, она нарядилась щеголеватѣе обыкновеннаго, то-есть вмѣсто пеньковыхъ подвязала шелковыя сырцовыя буikli, воздвигла на голову свою гигантскую шляпу съ страусовымъ перомъ, накинула на плечи черную бархатную накидку, обшитую кружевами, и, вооружившись зонтомъ, который въ развернутомъ видѣ могъ прикрыть почти четырехъ человѣкъ, отправилась гулять въ дворцовый садъ.

Идетъ она по одной изъ аллей и встрѣчаетъ какого-то военнаго высокаго роста, безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ, около ногъ котораго бѣжитъ собака. Когда они сошлись, бабушка остановила незнакомца.

— Извините, что я васъ задержу, — обратилась она къ нему по-французски. — Вы здѣшняго полка или придворный?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Если бы вы были придворный, — отвѣтила бабушка, — то я попросила бы васъ научить меня, какъ и гдѣ можно увидѣть императрицу?

— Да, я состою немножко при дворѣ,—отвѣтилъ улыбнувшись военный:—и могу вамъ въ этомъ помочь. Но позвольте прежде узнать, кто вы такая?

— Я Жозефина Эвальдъ; мой сынъ служить здѣсь въ институтѣ.

— А-а! Я знаю вашего сына очень хорошо. Пойдемте ко дворцу. Развѣ вы никогда не видали императрицу?

— Нѣтъ, никогда не случалось встрѣчать ее.

— А императора вы видѣли?

— Только издали, когда онъ проѣзжалъ мимо нашего дома.

— Вы не желали бы его посмотреть?

— Нѣтъ,—отвѣтила старуха просто:—я на него сердита.

Военный взглянулъ съ удивленіемъ на бабушку.

— Сердиты?—переспросилъ онъ.—За что же?

— А за то, что онъ помогалъ австрійцамъ усмирять венгерцевъ.

— Какое же вамъ до этого дѣло?

— Какъ же мнѣ нѣтъ дѣла, когда я сама венгерка! — отвѣтила съ гордостью бабушка.

— Вотъ какъ! Очень жаль, что императоръ не зналъ этого раньше; можетъ быть, онъ тогда посовѣтовался бы съ вами, прежде чѣмъ начать эту кампанію,—замѣтилъ насмѣшливо военный.

— Онъ ничего бы не потерялъ отъ этого,—отвѣтила бабушка.— Есть вещи, которыя мы, женщины, понимаемъ лучше мужчинъ.

— Чтò же вы скажете насчетъ венгерской кампаніи?

— Теперь уже поздно объ этомъ говорить,—сказала бабушка, махнувъ рукой.

— Ну, все-таки... Какъ вы думаете объ этой войнѣ?

— Я думаю, — начала бабушка, — что государь сдѣлалъ ужасную ошибку, помогая австрійцамъ. Черезъ это онъ нажилъ себѣ и Россіи сильныхъ враговъ въ венгерцахъ и не нажилъ друга въ Австріи. Мы хорошо знаемъ австрійцевъ: это не такой народъ, чтобы чувствовать благодарность за сдѣланное добро.

— Можетъ быть, вы и правы, сударыня, — отвѣтилъ военный серьезно: — но въ политическихъ дѣлахъ никто и не разсчитываетъ на такія чувства, какъ любовь или благодарность. Если императоръ рѣшилъ поступить такъ, а не иначе, то, вѣроятно, имѣлъ на это другія, очень важныя причины.

— Можетъ быть... но только... все-таки, это была ошибка съ его стороны,—упорно настаивала бабушка.

Въ это время они подошли ко дворцу. Военный провелъ бабушку на дворъ лѣваго дворцоваго крыла, пригласилъ ее войти на подъѣздъ и подождать немного въ первой комнатѣ, обѣщая доставить ей случай повидать императрицу, а самъ прошелъ далѣе. Черезъ нѣсколько минутъ къ бабушкѣ подошелъ камеръ-лакей и пригласилъ ее слѣдовать за нимъ къ императрицѣ.

— Какъ къ императрицѣ? — удивленно и испуганно спросила бабушка.

— Точно такъ, сударыня. Ея величество ожидаютъ васъ; потрудитесь поторопиться.

— Ахъ, Боже мой! Что же это такое? — заволновалась старуха. — Этотъ военный общалъ мнѣ только показать императрицу; я не думала у нея быть! Я и одѣта-то не такъ! Чтò мнѣ дѣлать теперь?

— А вы не знаете этого генерала, съ которымъ вы изволили прійти? — спросилъ камеръ-лакей.

— Да развѣ это былъ генералъ?

— Это былъ государь императоръ, сударыня.

Съ бабушкой чуть не сдѣлался обморокъ. Не малаго труда стоило камеръ-лакею успокоить ее. Онъ помогъ ей снять верхнее платье и шляпу и затѣмъ повелъ во внутренніе покои. Совершенно смущенная, старуха слѣдовала за нимъ, какъ приговоренная къ смерти. Подойдя къ двери одной комнаты, камеръ-лакей предупредилъ бабушку, что именно тутъ, налѣво, она увидитъ императрицу. Бабушка перекрестилась и вошла за нимъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна сидѣла въ креслѣ у камина, а недалеко отъ нея стоялъ государь и улыбаясь смотрѣлъ на смущенную бабушку. Она направилась прямо къ нему и, сложивъ руки, какъ бы для молитвы, хотѣла опуститься на колѣно; но государь, угадавъ ея намѣреніе, удержалъ за руку и подвелъ къ императрицѣ.

— Простите, ваше величество, — бормотала бабушка.

— Ничего, ничего, — смѣясь отвѣчалъ императоръ: — хоть вы и сердиты на меня, но я очень радъ съ вами познакомиться. Вотъ императрица, которую вы желали видѣть.

Императрица протянула старухѣ руку (которую та поцѣловала) и пригласила сѣсть на ближайшее кресло.

— Теперь вы можете поболтать на свободѣ, а мнѣ надо уйти, — сказалъ государь, направляясь къ дверямъ. — До свиданія!

Бабушка осталась съ императрицей и одной придворной дамой, вошедшей вскорѣ послѣ ухода императора. Государыня разспрашивала ее о нашей семейной жизни, о городскихъ жителяхъ, угостила бабушку чаемъ и продержала ее у себя болѣе часу времени. Когда эта оригинальная аудіенція кончилась, бабушка обратилась къ императрицѣ съ просьбою — исходатайствовать у государя прощеніе за ея неосторожныя и рѣзкія выраженія.

— Да государь и не сердится на васъ, — успокаивала ее императрица. — Онъ очень весело рассказывалъ мнѣ, какъ вы сдѣлали ему выговоръ за венгерскую кампанію.

— Я имѣла счастье видѣть государя только издали и всегда въ экипажѣ, оттого и не узнала его сегодня, — оправдывалась бабушка. — Притомъ и глаза мои отъ старости уже плохо видятъ.

— Да ничего, будьте спокойны,—говорила императрица. — Государь любитъ подобныя встрѣчи инкогнито. Поѣзжайте спокойно домой и поцѣлуйте отъ меня вашихъ внучатъ. Можетъ быть, еще увидимся когда нибудь.

Такъ онѣ и разстались. Тотъ же камеръ-лакей проводилъ бабушку до подъѣзда, гдѣ уже стояла приготовленная для нея придворная коляска, въ которой она и пріѣхала домой, къ немалому удивленію всѣхъ встрѣчавшихъ ее.

Понятно, что разсказъ бабушки о ея приключеніи взволновалъ всѣхъ насъ, а въ особенности отца. Скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по всему маленькому городишку, и насъ осаждали съ визитами, желая услышать отъ самой бабушки о томъ, какъ она пила чай у императрицы. Но старуха не лѣстилась на эти любопытныя заискиванія и попрежнему никого къ себѣ не принимала, кромѣ семейства Пфейфера, сумасшедшаго Рейнбота и нищей Марѣы.

Вечеромъ, въ тотъ же день, къ намъ заѣхалъ комендантъ Люце, обѣдавшій за царскимъ столомъ, и передалъ, что во время обѣда государь со смѣхомъ разсказывалъ всѣмъ присутствовавшимъ, какъ старуха Эвальдъ сдѣлала ему строгій выговоръ за венгерскую кампанію и предостерегала насчетъ неблагодарности австрійцевъ. При этомъ Люце, со словъ государя, передалъ очень подробно его разговоръ съ бабушкой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого государь пріѣхалъ осмотрѣть институтъ. Встрѣтивъ моего отца, онъ тотчасъ же спросилъ его:

— А разсказывала тебѣ твоя старуха-мать, какъ она гостила у жены?

— Разсказывала, ваше величество. Я позволю себѣ благодарить ваше величество за несказанное вниманіе ваше и государыни императрицы,—отвѣтилъ отецъ.

— Осталась ли она довольна моею хозяйкой?—спросилъ снова государь.

— Безконечно благодарна, государь, за милости ея величества.

— Очень радъ. Она у тебя умная старуха, только объ австрійцахъ судить по-венгерски. Кланяйся ей отъ меня и береги ее.

Съ тѣхъ поръ, пріѣзжая въ Гатчину и посѣщая институтъ, императоръ при встрѣчахъ съ моимъ отцомъ всякій разъ спрашивалъ о здоровьѣ старой венгерки, какъ онъ называлъ бабушку, и приказывалъ передавать ей поклоны отъ себя и императрицы.

Если бы онъ тогда могъ предвидѣть или предчувствовать, что слова бабушки о неблагодарности австрійцевъ будутъ пророческими... Но это случилось еще задолго до Крымской войны, когда Николай Павловичъ не допустилъ бы и мысли о томъ, что съ нимъ сдѣлали австрійцы, къ которымъ онъ такъ благоволилъ.

Чтобы покончить съ моимъ пребываніемъ въ Гатчинѣ, расскажу еще два анекдота объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Однажды во время большихъ красносельскихъ маневровъ отрядъ, которымъ командовалъ самъ государь, расположился бивуаками въ Гатчинѣ и около нея. Ставка государя была расположена въ паркѣ Приората и потому понятно, что всѣ гатчинскіе жители устремились туда поглядѣть на рѣдкое и красивое зрѣлище, въ особенности же на самого государя. Съ наступленіемъ вечера, по пробитіи зари, войска начали располагаться на отдыхъ; но это нисколько не смущало любопытныхъ, и они продолжали бродить между палатками и кострами. Въ особенности густая толпа, состоявшая преимущественно изъ барынь и барышень, собралась у палатки государя. Онъ нѣсколько разъ высылалъ сказать, чтобы расходились по домамъ и дали солдатамъ отдыхъ, но любопытство было сильнѣе дисциплины, и барыни продолжали толпиться около царскаго шатра, при чемъ, конечно, трещали какъ сороки, мѣшая самому государю заниматься. Наконецъ, онъ потерялъ всякое терпѣніе и вышелъ изъ шатра самъ, но... о, ужасъ! для скромныхъ барынь—въ халатѣ и туфляхъ!

— Mesdames! — обратился онъ къ женской толпѣ: — я прошу васъ сейчасъ же удалиться по домамъ! Уже двѣнадцатый часъ, и я, и мои солдаты устали; намъ надо отдохнуть за ночь. Прошу васъ дать намъ покой!

Не знаю, что именно: приказаніе ли государя, или его халатъ, подѣйствовали, но только барыни, наконецъ, разошлись. Халатъ государя долгое время потомъ служилъ темою для разговоровъ, сплетенъ и даже ссоръ, такъ какъ многія барыни и барышни, сконфуженныя государемъ, старались отрицать свое присутствіе при этой сценѣ, а другіе ихъ уличали.

Въ другой разъ былъ такого рода случай. Жила въ Гатчинѣ одна барыня, Елизавета Евграфовна Варгина, дѣвица лѣтъ за сорокъ, считавшаяся въ своемъ кругу очень умной, на томъ основаніи, что читала газеты, разсуждала о политикѣ и предпочитала мужское общество — женскому. О вареньяхъ и соленьяхъ она не имѣла никакого понятія, но зато до тонкости знала все, что думаетъ Наполеонъ III и какія новыя каверзы строить Россіи лордъ Пальмерстонъ.

Въ эпоху Крымской войны, императоръ Николай Павловичъ, какъ всегда, осенью жилъ въ Гатчинѣ. Слухи о томъ, что въ Севастополѣ дѣла идутъ не важно, становились все чаще и упорнѣе. Общество пріуныло. Многіе встрѣчали государя въ дворцовомъ саду и обращали вниманіе на его озабоченное и даже угрюмое настроеніе духа. Онъ замѣтно избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и разговоровъ, а если случалось ему говорить съ кѣмъ нибудь, то въ его голосѣ уже не слышалась прежняя бодрая и веселая нота. О шуткахъ не

было уже и помину. Всѣ приближенные царя избѣгали лишній разъ беспокоить его и обращались къ нему только въ случаяхъ самой крайней необходимости.

Понятно, что въ общественныхъ кружкахъ Гатчины постоянно шли толки, какъ о севастопольскихъ дѣлахъ вообще, такъ и о мрачномъ настроеніи императора въ особенности, и также понятно, что болѣе всѣхъ толковала о томъ и другомъ Елизавета Евграфовна, какъ патентованная дипломатка.

И вотъ, въ ея головѣ, отуманенной лестнымъ поклоненіемъ мѣстнаго общества предъ ея великими политическими талантами, зародилась мысль—избавить Россію отъ великой напасти и сослужить службу огорченному царю. Не говоря никому о своемъ проектѣ, чтобы его кто нибудь не предвосхитилъ, она рѣшилась привести его въ исполненіе сама, непосредственной бесѣдой съ императоромъ.

Принявъ такое рѣшеніе, Елизавета Евграфовна начала каждый день ходить въ дворцовый садъ, отыскивая случай встрѣтить государя. Это было не такъ-то легко сдѣлать, потому что государь не имѣлъ опредѣленнаго мѣста для своихъ прогулокъ и никто не могъ знать, когда и гдѣ онъ пройдетъ. Надо было имѣть много терпѣнія и потратить не мало времени, чтобы дожидаться счастливаго случая встрѣчи съ нимъ. Сколько времени бродила Елизавета Евграфовна, отыскивая государя, я не знаю, но, наконецъ, судьба сжалилась надъ ней и ея настойчивость увѣнчалась успѣхомъ. Въ одинъ прекрасный день она замѣтила вдали величественную фигуру Николая Павловича, совершенно одного и шедшаго какъ разъ къ ней навстрѣчу. Елизавета Евграфовна остановилась и, по мѣрѣ приближенія императора, начала отвѣшивать граціозные поклоны, съ глубокими присѣданіями.

Какъ я уже сказалъ, государь любилъ иногда (понятно, когда находился въ добромъ расположеніи духа) разныя встрѣчи экспромтомъ, въ особенности когда ему случалось сохранить инкогнито, какъ, напримѣръ, это было при его встрѣчѣ съ моей бабушкой. Но на этотъ разъ онъ былъ не въ духѣ и, кромѣ того, эта издали кланяющаяся барыня, очевидно, была просительницей; поэтому, когда онъ поровнялся съ нею и когда она сдѣлала движеніе, чтобы приблизиться къ государю, то онъ довольно сурово спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Ваше величество, замирающимъ отъ страха голосомъ начала дипломатка,—я желала бы вамъ сказать нѣсколько словъ о Севастополѣ...

— О Севастополѣ?—съ удивленіемъ спросилъ императоръ.—Что же вы можете сказать о немъ?

— Мнѣ извѣстно, ваше величество, что наши дѣла въ Севастополѣ идутъ очень дурно.

— Откуда вамъ извѣстно это?

— Я читаю газеты, государь...

— А-а! Вы читаете газеты. Что же дальше?

— Я думаю, ваше величество, что это происходит оттого, что въ Россіи нѣтъ ни одной церкви въ имя святого Георгія Побѣдоносца и что если бы скорѣе выстроить такую церковь, то побѣда повернулась бы на нашу сторону...

Государь еще болѣе нахмурился. Очевидно, онъ ожидалъ чего нибудь по умнѣе.

— Вы ошибаетесь, сударыня,—сказалъ онъ рѣзко: —у насъ есть нѣсколько церквей и нѣсколько придѣловъ во имя святого Георгія.

И государь, обладавшій прекрасной памятью, пересчиталъ ей всѣ извѣстные ему церкви и придѣлы во имя св. Георгія.

— Больше вы ничего не имѣете сказать?—спросилъ онъ потомъ.

— Ничего, ваше величество...—отвѣтила совершенно озадаченная несчастная дипломатка.

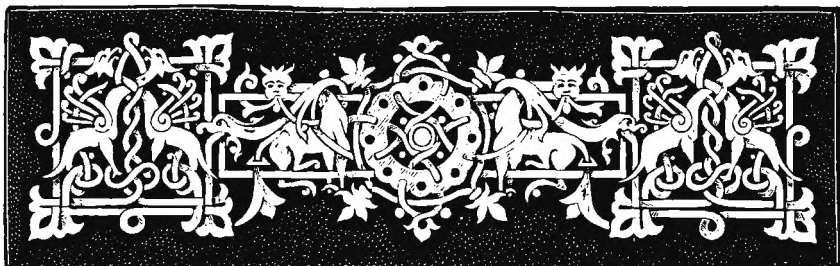
Государь молча пошелъ далѣе. Но въ тотъ же день, за обѣдомъ, онъ передалъ объ этой встрѣчѣ коменданту Люце и приказалъ ему оповѣстить жителей, чтобы они не беспокоили его своими совѣтами и, по возможности, менѣе занимались политикой.

Такимъ образомъ, благодаря неумѣстному усердію неприванной спасительницы Россіи, ни въ чемъ неповинные жители города получили отъ государя очень непріятное замѣчаніе.

А. В. Эвальдъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА ¹⁾.

III.

Пріѣздъ семейства фонъ-Дервизовъ.—Пансіонъ Починскаго.—Приготовленіе къ поступленію въ инженерное училище.—Экзаменъ и поступленіе въ училище.—Капитанъ Паукеръ.—Академикъ Остроградскій.—Анекдоты о немъ.—Математикъ Савичъ.

ТЕЦЪ ГОТОВИЛЪ меня въ университетъ, почему меня нѣсколько лѣтъ томили надъ изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ. Но перемѣна директора въ Гатчинскомъ институтѣ совершенно случайно повліяла и на перемѣну моей судьбы.

У новаго директора, фонъ-Дервиза, было пять сыновей: старшій Павелъ Григорьевичъ, впослѣдствіи извѣстный строитель желѣзныхъ дорогъ, кончалъ въ то время курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія; второй, Дмитрій Григорьевичъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта, также былъ въ училищѣ правовѣдѣнія; третій—Михаилъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ; младшіе—Николай, впослѣдствіи довольно извѣстный оперный пѣвецъ Энде, и Иванъ Григорьевичи жили еще дома.

На праздники Рождества пріѣхали изъ Петербурга старшіе сыновья и въ томъ числѣ артиллеристъ Миша. Его военная форма

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXI, стр. 293.

и рассказы объ училищѣ такъ соблазнили меня, что я началъ приставать къ отцу отдать меня въ артиллерійское училище, вмѣсто университета. Отецъ мой согласился, и меня уже начали готовить туда, но вліяніе разныхъ пріятелей отца и въ особенности пріятельницъ матери перемѣнило мою участь. Они доказывали, что артиллерійская служба не представляетъ никакихъ выгодъ, и что, если ужъ отдавать меня въ военную службу, то лучше въ инженерное училище, такъ какъ инженеры строятъ крѣпости, казармы и другія военныя зданія, причемъ наживаютъ себѣ кругленькія состоянія.

Понятно, что я въ то время еще не могъ руководиться подобными матеріальными разсчетами, но уговорить меня было не трудно, когда мнѣ представили, что форма у меня будетъ такая же, съ тою только разницею, что вмѣсто золотыхъ галуновъ и пуговицъ—будутъ серебряные, что я буду такой же военный, какъ Миша фонъ-Дервизъ, только съ замѣною пушки — ружьемъ и т. д. Но главное, что меня соблазнило, это то, что я буду жить въ томъ самомъ дворцѣ, который выстроилъ для себя императоръ Павелъ I и въ которомъ онъ умеръ.

Достали программу инженернаго училища, по которой оказалось, что по общимъ предметамъ я настолько подготовленъ, что могу поступить не въ самый младшій классъ (ихъ тамъ было всего четыре), но въ слѣдующій. Нужно было только подготовиться по спеціальнымъ инженернымъ предметамъ, для чего отецъ отвезъ меня въ Петербургъ и отдалъ въ пансіонъ поручика Починскаго, извѣстнаго впослѣдствіи строителя Одесскаго порта.

Починскій относился очень своеобразно къ принятымъ на себя обязанностямъ. Всего воспитанниковъ было у него четверо, считая со мною. Онъ снабдилъ насъ необходимыми книгами и объявилъ, чтобы мы сами учились, а къ нему обращались только въ случаяхъ какихъ либо затрудненій. Весьма естественно, что мы, четырнадцати—или пятнадцатилѣтніе юноши, предоставленные собственному произволу, не умѣли даже распредѣлить времени занятій, кое-что читали, и то больше отъ скуки, но въ сущности били баклуши.

Такимъ образомъ прошло мѣсяца три, когда, въ началѣ мая, Починскому вдумалось однажды провѣрить наши успѣхи, причемъ результаты, конечно, оказались очень печальные. Вѣзвешенный тѣмъ, что мы, какъ онъ говорилъ, не оправдали его довѣрія, онъ началъ насъ гнать во всѣ лопатки, ежедневно задавая съ утра большіе уроки, а по вечерамъ дѣлая репетиціи.

На грѣхъ лѣто въ томъ году было очень жаркое, квартира Починскаго помѣщалась въ верхнемъ этажѣ, а наша комната была въ ней угловая, цѣлый день накаливаемая солнцемъ. Всѣ эти неблагоприятныя условія для занятій, при непомѣрно усиленной ра-

ботѣ, произвели на меня такое дѣйствіе, что въ одинъ печальный день я вдругъ потерялъ силы и слегъ въ постель. Никакой боли я не чувствовалъ, только совершенно ослабѣлъ, едва могъ шевелиться и уже совершенно не могъ не только заниматься, но даже и читать что нибудь, хотя бы самое легкое.

По письму Починскаго, отецъ пріѣхалъ за мною, съ большимъ трудомъ перевезъ въ Гатчину и собралъ всѣхъ трехъ нашихъ пріятелей-докторовъ: Пфейфера, Скотте и Травлинскаго. Лѣчили они меня, лѣчили, долго ли, коротко ли, не помню, а только я слабѣлъ все болѣе и болѣе и, такъ сказать, таялъ, какъ восковая кукла, безъ всякихъ, однако, страданій. Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда почтенные доктора объявили отцу, что они никакихъ болѣе средствъ не имѣютъ, что меня, очевидно, спасти нельзя, и поэтому всего лучше болѣе не мучить лѣкарствами.

Такъ меня и оставили. Выносили только въ бабушкиномъ вольтеровскомъ креслѣ на воздухъ, гдѣ я лежалъ на подушкахъ; поили бульономъ, молокомъ, виномъ, а ѣсть давали только виноградъ, такъ какъ отъ слабости я не могъ жевать даже хлѣба. Благодѣтельная смерть, повидимому, полюбила меня и подходила медленно, осторожно, съ ласкою, не заставляя ни малѣйшимъ образомъ страдать.

Но въ книгѣ судебъ рѣшено было иначе. Когда доктора меня покинули, то за дѣло взялась природа и вступила со смертію въ серьезную борьбу, и я безъ всякой видимой причины, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего, началъ поправляться, крѣпнуть и выздоравливать. Коротко сказать, къ началу іюля я всталъ уже на ноги и, какъ только почувствовалъ подъ собою твердую почву, объявилъ отцу, что хочу во что бы то ни стало ѣхать въ Петербургъ держать экзамены. Какъ ни сопротивлялись этому всѣ, начиная съ докторовъ, но я убѣдилъ отца тѣмъ, что готовиться не буду, а явлюсь на экзамены съ тѣмъ запасомъ знаній, который имѣю, и болѣе всего надѣюсь на свою хорошую память.

Я бы не упоминалъ объ этомъ случаѣ своей болѣзни, если бы онъ не имѣлъ общественнаго интереса, въ особенности, въ настоящее время, когда во всей Европѣ среди педагоговъ идутъ толки о переутомленіи учащихся.

Дѣйствительно, какъ я теперь понимаю, моя тогдашняя болѣзнь было не что иное, какъ величайшее переутомленіе, вызванное небрежностью и неосторожностью Починскаго. Только такой тщательный уходъ, какимъ я пользовался дома, спасъ меня отъ смерти. Если бы я остался жить у Починскаго, то, конечно, дѣло кончилось бы смертію. Но эта болѣзнь оставила, однако, во мнѣ слѣды на всю жизнь въ томъ отношеніи, что я никогда уже не могъ чѣмъ нибудь заниматься безустанно и вообще работать безъ продолжительныхъ перерывовъ для отдыха. Вообще, по количеству времени, я могу работать почти вдвое менѣе, чѣмъ всѣ другіе люди.

Указываю на это обстоятельство именно въ виду важности вопроса о переутомленіи, желая предупредить родителей и педагоговъ, многіе изъ которыхъ, чтобы поощрять успѣхами своихъ дѣтей или учениковъ, нисколько не сообразуются съ ихъ силами.

На экзамены явился я еще очень исхудалымъ, блѣднымъ и слабымъ. Между тѣмъ мнѣ предстояло выдержать борьбу очень серьезную: вакансій было около двадцати-пяти, а конкурентовъ болѣе восьмидесяти. Но это еще было бы полъ-бѣды. Главное же состояло въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: большая масса экзаменуемыхъ получила подготовку въ двухъ большихъ пансіонахъ, содержимыхъ двумя воспитателями при училищѣ. Понятное дѣло, что содержатели этихъ приготовительныхъ пансіоновъ имѣли сильныя руки на экзаменахъ, такъ какъ большинство преподавателей училища преподавали и въ этихъ пансіонахъ. Я уже не говорю о возможныхъ при этомъ злоупотребленіяхъ (положимъ, что ихъ даже и не было), но довольно уже и того обстоятельства, что всѣ экзаменаторы поневолѣ протезировали своимъ ученикамъ, ради поддержанія своей собственной чести. Починскій же не имѣлъ никакихъ связей съ училищемъ и не имѣлъ собственно офиціального пансіона. Онъ въ этомъ дѣлѣ былъ чловѣкъ посторонній и вредный конкурентъ. Ясно отсюда, что въ интересахъ всѣхъ преподавателей училища лежало пропустить какъ можно больше изъ «своихъ» пансіоновъ и совершенно не пропустить постороннихъ. Каждая лишняя вакансія, отнятая у нихъ, была очень дорога, такъ какъ и для «своихъ»-то вакансій не хватало.

Зная все это, можно понять, съ какой жестокостью меня экзаменовали. Если, напримѣръ, я выну вопросный билетъ и отвѣчу на него хорошо, то меня заставляли брать другой, иногда даже третій, или, выслушавъ отвѣтъ по билету, начинали закидывать буквально перекрестнымъ допросомъ и держали иногда такъ долго передъ столомъ экзаменаторовъ, что разъ со мною сдѣлалось даже дурно. Сжалился надо мною въ этомъ случаѣ почтенный генералъ Масковскій, сказавшій оригинальную фразу, которую я никогда не могъ забыть:

— Ну, да пусть его себѣ идетъ!

Видя ожесточеніе, съ которымъ меня экзаменовали, я началъ уже терять всякую надежду поступить въ училище. Но, не смотря на всѣ придирки и на всѣ пытки, которымъ подвергали меня, совершенно еще слабого и едва стоявшаго на ногахъ, результаты экзаменовъ оказались неожиданными, какъ для меня самого, такъ, вѣроятно, и для господъ экзаменаторовъ, и меня волей-неволей должны были принять. Этимъ я былъ обязанъ, конечно, единственно моему отцу, давшему мнѣ дома хорошее образованіе.

Я не буду здѣсь описывать со всѣми подробностями жизнь въ инженерномъ училищѣ, такъ какъ она была уже описана однимъ

изъ моихъ товарищей, да и мнѣ самому уже случалось печатать нѣкоторые факты. Упомяну здѣсь только о двухъ-трехъ личностяхъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія.

Въ числѣ преподавателей, оставившихъ нѣкоторый слѣдъ въ моей памяти, были Паукеръ (недавно умершій министръ путей сообщенія) и Остроградскій, въ свое время европейски извѣстный математикъ.

Паукеръ уже и въ то время имѣлъ совершенно сѣдые, серебристые волосы на головѣ и усахъ, не смотря на то, что ему было около тридцати лѣтъ. Блѣдное, безъ малѣйшей кровинки, сухое лицо, при сѣдыхъ волосахъ, придавало его наружности совершенно мертвый видъ, и только выразительные черные глаза говорили, что этотъ человѣкъ живетъ еще. По своему характеру Паукеръ былъ тоже какой-то мертвый человѣкъ, рѣшительно ничѣмъ не возмутимый. Придетъ, бывало, въ классъ и молча ждетъ, пока мы усядемся и водворимъ тишину. Тогда онъ начинаетъ лекцію аналитики глухимъ, беззвучнымъ голосомъ, требовавшимъ большого напряженія, чтобы слушать. Чуть кто нибудь зашевелится и зашумитъ, Паукеръ ни слова не скажетъ, не сдѣлаетъ ни малѣйшаго замѣчанія, но молча ждетъ, чтобы шумъ прекратился, и тогда продолжаетъ снова. Его лекція наводила страшную тоску, а самого его мы боялись больше, чѣмъ кого бы то ни было.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ Остроградскій, читавшій намъ уже въ офицерскомъ классѣ интегральное счисленіе.

Это былъ слонообразный колоссъ, съ большимъ отвислымъ животомъ, одноглазый, очень добродушный и веселый, на все смотрѣвшій какъ-то шутя.

Когда онъ явился на первую лекцію, то опершись руками о столъ, обратился къ намъ съ такими словами.

— Господа офицеры! Честь имѣю рекомендоваться—академикъ Остроградскій. Менше нуля—никому не ставлю.

Затѣмъ онъ сѣлъ и попросилъ, чтобы ему дали стаканъ воды; во время лекціи онъ постоянно обмакивалъ два пальца въ воду и протиралъ ими впалые вѣки недостававшего глаза.

Остроградскій былъ крайне лѣнивъ. Онъ, напримѣръ, не имѣлъ списка слушателей, чтобы отмѣчать имъ баллы, а возлагалъ эту обязанность на лучшаго ученика, котораго называлъ консуломъ. Когда ему надобилось писать на классной доскѣ формулы, то эту обязанность за него также долженъ былъ исполнять «консулъ», которому Остроградскій диктовалъ. Самыя лекціи его были очень коротенькія, не болѣе четверти часа или двадцати минутъ, остальное же время онъ просто балагурилъ съ нами, любилъ слушать или рассказывать анекдоты, подшучивалъ то надъ кѣмъ нибудь изъ насъ, то надъ какимъ нибудь преподавателемъ.

Мое мѣсто было какъ разъ около его стола. Остроградскій любилъ нюхать табакъ, но своего табаку никогда не имѣлъ, а всегда обращался ко мнѣ съ просьбой достать понюшку. Во всемъ училищѣ я зналъ только двоихъ, нюхавшихъ табакъ: директора училища, генерала Ломновскаго, да одного служителя. Понятно, что не къ Ломновскому же мнѣ было ходить за табакомъ, и я бралъ у служителя, стараго солдата, употреблявшаго простой березинскій табакъ. Наконецъ, мнѣ надоѣло по нѣсколько разъ выходить изъ класса за понюшками, и я выпросилъ у своего отца, также нюхавшаго табакъ, пожертвовать мнѣ для Остроградскаго одну изъ табакерокъ.

Вотъ разъ Остроградскій обратился ко мнѣ съ обычной просьбой:

— Сосѣдущка! Сходи-ка за понюшкой (онъ иногда многимъ говорилъ ты).

Я молча вынулъ изъ кармана табакерку и подалъ ему. Табакъ былъ хорошій, французскій; Остроградскій съ удовольствіемъ понюхалъ.

— Отъ-то спасибо!—сказалъ онъ.—На славу меня сегодня угостилъ. Это не то, что тотъ подлецъ березинскій, да еще, кажись, съ золой. Откуда ты взялъ этотъ табачекъ?

Я объяснилъ, что отъ отца, чтобы не выходить изъ класса.

— Твой батя, должно быть, хорошій человекъ, это сейчасъ видно по табаку,—пошутилъ онъ.

Однажды кто-то попросилъ его объяснить, что такое дифференціалъ?

— Да вѣдь вы проходили же дифференціальное счисленіе?—спросилъ онъ, въ свою очередь.

— Проходили.

— Кто вамъ читалъ?

— Полковникъ теръ-Степановъ.

— Армяшка, должно быть, — замѣтилъ Остроградскій. — Не люблю я этихъ теръ-теровъ. Такъ развѣ онъ вамъ не объяснялъ?

— Объяснялъ, что дифференціалъ есть разница между двумя безконечно малыми величинами. Но это вѣдь только фраза, не объясняющая сущности дѣла.

— Эко, братъ, ты чего захотѣлъ — сущности! Сущность дифференціала знаютъ во всемъ мірѣ только двое: Эйлеръ да я. Объяснить его нельзя. Это можно или почувствовать, или постигнуть вдохновеніемъ. Если бы Архимедъ въ наше время былъ живъ, такъ онъ былъ бы третій, который зналъ бы, что такое дифференціалъ.

Вообще Остроградскій признавалъ Архимеда величайшимъ изъ математиковъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ.

Мнѣ приходилось иногда выходить изъ замка одновременно съ Остроградскимъ и по одной дорогѣ. Поэтому по пути я часто

бесѣдовалъ съ нимъ объ интересовавшихъ меня вопросахъ математики. Онъ имѣлъ на эту науку совершенно своеобразный взглядъ.

— Всѣ полагають, — говорилъ онъ, — что математика — наука сухая, скучная, состоящая только въ умѣнніи считать. Это нелѣпость. Цифры играютъ въ математикѣ самую ничтожную, самую послѣднюю роль. Это — высшая философская наука, наука величайшихъ поэтовъ! У насъ называютъ математиками просто цифирниковъ, которые научаются считать или сочинять и разрѣшать всякія формулы и больше ничего. А духа математики, ея смысла, ея сущности никто изъ нихъ не знаетъ. Собственно на свѣтѣ былъ только одинъ настоящій математикъ, — это Архимедъ, а всѣ прочіе — цифирники, не болѣе того.

— Но, какъ же Коперникъ, Галилей, Ньютонъ и другіе? Неужели и они не были математиками? — спросилъ я.

— Въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, — рѣшительно сказалъ Остроградскій. — Это были остроумные цифирники, но не математики.

— Такъ что же, по-вашему, математика?

Этотъ вопросъ, какъ теперь помню, былъ заданъ мною на Невскомъ проспектѣ, когда мы проходили мимо гостиннаго двора. Остроградскій остановился, разставивъ ноги и положивъ мнѣ на плечо свою руку.

— Другъ мой, — сказалъ онъ, — математика — это душа природы! Разумомъ нашимъ ее нельзя постигнуть, а можно только воспріять всѣмъ своимъ существомъ. Ты вѣдь слыхалъ мою исторію, какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ которую вошелъ никому неизвѣстнымъ горемыкой и какъ вышелъ изъ нея съ европейскимъ именемъ. Научиться математикѣ въ тюрьмѣ я не могъ. Что же тамъ со мною случилось? Очень просто, меня озарило божественное вдохновеніе, какъ оно озаряло древнихъ пророковъ, и я постигъ сущность математики. Чѣмъ я постигъ? Конечно, не однимъ разумомъ, а всѣмъ своимъ тѣломъ, отъ головы до пятокъ. Я вѣдь считать совсѣмъ не умѣю; ты самъ знаешь, что многіе изъ твоихъ товарищей, моихъ учениковъ, считаютъ гораздо лучше меня. Я часто путаюсь, рѣшая какую нибудь цифирную задачу, и если бы экзаменовался, положимъ, у Паукера, то онъ поставилъ бы мнѣ нуль. А между тѣмъ я все-таки математикъ, а Паукеръ — нѣтъ.

Остроградскій проговорилъ все это довольно громко и жестикулируя. Громадная и оригинальная его фигура, а также громкая рѣчь о математикѣ, разумѣется, обратила на насъ вниманіе прохожихъ, и нѣкоторые даже остановились, съ удивленіемъ слушая такую необычайную лекцію на Невскомъ. Въ числѣ остановившихся случился молодой лейбъ-гусарь. Остроградскій вдругъ повернулся къ нему и началъ въ упоръ глядѣть ему въ глаза. Гусарь сконфузился и пошелъ далѣе, гремя волочившейся саблей.

— Такъ-то лучше, — замѣтилъ Остроградскій.

На репетиціяхъ Остроградскій не вызывалъ, кого хотѣлъ, а предоставлялъ выходить желающимъ. Поэтому выходили только тѣ, которые хорошо подготовились. Если, не смотря на то, отвѣтъ не удавался, то недовольный полученнымъ балломъ могъ выйти къ отвѣту въ другой и третій разъ, и тогда изъ всѣхъ его балловъ выводился средній.

Въ теченіе всего курса я ни разу не вызывался отвѣчать. На послѣдней лекціи Остроградскій началъ составлять списокъ балловъ для экзамена у насъ же въ классѣ, чего никогда не дѣлалъ ни одинъ изъ профессоровъ. Съ каждымъ изъ насъ онъ совѣщался о баллѣ и допускалъ торговаться недовольныхъ.

— Прибавьте мнѣ одну единицу,—говорилъ кто нибудь.

— Да вѣдь у тебя, родимый ты мой, десятокъ стоитъ, чего-жъ тебѣ больше?

— Поставьте, ваше превосходительство, одиннадцать. Ужъ не пожалѣйте!

— А отвѣтишь ли ты мнѣ на экзаменѣ на одиннадцать?

— Постараюсь, я подготовлюсь хорошенько.

— Ну, Господь съ тобой, такъ и быть, поставлю. Только ты смотри, не подкузьми меня.

И онъ добродушно ставилъ одиннадцать. Когда очередь дошла до меня, то противъ моего имени у него въ списокѣ оказалось пустое мѣсто.

— Какъ же это, братецъ, такъ?—спросилъ онъ.—Ты ни разу не отвѣчалъ?

— Нѣтъ, ни разу.

— Не хочешь ли сейчасъ отвѣтить?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сегодня не могу.

— Такъ, какъ же быть съ тобою? Такъ вѣдь нельзя оставить.

— Да поставьте, что хотите. Мнѣ все равно,—сказалъ я.

— Отъ-то чудакъ! А коли я тебѣ нуль поставлю!

— И на томъ спасибо,—отвѣтилъ я засмѣявшись.

Остроградскій оперся головою на руку и немного подумалъ.

— Интегральный-то знакъ сумѣешь нарисовать на доскѣ?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Хоть во всю доску нарисую.

Онъ еще немного подумалъ и вдругъ, къ общему удивленію всѣхъ окружавшихъ, поставилъ мнѣ полный баллъ, то-есть двѣнадцать. Я самъ опѣшилъ отъ такой неожиданности и вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ, по обычаю, только пошутитъ и сейчасъ же передѣлаетъ баллъ. Но ничуть не бывало; оставивъ мои двѣнадцать неприкосновенными, онъ продолжалъ совѣщаться о баллахъ съ другими. Тогда одинъ изъ товарищей, именно тотъ, который выторговалъ себѣ одиннадцать вмѣсто десяти, вломился въ амбицію.

— Какъ же это такъ, ваше превосходительство?—сказалъ онъ.— Эвальдъ ни разу не отвѣчалъ, и вы ему ставите двѣнадцать, а мнѣ только одиннадцать, да и то я выторговалъ?

— Душа моя,—отвѣтилъ ему Остроградскій совершенно серьезно,—развѣ ты увѣренъ, что Эвальдъ хуже тебя знаетъ?

— Не увѣренъ, но такъ какъ онъ ни разу не выходилъ...

— То ты думаешь, что онъ ничего не знаетъ?—перебилъ его Остроградскій.—А мнѣ думается, что онъ немножко больше твоего разумѣетъ, оттого я ему и поставилъ единицею больше.

Всѣ съ удивленіемъ оглянули меня, такъ какъ я вообще не былъ изъ первыхъ учениковъ, а тѣмъ болѣе не считался математикомъ. Я самъ, говорю это откровенно, былъ совершенно озадаченъ и приписалъ такую несправедливость Остроградскаго тому, что угощалъ его табакомъ. Вѣроятно, и товарищи мои думали также. Но духъ добраго товарищества былъ такъ сильно развитъ у насъ, что никто не возражалъ и не претендовалъ противъ поблажки, сдѣланной мнѣ Остроградскимъ.

На этотъ разъ я уже нарочно постарался выйти изъ замка съ нимъ вмѣстѣ, чтобы разъяснить свое недоразумѣніе и дорогою, поблагодаривъ его за вниманіе къ себѣ, выразить опасеніе, что не разсчитываю на экзаменахъ отвѣтить на двѣнадцать.

— Какъ бы мнѣ не подкувымить ваше превосходительство,—прибавилъ я въ заключеніе.

— Объ этомъ не беспокойся,—спокойно отвѣтилъ онъ.

— Многіе, вѣроятно, подумаютъ, что я заслужилъ у васъ полный балъ не знаніемъ интегральнаго счисленія, а табакеркою,—замѣтилъ я.

Остроградскій остановился и, сердито взглянувъ на меня, почти крикнулъ:

— Кто-жъ это осмѣлится подумать? Развѣ я взяточникъ? Не видалъ я твоего табаку, что ли? Отъ-то дурни будутъ! Да ты и самъ, видно, не понимаешь, почему я тебѣ поставилъ двѣнадцать

— Правда, ваше превосходительство, совершенно не понимаю.

— Ну, такъ я тебѣ объясню. Ты, можетъ быть, и совсѣмъ не знаешь интегральнаго счисленія, я это допускаю. Но дѣло не въ немъ. Ты заслужилъ у меня двѣнадцать за то, что навелъ меня на нѣкоторыя мысли, до которыхъ я раньше не додумывался. Можетъ быть, въ свободное время я чтонибудь и сдѣлаю изъ твоихъ наблюденій надъ цифрами. Во всякомъ случаѣ я вижу, что ты умѣешь размышлять, что въ математикѣ главное. А научиться интегральному счисленію не хитро. Если оно тебѣ понадобится когданибудь, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, то ты возьмешь книжку и въ нѣсколько дней прочтешь ее.

Чтобы объяснить такое заключеніе Остроградскаго обо мнѣ, слѣдовало бы здѣсь сказать, о какихъ именно моихъ наблюденіяхъ

надъ цифрами говорилъ онъ; но такъ какъ это предметъ слишкомъ спеціальный, которому притомъ въ моихъ научныхъ трудахъ отведено особое мѣсто, то я и не буду здѣсь говорить о немъ.

На экзаменѣ, когда до меня дошла очередь, я выдернуть билетъ очень неудачно, — съ задачей, разрѣшить которую очень затруднился и, навѣрное, оборвался бы, какъ говорится, если бы Остроградскій, вѣроятно, замѣтившій мое затрудненіе, не явился на выручку.

Передъ экзаменаторами стояли три классныя доски. Каждый офицеръ долженъ былъ написать рѣшеніе предложенной билетомъ задачи и потомъ объяснить свое рѣшеніе. Такимъ образомъ, пока экзаменаторы слушали одного, двое другихъ писали. Этимъ воспользовался Остроградскій. Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ доскамъ и, дѣлая видъ, будто поправляетъ моего сосѣда, уже писавшаго рѣшеніе своей задачи, началъ просто диктовать мнѣ. Съ его словъ я живо исписалъ всю доску самыми кудрявыми рядами цифръ и знаковъ. Сдѣлавъ это, онъ вернулся на свое мѣсто.

Когда же мнѣ нужно было объяснять все написанное, Остроградскій самъ прочелъ вслухъ написанное мною на доскѣ рѣшеніе и, не давъ никому сдѣлать мнѣ ни одного вопроса, быстро сказалъ:

— Прекрасно, довольно. Ступайте!

Я, разумѣется, не заставилъ себя ждать и вернулся на свое мѣсто. Извѣстный математикъ Савичъ началъ что-то возражать Остроградскому, вѣроятно, настаивая на небрежности словеснаго экзамена, но переспорить Остроградскаго было очень трудно, и меня больше не беспокоили.

Кстати о Савичѣ. Это былъ человѣкъ, до того погруженный въ науку, что рѣшительно не обращалъ вниманія на свою наружность. Онъ, напримѣръ, носилъ чрезвычайно узкіе панталоны, едва натягивавшіеся на голенища сапогъ и оттого всегда поднимавшіеся кверху. Когда на репетиціяхъ одинъ изъ офицеровъ просилъ Остроградскаго дать ему задачу, тотъ отвѣтилъ:

— А вотъ, братецъ, тебѣ задача: рѣши, какимъ образомъ Савичъ надѣваетъ свои панталоны?

Впослѣдствіи мнѣ случилось еще разъ экзаменоваться у Савича, именно въ военной академіи, изъ астрономіи. На этотъ разъ Остроградскаго не было, и когда я исписалъ доску всякими формулами, Савичъ самъ подошелъ ко мнѣ выслушать объясненіе. Въ рукѣ онъ держалъ тетрадку со спискомъ экзаменующихся и, подойдя ко мнѣ, поставилъ въ ней противъ моего имени двѣнадцать.

— Говорите, я васъ слушаю, — сказалъ онъ.

Я началъ объясненіе, но, немного погодя, запнулся на какомъ-то словѣ. Савичъ молча перечеркнулъ двѣнадцать и поставилъ рядомъ одиннадцать. Это меня сконфузило, и я продолжалъ уже съ боль-

шей робостью, отъ чего снова запнулся. Савичъ, точно также молча, не дѣлая никакого вопроса или замѣчанія, перечеркнулъ одиннадцать и поставилъ десять. То же самое повторилъ и третій разъ, къ счастью, уже въ самомъ концѣ моего объясненія: Савичъ зачеркнулъ десять и поставилъ девять.

— Хорошо-съ, ступайте, — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто, когда я кончилъ.

Нужно сказать, что онъ не нашелъ въ моемъ рѣшеніи ни одной ошибки и сбавлялъ баллы не за незнаніе, а только за то, что я останавливался, подыскивая болѣе точное выраженіе. Это былъ очень своеобразный способъ опредѣлять степень знанія, но что было дѣлать? Слава Богу еще и то, что онъ остановился на переводномъ баллѣ, а не то, при его способѣ экзаменовать, не трудно было спуститься и до меньшей цифры, что съ нѣкоторыми офицерами и случалось.

IV.

Назначеніе меня на работы въ Ревель. — Полковникъ Евреиновъ. — Видъ Ревеля въ то время. — Мѣры къ его оборонѣ. — Общество офицеровъ. — Ихъ взаимныя отношенія. — Приближеніе непріятельскаго флота.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1854 года я пріѣхалъ въ Ревель, куда, тотчасъ по производствѣ въ офицеры, былъ назначенъ для веденія инженерныхъ работъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами по училищу. Такъ какъ намъ предстояло проходить курсъ еще въ двухъ офицерскихъ классахъ, то будь это въ мирное время, мы занимались бы топографическими работами гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Петербурга. Но въ этомъ году, по случаю войны и вслѣдствіе большого недостатка офицеровъ въ войскахъ, начальство рѣшило воспользоваться нашими силами на лѣтнее время и распредѣлило по городамъ и крѣпостямъ Финскаго залива.

Разумѣется, тотчасъ по пріѣздѣ, мы представились начальству, то-есть начальнику инженеровъ, полковнику Евреинову, который предложилъ намъ представиться также и главнокомандующему, графу Бергу.

Какъ теперь, помню фигуру Берга: это былъ мужчина высокаго роста, въ черномъ парикѣ, съ черными же нафабранными усами и, какъ мнѣ показалась, нарумяненный. Онъ принялъ насъ очень равнодушно, даже холодно, сказалъ только, что мы получимъ приказанія о нашемъ назначеніи отъ ближайшаго начальства и съ тѣмъ отпустилъ. Ближайшій же нашъ начальникъ, полковникъ Евреиновъ, былъ человекъ очень милый: во все время моего пребыванія въ Ревелѣ онъ обращался съ нами вполне потовари-

щески, участвовалъ въ нашихъ холостыхъ собраніяхъ, иногда выпивалъ даже лишнее и вообще не игралъ роли командира. Меня онъ назначилъ на Ново-Екатеринентальскую батарею, расположенную на берегу моря, какъ разъ противъ сада того же названія, предваривъ, что мнѣ, вѣроятно, придется, кромѣ исполненія инженерныхъ работъ, нести также и артиллерійскую службу.

Ревель, по случаю приближенія военной грозы, имѣлъ въ то время очень странный видъ. Въ большей части домовъ всѣ стекла оконныхъ рамъ были заклеены на крестъ или въ видѣ звѣзды полосками бумаги. Этими, какъ оказалось, экономящие нѣмцы хотѣли предупредить разбитіе стеколъ въ случаѣ бомбардированія города. Кромѣ этой наружной особенности, городъ блисталъ отсутствіемъ жителей: всѣ бароны и рыцари бѣжали изъ насиженныхъ мѣстъ по своимъ помѣстьямъ и мызамъ или во внутренніе города; за ними послѣдовало и болѣе состоятельное купечество. Въ Ревелѣ остались только бѣдные торговцы и ремесленники, которымъ некуда было дѣваться, и не на что было бѣжать, да, разумѣется, масса военныхъ, собранныхъ здѣсь для защиты города.

Осматривая городъ, я взобрался между прочимъ на древнюю каменную стѣну Вышгорода (цитадель), откуда, съ высоты птичьяго полета, удобно было видѣть всѣ приготовленія, сдѣланныя для встрѣчи непріятеля. Отсюда я увидѣлъ, что весь Ревельскій заливъ былъ обставленъ по берегу разнаго рода и вида земляными батареями, въ числѣ которыхъ виднѣлась вдали и та, на которую я былъ назначенъ. На валахъ цитадели лежали, кромѣ того, около 400 чугунныхъ орудій, которыя нельзя было употребить въ дѣло по недостатку лафетовъ. Хотя я не былъ военнымъ практикомъ, но хорошо зналъ теорію военнаго дѣла, и потому это обозрѣніе навело меня вовсе не на веселыя думы. Всѣ наши батареи, расположенныя у самой воды, а нѣкоторыя даже прямо въ водѣ, и вооруженныя старыми чугунными орудіями, никакъ не могли быть особенно грозными для непріятеля, тогда какъ каждая бомба, брошенная имъ въ городъ, причинила бы большія опустошенія. Кромѣ того, передъ Ревелемъ лежитъ небольшой островокъ Нааргенъ, который могъ служить, и дѣйствительно потомъ служилъ, хорошимъ прикрытіемъ для непріятеля.

Ознакомившись такимъ образомъ наглядно съ общимъ положеніемъ обороны, я взялъ на другой день извозчика, одѣлся въ полную парадную форму и поѣхалъ на Ново-Екатеринентальскую батарею представиться своему будущему командиру.

Батарея лежала на третьей верстѣ отъ города, по дорогѣ въ Нарву, въ восьми саженьяхъ отъ моря. Между валомъ батареи и водою проходила грунтовая дорога по направленію къ развалинамъ монастыря св. Бригитты, а сзади батареи, въ двадцати саженьяхъ отъ нея, тянулось Нарвское шоссе.

Вооруженіе батареи состояло изъ 18 чугунныхъ крѣпостныхъ орудій, въ числѣ которыхъ было 8 тридцати-фунтовыхъ, 4 шести-фунтовыхъ пушекъ и 6 пудовыхъ единороговъ. Одни орудія были на низкихъ, другія на высокихъ лафетахъ, но всѣ на поворотныхъ платформахъ. Прикрытіе батареи состояло изъ земляного вала съ двумя флангами и съ амбразурами для всѣхъ орудій. Четырнадцать орудій смотрѣли на море и по два стояли на флангахъ.

Въ концѣ каждого фланга находились пороховые погреба, а близъ середины батареи, въ семи саженьяхъ отъ вала, двѣ ядрокалительныя печи, каждая на 50 ядеръ. Въ то время о броненосцахъ и вообще о желѣзныхъ судахъ въ военныхъ флотахъ не имѣли еще понятія, а потому каленыя ядра употреблялись для зажиганія деревянныхъ судовъ.

Отъ концовъ фланговъ шли два палисада (забора) подъ угломъ, такъ что весь дворъ батареи имѣлъ форму неправильнаго пятиугольника. Одинъ палисадъ, болѣе короткій, соединялся съ другимъ при посредствѣ блокгауза, длиною 26 и шириною 3 сажени, въ которомъ помѣщалась команда изъ 90 рядовыхъ, при девяти унтеръ-офицерахъ и одномъ юнкерѣ. Съ обѣихъ сторонъ блокгауза были ворота для въѣзда въ батарею.

Подъѣхавъ къ открытымъ воротамъ, я увидѣлъ на дворѣ трехъ офицеровъ, медленно прохаживавшихся вдоль линіи орудій, и спросилъ у часового: который изъ нихъ командиръ?

— А вотъ, что въ срединѣ, ваше благородіе.

Я направился къ нимъ. Офицеры, замѣтивъ меня, остановились. Подойдя по всей формѣ, я только что хотѣлъ произнести обычную формулу представленія, какъ командиръ остановилъ меня.

— Здравствуйте,—просто сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.— Къ чему это вы въ полной парадной формѣ? Совершенно лишнее. Позвольте васъ познакомить: поручики Муржицкій, Ссгрскій-Каше. Пойдемте, господа, завтракать.

Я едва успѣлъ пожать руки поручикамъ, какъ онъ взялъ меня за талію и повелъ со двора, черезъ шоссе, къ небольшому домику, въ которомъ они всѣ трое жили. Поручики слѣдовали за нами.

Командиромъ батареи былъ поручикъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, Михайлъ Александровичъ Дурасовъ. Онъ былъ обстриженъ подъ гребенку, имѣлъ небольшіе усы и иногда слегка косилъ глазами, что придавало его лицу нѣсколько насмѣшливое выраженіе. Ко всему на свѣтѣ онъ относился съ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ, какъ будто все, что совершалось на землѣ, великое или малое, страшное или радостное, все это было не болѣе, какъ кукольной комедіей, о которой не стоило много думать. О самой войнѣ, этомъ наиболѣе грозномъ явленіи человѣческой жизни, онъ говорилъ не иначе, какъ иронически, и ко всѣмъ распоряженіямъ высшаго ли начальства, или даже къ своимъ собствен-

нымъ относился съ тѣмъ добродушнымъ презрѣніемъ, съ которыми мы относимся къ заботамъ дѣтей во время ихъ игры. Онъ былъ очень уменъ, даже остроуменъ, хорошо образованъ и начитанъ и не имѣлъ ничего общаго съ двумя товарищами, съ которыми ему волею-неволею приходилось коротать боевую жизнь. Мое прибытіе, какъ въ послѣдствіи онъ самъ мнѣ это высказалъ, явилось для него какъ бы солнечнымъ лучемъ въ сѣрый октябрьскій день. Только чрезъ четыре мѣсяца, уже по возвращеніи въ Петербургъ, для меня разъяснилось его странное ко всему отношеніе: онъ кончилъ жизнь, открывъ себѣ жилы на рукахъ въ теплой водѣ. Но объ этомъ послѣ.

Муржицкій, поручикъ армейскаго пѣхотнаго Софійскаго полка, человѣкъ лѣтъ сорока, съ длинными отвисшими усами, довольно высокаго роста, слегка сутуловатый, держался просто и скромно, мало говорилъ, хотя въ каждомъ его словѣ чувствовалось сознание собственнаго достоинства. Это былъ одинъ изъ тѣхъ армейскихъ офицеровъ, которыми крѣпка и сильна русская армія. Эти люди не выскакиваютъ впередъ, на показъ, но никогда и не отступаютъ. Начальники невольно ихъ уважаютъ, хотя и не торопятся награждать. Солдаты вѣрятъ такимъ офицерамъ и за ними идутъ умирать куда угодно. Здравый смыслъ замѣняетъ у нихъ недостатокъ знаній, а многолѣтняя опытность ихъ, соединенная съ природнымъ тактомъ, исправляетъ промахи командировъ, назначенныхъ сверху и не имѣющихъ понятія ни о солдатскомъ бытѣ, ни о практикѣ военной службы.

Совсѣмъ другой типъ представлялъ Ссгрскій-Каше. Онъ былъ поручикомъ гарнизонной артиллеріи, тоже подъ сорокъ лѣтъ, небольшого роста, съ порядочной лысинкой на головѣ, вертлявый, неугомонный, надоедливый, съ рѣзкимъ визгливымъ голосомъ. Будучи глупъ отъ рожденія, онъ, какъ всѣ дураки, считалъ себя очень умнымъ. Совершенно необразованный, онъ хотѣлъ всѣхъ увѣрить, что знаетъ болѣе всѣхъ мудрецовъ на свѣтѣ. Не умѣя самъ ударить пальца о палецъ, онъ съ необычайной самоувѣренностью брался всѣхъ и всему учить. Для Дурасова онъ игралъ роль шута. Муржицкій относился къ нему съ добродушнымъ снисхожденіемъ, солдаты же терпѣть его не могли.

Еще объ одномъ человѣкѣ я долженъ сказать нѣсколько словъ, болѣе замѣчательномъ всѣхъ насъ четырехъ, такъ какъ въ послѣдствіи, въ 1863 году, онъ составилъ себѣ во время польскаго возстанія печальную, хотя и историческую извѣстность, подъ именемъ «Топора». Это былъ поручикъ Жвирждовскій, которому я былъ подчиненъ въ инженерныхъ работахъ. Онъ построилъ нашу Ново-Екатеринентальскую батарею, исправлять недостатки которой выпало на мою долю. Жвирждовскій смотрѣлъ на службу, какъ на средство обставить себя въ жизни какъ можно удобнѣе, и этой

задачей объяснялись всё его дѣйствія въ смыслѣ инженернаго строительства. Онъ употреблялъ старое и полугнилое дерево тамъ, гдѣ требовалось новое и крѣпкое; показывалъ въ отчетахъ сто чело-вѣкъ рабочихъ, гдѣ было только десять и такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

Совершенно неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, я часто попадалъ впросакъ, не умѣя угодить его благопріобрѣтательнымъ стремленіямъ, за что онъ меня ненавидѣлъ отъ всей души и не старался скрывать своей ненависти.

Таково было тѣсное общество, среди котораго мнѣ приходилось впервые знакомиться съ практической жизнью.

Дурасовъ былъ искренно обрадованъ моимъ прибытіемъ. Дѣло въ томъ, что до меня батарея раздѣлялась на два отдѣленія, по девяти орудій въ каждомъ, что, при значительномъ разстояніи орудій между собою дѣлало командованіе ими очень затруднительнымъ. Съ моимъ прибытіемъ Дурасовъ раздѣлилъ батарею на три отдѣленія по шести орудій, что значительно облегчило какъ командо-ваніе, такъ и всё распоряженія по батарее. Но не одно только это заставило его отнестись ко мнѣ привѣтливо. Главнѣйшимъ образомъ онъ былъ доволенъ тѣмъ, что по образованію, по кругу общества, въ которомъ мы вращались въ Петербургѣ, я былъ ближе къ нему, чѣмъ Муржицкій и Ссгрскій-Каше. У меня съ нимъ постоянно находились общіе предметы для разговора, общіе взгляды, интересы и понятія. Муржицкій былъ честный и добрый малый, но совсѣмъ уже плохой собесѣдникъ. Ссгрскій-Каше — былъ собе-сѣдникъ въ высшей степени непріятный, любившій только спорить и не умѣвшій сказать двухъ путныхъ словъ. Понятно, что я былъ находкою для Дурасова и даже для Муржицкаго, любив-шаго прислушиваться къ моимъ съ нимъ бесѣдамъ. Одинъ Ссгр-скій-Каше относился ко мнѣ съ мелочной завистливостью и потому при всякомъ случаѣ старался колоть и язвить меня, а иногда и подставлять ногу.

Когда мы вошли въ домъ, Дурасовъ предложилъ мнѣ снять всю парадную аммуницію и даже мундиръ, вмѣсто котораго подаль свою тужурку, и приказалъ давать завтракъ, во время котораго разговоръ вертѣлся то на служебныхъ дѣлахъ, то на нашихъ лич-ныхъ.

— Вамъ придется исполнять у насъ двѣ службы, — сказалъ между прочимъ Дурасовъ. — Вы будете командовать третьимъ отдѣ-леніемъ. Знаете вы уставъ крѣпостной артиллеріи?

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ вотъ возьмите его и, пожалуйста, вызубрите поскорѣе. Сколько вамъ на это потребуется времени?

Я просмотрѣлъ поданную имъ книжку и пообѣщалъ выучить ее въ три дня.

— Это было бы очень хорошо,—сказалъ онъ.
— Ну, ужъ въ три-то дня вамъ не выучить,—замѣтилъ Ссгрскій.
— Отчего?
— Слишкомъ ужъ вы прытки,—отвѣтилъ онъ, засмѣявшись.
— Мнѣ случалось въ три дня и больше выучивать,—сказалъ я спокойно.

— Вы забываете,—замѣтилъ ему Дурасовъ,—что у Эвальда мозги посвѣжѣе, чѣмъ у насъ съ вами, да онъ и не отвыкъ еще учиться, какъ мы съ вами, это много значить.

— Посмотримъ, посмотримъ. Въ три дня выучить уставъ, ха-ха!

— Потомъ,—продолжалъ Дурасовъ, чтобъ прекратить этотъ глупый споръ,—вамъ придется не мало поработать на батарее. Она ни къ чорту не годится.

— Какъ такъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Вѣдь она только что выстроена?

— Да, но только выстроена плохо. Прежде всего пороховые погреба даютъ сырость, и если ихъ такъ оставить, то, въ случаѣ дѣла, мы будемъ безъ зарядовъ. Потомъ блокгаузъ холодный; осенью солдатамъ нельзя будетъ въ немъ жить. Затѣмъ ядрокалительныя печи ничѣмъ не прикрыты, ни сверху, ни со стороны моря. Все это надо будетъ вамъ внимательно осмотрѣть и исправить.

— Вѣдь эту батарею строилъ Жвирждовскій?

— Да.

— Отчего же вы ему не сказали о ея недостаткахъ?—спросилъ я.

— Какъ не говорилъ? Говорилъ и официально писалъ.

— Ну, и что же?

— Да, какъ видите, ничего. Такъ какъ я гвардейскій пѣхотинецъ, то онъ, вѣроятно, считаетъ меня некомпетентнымъ лицомъ, чтобы судить о подобныхъ вещахъ. Вотъ теперь, опираясь на вашу инженерный авторитетъ, я буду настойчиво требовать, и тогда авось чего нибудь добьемся.

По этому поводу разговоръ перешелъ на критику дѣйствій Жвирждовскаго, причемъ Ссгрскій-Каше не стѣснялся въ выраженіяхъ и честилъ его на всѣ четыре корки. Хотя я Жвирждовскаго совсѣмъ не зналъ, такъ какъ онъ кончилъ курсъ, когда я только что поступилъ въ училище, но мнѣ непріятно было все это слушать, потому что мы съ нимъ носили одинъ мундиръ и вышли, такъ сказать, изъ одного гнѣзда. Но защищать его я не могъ, не зная всего, что произошло тутъ безъ меня, а факты мнѣ представляли такіе, противъ которыхъ спорить было невозможно. Впрочемъ Дурасовъ, замѣтивъ, что этотъ разговоръ мнѣ непріятенъ, перемирилъ его.

Въ три дня, данные мнѣ Дурасовымъ, я легко выучилъ уставъ и на четвертый день явился на батарею, готовый принять коман-

дованіе своими шестью орудіями. Дурасовъ произвелъ ученіе. Конечно, первый опытъ мой командованія былъ не совсѣмъ удаченъ, я дѣлалъ промахи и ошибки, но только такіе, которые происходили отъ недостатка практики, а не отъ незнанія устава. Дурасовъ и Муржицкій поправляли меня, объясняя, что и какъ надо дѣлать, а Сегрскій-Коше подсмѣивался надо мною и старался еще нарочно путать меня и вводить въ заблужденіе.

Вражда этого глупаго человѣка еще болѣе увеличилась, когда я принялся за инженерныя работы. По желанію Дурасова, я прежде всего взялся за пороховые погреба. Осмотрѣвъ ихъ внимательно, я нашелъ, что сырость образовалась оттого, что не было двойного пола, и, кромѣ того, имѣвшійся полъ былъ сложенъ изъ старыхъ досокъ, снятыхъ съ какой нибудь крыши дома, поэтому легко втягивавшихъ въ себя сырость. Выслушавъ мое объясненіе, Дурасовъ послалъ Жвирждовскому требованіе на доставку новыхъ досокъ для устройства двойного пола въ погребахъ.

Не буду описывать сцены, слишкомъ грубой и непріятной, которая произошла между мною и Жвирждовскимъ, когда онъ пріѣхалъ на батарею защищать свое произведеніе. Не смотря на то, что ему были показаны отсырѣвшіе заряды, онъ настаивалъ на томъ, что погреба выстроены безукоризненно, и что никакіе новые полы ничего не помогутъ. Тогда я сказалъ, что приглашу для рѣшенія спора начальника инженеровъ и попрошу его назначить комиссію. Это подѣйствовало и, хотя съ пѣною у рта отъ злобы, но Жвирждовскій уступилъ и сказалъ, что вытребуется съ матеріальнаго двора нужныя доски.

Когда доски прибыли, то я просилъ Дурасова наавтра, пораньше утромъ, приказать вынести изъ погребовъ всѣ заряды, чтобы кстати и просушить ихъ на солнцѣ. Когда утромъ я пріѣхалъ на батарею, то засталъ людей уже за работой: они, образовавъ цѣпь, вынимали заряды изъ погребовъ и, передавая другъ другу, укладывали по двору на рогожи. Я направился къ одному изъ погребовъ, забывъ въ разсѣянности бросить закуренную папирску. Часовой у погреба отдалъ мнѣ честь, но также не остановилъ меня. Въ погребѣ былъ Дурасовъ, распорядясь выемкою зарядовъ. Въ воздухѣ стояла пороховая пыль.

Одинъ старый солдатъ, сидѣвшій на полу, замѣтивъ опасность и схвативъ мою руку съ папирской, сжалъ ее, чтобы погасить огонь. Дурасовъ все это видѣлъ.

— Старый дуракъ!—сказалъ онъ, повернувшись и выходя изъ погреба.

Озадаченный такимъ отношеніемъ къ человѣку, желавшему спасти жизнь всѣхъ насъ, я спросилъ Дурасова объ этомъ.

— Я не люблю,—отвѣчалъ онъ,—когда люди вмѣшиваются не въ свое дѣло.

— Какъ не въ свое дѣло? Но вѣдь насъ всѣхъ и вмѣстѣ съ нимъ могло взорвать на воздухъ!

— Ну, такъ что же? Тѣмъ лучше.

— Какъ тѣмъ лучше?

— Разумѣется. Когда нибудь надо же умирать. А что можетъ быть лучше такой смерти, какъ неожиданная и моментальная? Увидя васъ съ папирской, я думалъ, что самъ Богъ послалъ васъ, чтобы покончить эту подлую жизнь; дернуло этого осла вмѣшаться. Ну, да будетъ объ этомъ говорить; потерянного не вернешь.

Весь этотъ день Дурасовъ былъ особенно задумчивъ и не разговаривалъ.

На работы ко мнѣ каждый день присылались отъ 40 до 60 человѣкъ Литовскаго или Волынскаго гвардейскихъ полковъ, 10 человѣкъ саперъ и отъ 5 до 10 плотниковъ. Такой массы народа мнѣ вовсе было не нужно, но я потомъ узналъ, что командиры частей старались посылать больше, такъ какъ солдатамъ за работы платилось. Послѣ исправленія погребовъ батареи, я принялся за прикрытіе ядрокалительныхъ печей, потомъ за приспособленіе блокгауза къ жительство въ немъ осенью, затѣмъ мнѣ поручено было выстроить общій запасный пороховой погребъ для нашей и двухъ сосѣднихъ батарей, такъ что все лѣто работы у меня не прекращались.

Въ одинъ прекрасный день вѣстовой казакъ проскакалъ вдоль линіи батарей и передалъ приказаніе быть наготовѣ, такъ какъ непріятель показался не вдалекѣ отъ Ревеля, и къ вечеру его можно ожидать.

Трудно описать, какое оживляющее, въ одно время и бодрящее и жуткое, чувство охватило меня при этомъ извѣстіи. Да и всѣ другіе какъ будто переродились, точно праздникъ насталъ, хотя праздникъ особенный, вызывавшій не улыбку на губахъ, а серьезныя морщины на лбу. Всѣ какъ будто чувствовали, что подходило время повѣрки всего, что мы сдѣлали, своего рода смотръ, но смотръ опять таки особенный, который будетъ произведенъ не людьми, а высшей силой, рѣшающей судьбы чело-вѣчества.

Больше всѣхъ обрадовался извѣстію Дурасовъ. Его обычная апатія, небрежное и полупрезрительное отношеніе ко всему, совершенно исчезли. Онъ сталъ веселъ, заботливъ обо всемъ, даже о малѣйшихъ мелочахъ службы, на которыя прежде не обращалъ никакого вниманія, сдѣлался хлопотливъ и предупредителенъ, точно женихъ передъ свадьбою. Въ этотъ день онъ просилъ меня остаться обѣдать у него.

За обѣдомъ Дурасовъ поднялъ вопросъ о томъ, кому командовать батареями, въ случаѣ если онъ будетъ убитъ. Старшимъ послѣ

Дурасова былъ Муржицкій, потомъ слѣдоваль Ссгрскій-Капе; я же былъ самымъ младшимъ и по чину, и по времени службы. Поэтому я сказалъ, что объ этомъ нечего заботиться, такъ какъ начальство естественно должно перейти къ Муржицкому. Но Муржицкій, всегда скромный, отрекся отъ этой чести.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не приму этой обязанности.

— Какъ такъ? Отчего?

— Оттого, что для командованія батареей надо знать немного болѣе, чѣмъ я знаю,—просто отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ очередь будетъ за Ссгрскимъ,—замѣтилъ я.

Дурасовъ насмѣшливо улынулся, а Муржицкій отрицательно покачалъ головой.

— Я тогда уйду съ батареи,—сказалъ онъ совершенно серьезно. Ссгрскій вспыхнулъ.

— Что же вы думаете,—сказалъ онъ,—что артиллерійскій поручикъ выше гарнизоннаго? За то я поручикъ артиллеріи, а вы—пѣхотный!

— Ну, какой ты артиллеристъ?—спросилъ Муржицкій.—Что ты понимаешь въ этомъ дѣлѣ? Ты не будешь знать, когда приказать стрѣлять бомбами, когда ядрами холодными, когда калеными. А если англичане сдѣлаютъ высадку, такъ ты не будешь знать, куда и орудія повернуть.

— Такъ что же потвоему? Ужъ не Эвальду ли командовать?

— Да, я думаю, что, кромѣ него, некому.

— Это прапорщикъ-то будетъ командовать поручиками?

— Ну, такъ что-жъ такое? Онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ знать, что надо дѣлать, а мы съ тобой какіе же командиры, самъ посуди. Я умѣю только маршировать, а ты, хоть и называешься артиллеристомъ, но не умѣешь порядочно и орудія навести.

— Я согласенъ съ Муржицкимъ,—выѣшался Дурасовъ,—и просилъ бы васъ, Ссгрскій, дѣйствительно подчиниться Эвальду, въ случаѣ моей смерти. Тутъ уже не мѣсто считаться старшинствомъ.

— Это совершенно противозаконно!

— Такъ-то такъ, но какъ иначе быть? Это вопросъ такой важности, что я завтра же переговорю объ этомъ въ штабѣ и попрошу утвердить мое предложеніе.

Послѣ обѣда мы пошли на батарею и, усѣвшись на валу, въ одной изъ амбразуръ, разговаривали, не спуская глазъ съ горизонта, откуда долженъ былъ показаться непріятель. Около часу мы просидѣли такъ, теряя всякое терпѣніе, какъ вдругъ часовой, стоявшій на валу, воскликнулъ: идетъ!

Мы всѣ невольно встали также на валъ.

Да, дѣйствительно онъ шелъ! Изъ-за горизонта, снизу подымаясь вверхъ, показались сначала двѣ-три вертикальныя черточки, потомъ накрестъ ихъ горизонтальныя; вертикальныя поднимались

все выше и выше, потомъ показались паруса, также поднимавшіеся кверху, совершенно, какъ въ балаганахъ изъ-подъ полу поднимають кулису. Мнѣ первый разъ пришлось наблюдать это явленіе, служащее во всѣхъ учебникахъ географіи однимъ изъ доказательствъ шарообразности земли. Еслибъ я сомнѣвался когда нибудь въ такой ея формѣ, то теперь воочию долженъ былъ въ этомъ убѣдиться.

Какъ забилося мое сердце! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что англичане меня не убьютъ. О, нѣтъ! Ядро, которое меня убьетъ, еще не вылито! Нѣтъ, это они везутъ мнѣ Георгія въ петлицу, а, можетъ быть, и чинъ, или даже два чина... Мало ли что можетъ случиться, въ особенности если мнѣ въ самомъ дѣлѣ придется командовать батареей? Если я взорву на воздухъ или потоплю одинъ или два корабля... Которые же именно?

А корабли, долженствовавшіе послужить мясомъ для моихъ пушекъ, все подымались выше и выше, и очертанія ихъ дѣлались яснѣе. Вотъ уже показались средніе паруса, затѣмъ самые большіе нижніе и, немного погодя, борты кораблей...

Громадныя темныя массы выдвинулись во всей своей грозной красотѣ... Показались бѣлыя полосы, на которыхъ въ бинокль можно было сосчитать число орудій. Когда корабли совершенно уже поднялись изъ-за горизонта и были видны всѣ три дека, паруса быстро опустились, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и движеніе ихъ прекратилось. Тамъ же, изъ-за горизонта, поднимались новыя мачты и паруса, одни за другими, и всѣ они выстраивались передъ нашими глазами, на водѣ, которая еще полчаса назадъ была нашею, а теперь принадлежала имъ...

Неудержимое желаніе приложить фитиль къ пушкѣ и послать имъ добрую бомбу охватило меня. Но это было невозможно сдѣлать, такъ какъ графъ Бергъ отдалъ строгій приказъ, чтобы безъ сигнала съ башни св. Олая (днемъ—красный флагъ, а ночью—красный фонарь) никто не начиналъ пальбы, даже еслибъ англичане открыли ее. Повидимому, такое же желаніе овладѣло и другими.

— Эхъ! Кабы теперь же шарахнуть туда,—сказалъ Дурасовъ, прервавъ молчаніе, невольно воцарившееся между нами, при видѣ непріятели.

— Не достать,—возразилъ практическій Муржицкій,—а даромъ чего заряды тратить. Вѣдь они стоятъ около Нааргена.

— А, можетъ быть, этими выстрѣлами мы вызвали бы ихъ на бой.

— Сами начнутъ, когда осмотрятся. Такъ, сдуру, не полѣзутъ. Народъ-то вѣдь пройдошный.

— Кто ими командуетъ?—спросилъ я.

— Адмиралъ Плюмприджъ,—отвѣчалъ Дурасовъ.

— Плюм-пуддингъ,—сострилъ Сегрскій.

Солдаты не менѣ нашего заинтересовались невиданнымъ зрѣлищемъ непріятельскаго флота. Вся команда собралась на валу батареи, и кто лежа, кто сидя, кто стоя наблюдали за малѣйшими движеніями судовъ, перекидываясь замѣчаніями.

— Лодку спускаютъ съ большаго-то корабля.

— Не къ намъ ли поѣдетъ она?

— Жди, дурова голова. Такъ вотъ и поѣхала. Раковъ-то кормить на днѣ морскомъ кому охота.

— Да главнокомандующій не велѣлъ намъ палить безъ приказу.

— Ну, такъ что-жъ?

— А то, что она вотъ подѣдетъ къ намъ посмотрѣть, какіе мы такіе.

— Твоего рыла не видали, что ли?

— А, братцы, какой вѣры этотъ англичанинъ?

— У нихъ, говорятъ, и поповъ нѣтъ, креста не носятъ.

— Басурманы, значить.

— Нехристи, одно слово.

— Чего врешь! Хрестыяне, какъ и мы, только посвоему молятся.

— А ты откуда знаешь?

— Да у насъ въ деревнѣ, на фабрикѣ, три агличана въ механикахъ состояли, такъ я видѣлъ ихъ. Въ нашу церкву хаживали, а чтобы крестъ понашему класть, такъ этого у нихъ нѣтъ.

— А вѣдь какъ начнетъ жарить въ насъ, здорово будетъ! Ишь пушекъ-то понатыкано сколько у нихъ. Не счесть.

— Ему трудно будетъ въ насъ палить, потому онъ на водѣ, закачаетъ, прицѣлу не будетъ.

— Боньбой начнетъ кидать.

— Такъ что-жъ боньбой! Ей тоже нужно прицѣлиться, зря-то ничего не подѣлаешь.

— А мы его калеными ядрами зажжемъ.

— Зажги!

Я долго прислушивался къ этимъ солдатскимъ разсужденіямъ, и меня болѣе всего поразило въ нихъ то, что во весь вечеръ ни одинъ солдатъ не промолвился ни единымъ словомъ о томъ, что мнѣ казалось самымъ естественнымъ и самымъ существеннымъ въ данную минуту, именно о своихъ ощущеніяхъ. На нихъ приходило непріятеля, повидимому, не произвелъ другого впечатлѣнія, кромѣ возбужденія простаго любопытства. Ни страха, ни малѣйшаго волненія, ни разсужденій о близкой опасности, даже смерти — ничего подобнаго: они толковали о непріятелѣ просто, какъ о зрѣлищѣ, принесшемъ нѣкоторое разнообразіе въ обыденную будничную жизнь.

Совсѣмъ не то было въ нашемъ офицерскомъ обществѣ.

Дурасовъ былъ очень взволнованъ, но какъ-то радостно, точно дождался свѣтлаго праздника. Онъ оживился и какъ будто помолодѣлъ. Приказъ графа Берга не палить безъ сигнала, хотя бы англичане начали стрѣлять, ужасно его возмущалъ. Если бы не этотъ приказъ, Дурасовъ навѣрное началъ бы пальбу, не смотря на то, что наши ядра не могли на такомъ разстояніи достигать до непріятеля.

Серьезный Муржицкій тоже какъ будто оживился, насколько могъ оживиться такой старый служака, какъ онъ. Но его оживленіе было совсѣмъ другого рода, чѣмъ у Дурасова. Онъ просто доволенъ былъ, что дождался наконецъ случая послужить на дѣлѣ, послѣ многолѣтней безцѣльной маршировки.

Ссгрскій-Кашѣ видимо трусилъ, хотя старался скрывать это и принимать видъ опытнаго воина. Онъ сдѣлался нервенъ, безъ причины кидался изъ стороны въ сторону, вздрагивалъ отъ всякой неожиданности и вообще чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ.

Что касается лично до меня, то, откровенно говорю, чувство страха было первымъ, которое охватило меня, какъ только я за-видѣлъ мачты непріятельскихъ кораблей. Я только что начиналъ жить, эта жизнь представлялась мнѣ въ такихъ розовыхъ краскахъ, что мнѣ жаль было отдавать свою жизнь такъ дешево и такъ бесполезно. Неужели мой отецъ такъ много потратилъ своихъ средствъ и заботъ на мое воспитаніе для того только, чтобы какое нибудь шальное англійское ядро вывело меня изъ строя человѣчества? Эта мысль казалась мнѣ крайне обидною! Но всѣ эти страхи, смущенія и обиды скоро разсѣялись подъ впечатлѣніемъ спокойныхъ и безхитростныхъ разсужденій солдатъ. Прислушиваясь къ нимъ, я невольно понизилъ оцѣнку самого себя: вѣдь каждый изъ нихъ такой же человѣкъ, какъ и я, у нихъ также есть свое дорогое въ жизни, и самая жизнь дорога имъ не менѣе, чѣмъ мнѣ, а вотъ же они какъ спокойны, пожалуй, спокойнѣе, чѣмъ на простыхъ маневрахъ. И это такъ и было: на маневрахъ солдатъ болѣе боится строгостей начальства, тогда какъ на войнѣ ему дѣлаются нѣкоторыя послабленія въ дисциплинѣ. Такимъ образомъ, благодаря спокойному мужеству солдатъ, и у меня улеглись всѣ волненія, такъ что часа черезъ два я вошелъ вполне въ свое нормальное состояніе и уже смотрѣлъ на англійскую эскадру безъ всякаго смущенія.

Пробили зорю.

— Ну, что-жъ, господа, по домамъ, что ли?—спросилъ Дурасовъ.

— А если они ночью начнутъ?—спросилъ Ссгрскій.

— Надѣюсь, мы услышимъ. Или вы боитесь проспать?

Я жилъ въ городѣ, въ деревянномъ домѣ, отведенномъ для всѣхъ насъ восьмерыхъ, присланныхъ изъ училища на военную практику въ Ревель. Разумѣется, когда мы собрались поздно вечеромъ, то

всѣ спѣшили передавать другъ другу свои впечатлѣнія. Большинство относилось болѣе или менѣе спокойно, даже весело къ приходу непріятели. Но одинъ, котораго назову только буквою С., совершенно потерялъ почву подъ ногами и даже не имѣлъ силы воли, чтобы хоть нѣсколько скрыть обуявшій его страхъ. Онъ поблѣднѣлъ, осунулся, трясся, какъ въ лихорадкѣ, такъ что зубы его щелкали, какъ будто его сейчасъ должны были вести на смертную казнь. Одни товарищи относились къ нему презрительно, другіе насмѣшливо. Мнѣ его стало жалко, и потому, вызвавъ въ другую комнату, я пробовалъ его успокоить.

— Чего ты перепугался?—говорилъ я ему.—Вѣдь ничего еще нѣтъ, можетъ быть, и дѣла никакого не будетъ, а все ограничится одной блокадой.

— Ахъ, не говори!—воскликнулъ онъ.—Я знаю, что меня убьютъ, я чувствую это, Боже мой, Боже мой!

— Такъ зачѣмъ же ты шелъ въ военную службу, если такъ боишься смерти?

— Да развѣ я зналъ, что будетъ война и такъ скоро? Я хотѣлъ быть инженеромъ, строить, а не воевать. Я не могу этого перенести, я убѣгу!

— Съ ума ты сошелъ?! Вѣдь тебя разстрѣляютъ за это! Англичане-то еще, Богъ знаетъ, убьютъ ли тебя, а если убьжишь, такъ навѣрное будешь разстрѣлянъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Голубчикъ, научи меня, спаси меня!

— Выпей побольше водки или вина, да и засни хорошенько. Завтра это у тебя пройдетъ. Да не срамись хоть передъ другими-то.

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до другихъ! Чортъ ихъ всѣхъ возьми!

Паническій страхъ совершенно имъ овладѣлъ и, понятно, въ такомъ состояніи никакія разсужденія не могли ему помочь. Впрочемъ, по моему совѣту, онъ выпилъ сколько только могъ и подъ конецъ заснулъ. На другой день онъ былъ уже спокойнѣе, а потому мало-по-малу и совершенно привыкъ глядѣть безъ волненія на непріятельскія суда. Не знаю, что было бы съ нимъ при первомъ выстрѣлѣ, но такъ какъ этого выстрѣла мы не дождались, то С. благополучно вернулся въ Петербургъ.

Да, такъ все лѣто и прошло безъ одного выстрѣла. Англичане ограничивались только строжайшею блокадою, отъ которой болѣе всего страдали бѣдные рыбаки, промышляющіе ловомъ кильки. Они совсѣмъ лишились куска хлѣба, но иногда съ голодухи рѣшались выѣзжать и въ заливъ, на глазахъ англичанъ, ловить рыбу. Въ такомъ случаѣ англичане спускали маленькіе пароходики и гребные катера, чтобы ловить дерзкихъ рыбаковъ. Мы часто любовались на эту картину. Смѣлые и ловкіе рыбаки, на своихъ не-

большихъ лайбахъ, съ косыми парусами, мелькали, какъ чайки, по заливу, искусно лавируя между англійскими судами, посланными въ ихъ догонку, и во все лѣто непріятелю не удалось поймать ни одного контрабандиста. Правда, при такихъ условіяхъ добыча кильки не могла быть великою, но не даромъ говорится: *à la guerre, comme à la guerre...*

Однажды вышелъ такой комическій случай. Какой-то англійскій катеръ, увлекшись погонею, слишкомъ близко подъѣхалъ къ берегу. Въ это время тутъ случился казачій патруль. Смѣлый урядникъ скомандовалъ атаку, и казаки бросились на лошадахъ въ воду, подплыли къ катеру и начали хлестать англичанъ нагайками. Тѣ защищались веслами и чѣмъ попало, но ни та, ни другая сторона не только не стрѣляли, но и не обнажили холоднаго оружія. Должно быть, казацкія нагайки пришлись англичанамъ не совѣмъ-то по вкусу, такъ какъ они взялись за весла и какъ можно скорѣе удрали восвояси. Съ тѣхъ поръ они уже остерегались слишкомъ близко подходить къ берегамъ.

Когда пріѣхалъ въ Ревель великій князь Николай Николаевичъ, то ему рассказали о случаѣ съ казаками. Ему это такъ понравилось, что онъ предложилъ графу Бергу попробовать атаковать англичанъ кавалеріей. Между берегомъ и островомъ Нааргеномъ, проливъ былъ очень мелокъ и доступенъ для кавалеріи; корабли же англійскіе стояли почти у самаго берега съ другой стороны Нааргена, по крайней мѣрѣ мелкія суда. Но этотъ слишкомъ смѣлый планъ былъ не принятъ военнымъ совѣтомъ, къ великому огорченію всей нашей офицерской молодежи, любопытствовавшей посмотреть на такое необычайное военное дѣло.

Первые дни съ прихода англичанъ мы еще интересовались ими, ожидая съ часу на часъ, что они начнутъ какія нибудь дѣйствія. Но они стояли неподвижно на якоряхъ и, кромѣ разсылки мелкихъ судовъ то въ погоню за рыбаками, то для промѣровъ залива, рѣшительно ничего не предпринимали. Мало-по-малу мы не только привыкли къ нимъ, какъ къ необходимому дополненію картины залива, но даже, по правдѣ сказать, они надоѣли намъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое!—сердился однажды Дурасовъ, когда я сидѣлъ съ нимъ на валу батареи.—Ушли бы ужъ лучше отсюда, или начали бы дѣло, а то ни рыба, ни мясо.

— Вѣроятно, имъ выгоднѣе блокировать насъ.

— Да чего тутъ блокировать? Флота у насъ все равно нѣтъ!

— Кое-какой есть же: не будь ихъ, мы бы торговали, а теперь морская торговля закрыта. На зиму даже безъ килекъ останемся.

— Вы, кажется, большой любитель килекъ и жалѣете о нихъ,—замѣтилъ смѣясь Дурасовъ.—Да и нашъ-то, графъ Бергъ, хорошъ!—прибавилъ онъ.

— А что?

— Чего онъ ждетъ, отчего запрещаетъ намъ начать дѣло?

— Какая же польза была бы отъ этого? Только городъ разгромили бы бомбами. Вотъ онъ — весь на виду! А мы, все равно, не прогнали бы ихъ. Слава Богу еще, что они не трогаютъ насъ.

— Ну, не говорите! Мы могли бы потопить два-три судна, такъ не повдоровилось бы имъ. Вы, кажется, сомнѣваетесь въ нашихъ силахъ?

— Да, онъ не велики, въ смыслѣ качества.

— То-есть что же это значить?

— А то, Михаилъ Александровичъ, что орудія наши плохи, да и лафеты отъ старости такъ слабы, что того и гляди развалятся отъ собственныхъ боевыхъ выстрѣловъ. Посмотрите хоть бы на этотъ лафетъ, у единорога въ моемъ отдѣленіи, на что онъ годенъ? А вѣдь скверно будетъ, если во время боя онъ самъ собою развалится: на солдатъ это можетъ панику нагнать. Еслибъ англичане подозревали это, то, вѣроятно, начали бы пальбу. На всѣ наши батареи я смотрю только, какъ на декораціи, которыя вводятъ непріятеля въ обманъ. Ну, и слава Богу, если такъ. Въ этомъ оптическомъ обманѣ пока вся сила наша...

— Пожалуй, что вы правы, — замѣтилъ Дурасовъ, нахмурясь. — Я самъ имѣлъ опасенія на счетъ нашихъ орудій, только остерегался говорить объ этомъ даже съ вами, чтобы не ослаблять энергіи. Хорошо еще, что Муржицкій и Ссгрскій-Капе ничего не понимаютъ. Вы ужъ, пожалуйста, не говорите имъ объ этомъ.

— Будьте покойны.

Время тянулось невообразимо однообразно. Цѣлые дни приходилось присутствовать на батареѣ, занимаясь приѣмами артиллерійской службы или инженерными работами. Эти работы, впрочемъ, были большимъ благомъ для меня, такъ какъ все-таки разнообразили занятія и поглощали праздное время. Я исправилъ два погреба на батареѣ, уничтожилъ въ нихъ сырость, прикрылъ ядрокалительныя печи отъ навѣсныхъ выстрѣловъ блиндажами; выстроилъ передъ ними траверсъ (земляной валъ) для защиты отъ прямыхъ выстрѣловъ; передѣлалъ блокгаузъ для жительства въ осеннее время и, наконецъ, выстроилъ большой запасный пороховой погребъ, по ту сторону шоссе. Всѣ эти работы занимали и развлекали меня, чему много завидовали Дурасовъ и Муржицкій, которымъ, кромѣ утренняго ученія, рѣшительно нечего было дѣлать цѣлый день. Ссгрскій-Капе тоже завидовалъ мнѣ, но только совсѣмъ въ другомъ отношеніи, именно въ томъ, что я игралъ нѣкоторую роль, имѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ инженеръ, что я распоряжался командой болѣе 80 человѣкъ, приходившей ко мнѣ на работы. Недоброжелательство ко мнѣ Ссгрскаго въ особенности усилилось съ того дня, когда графъ Бергъ, объѣзжая съ многочисленной свитой позицію, остановился у нашей батареи и довольно

долго и подробно разспрашивалъ меня о всѣхъ работахъ, осмотрѣлъ ихъ и поблагодарилъ меня за хорошее исполненіе. Въ свитѣ его находился капитанъ генеральнаго штаба графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Турціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ графа Берга онъ подѣхалъ ко мнѣ и также сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ. Это переполнило чашу завистливости Ссгрскаго, и онъ послѣ того буквально возненавидѣлъ меня. Но мнѣ отъ его ненависти было ни тепло, ни холодно.

Въ концѣ августа пришлось вернуться въ Петербургъ, продолжать курсъ премудростей инженернаго дѣла. Глубоко тронуло меня прощаніе съ Дурасовымъ и съ почтеннымъ Муржицкимъ, которые хотя различно, но оба въ высшей степени доброжелательно относились ко мнѣ все время.

Черезъ три года послѣ того мнѣ привелось еще разъ встрѣтиться съ Муржицкимъ въ Новгородѣ. На вопросъ мой о Дурасовѣ онъ сказалъ, что вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Ревеля Дурасовъ сдѣлалъ себѣ теплую ванну и открылъ жилы на рукахъ. Его успѣли захватить во время, и докторъ строжайше запретилъ давать ему что нибудь кислое. Узнавъ объ этомъ, Дурасовъ ухитрился достать квасу и, напившись его въ изрядномъ количествѣ, умеръ.

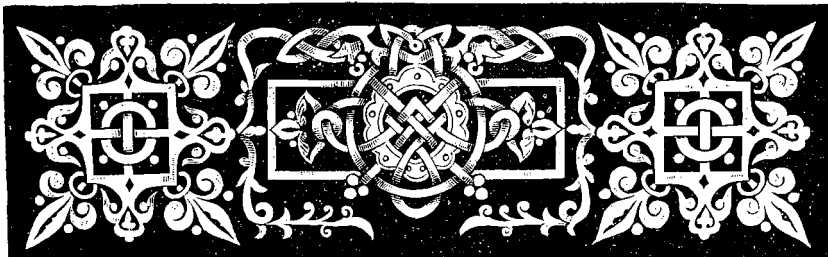
Только теперь, узнавъ о такой его смерти, я понялъ всѣ тѣ странности въ его поведеніи, которыя всегда поражали меня. Вотъ почему онъ такъ жаждалъ боя: онъ хотѣлъ избавиться отъ самоубійства...

Бѣдный человѣкъ!

А. В. Эвальдъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА ¹⁾.

V.

Нарва и Иванъ-городъ.—Первыя знакомства.—Представленіе въ водѣ.—Осмотръ Иванъ-города.—Чуть было не погибель.—Находка въ церкви.—Устройство подводныхъ минъ.—Пріѣздъ начальника штаба.—Смотръ стрѣльбы изъ крѣпостныхъ ружей.—Хитрость капитана Одинцова.—Постройка невозможной батареи.—Неимѣніе въ крѣпости ея вѣрнаго плана.—Повѣрка стараго плана.—Приходъ англійской эскадры.—Вооруженіе Иванъ-города.—Срытіе дачъ передъ нимъ.—Устройство амбразуръ въ ветхой стѣнѣ.—Бой на устьѣ.—Заключеніе.

ВЪ 1855 ГОДУ я былъ назначенъ въ крѣпость Нарву, точно также какъ и въ прошлое лѣто въ Ревель, для производства инженерныхъ работъ.

Нарва, какъ извѣстно, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ двѣнадцати верстахъ отъ впаденія ея въ море. Это была (теперь она уже скрыта) небольшая старинная шведская крѣпость, бастионной системы, прославленная подвигами Петра Великаго, во время борьбы его съ Карломъ XII, но въ наше время не могла уже имѣть никакого военнаго значенія, и надо было удивляться, что во время Крымской войны ее рѣшили вооружать, опасаясь англійскаго десанта.

Въ старину Нарва играла большую роль въ русской исторіи, когда принадлежала ливонскимъ рыцарямъ, съ которыми Новго-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXI, стр. 573.

родъ, а потомъ Москва вели безпощадныя войны. Слѣды этой борьбы сохранились до нашихъ дней, въ видѣ каменной крѣпости Иванъ-городъ, выстроенной русскими по сю сторону рѣки Наровы, какъ разъ противъ Нарвы, такъ что только рѣка раздѣляла эти враждебныя крѣпости.

Иванъ-городская крѣпость, вѣроятно, древнѣе Нарвской, такъ какъ выстроена въ формѣ высокихъ каменныхъ стѣнъ, съ зубцами и круглыми башнями, какъ строились всѣ древнія крѣпости до изобрѣтенія пороха и въ первое время по изобрѣтеніи его, когда еще стрѣлы и луки спорили съ фитильными ружьями, а баллисты и катапульты¹⁾ во многомъ превосходили дѣйствіе пушекъ, стрѣлявшихъ каменными ядрами.

Ясно, что такая крѣпость еще менѣе Нарвы была способна къ чему нибудь пригодиться, но и ее также приказано было привести въ оборонительное состояніе.

На другой день по пріѣздѣ я представился коменданту, генералу Ярмерштедту, невысокаго роста, сѣдому старику, который буквальное исполненіе приказаній высшаго начальства ставилъ выше всего на свѣтѣ. Такой узкій взглядъ на служебныя обязанности почтеннаго генерала, какъ увидимъ ниже, иногда очень дорого обходился казнѣ и приводилъ къ крайне печальнымъ результатамъ. Принялъ меня онъ привѣтливо и объявилъ, что назначаетъ инженеромъ въ Иванъ-городъ, подъ команду полковника Зиновьева, командира батальона петербургскаго ополченія, расположеннаго въ этой крѣпости.

Воротившись отъ коменданта въ отведенную мнѣ квартиру у какихъ-то двухъ старыхъ дѣвъ шведскаго происхожденія, я только что началъ снимать мундиръ, какъ въ комнату мою вошелъ незнакомый офицеръ, въ формѣ кавказскихъ саперъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ прямо. — Я — капитанъ Иванъ Николаевичъ Одинцовъ и желаю съ вами познакомиться. Васъ какъ зовутъ?

Я назвалъ, прапорщикъ такой-то.

— Очень радъ (чему онъ былъ радъ?). Вы отъ коменданта?

— Да.

— Ну, что онъ вамъ сказалъ хорошаго?

— Назначилъ меня въ Иванъ-городъ.

— А! Къ Зиновьеву. Что-жъ, это хорошо, вы будете тамъ совершенно самостоятельны, какъ единственный инженеръ. Зиновьевъ отличнѣйшій человѣкъ; онъ вѣдь состоитъ комендантомъ Иванъ-города, въ случаѣ осады, конечно. Напрасно вы снимаете мундиръ.

— Отчего?

¹⁾ Метательныя орудія древнихъ, бросавшія большіе камни и стрѣлы изъ дѣланныхъ бревенъ, при посредствѣ скрученныхъ канатовъ.

— Да я бы васъ сейчасъ же свелъ къ Зиновьеву, познакомить съ нимъ. Пойдемте!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Я снова одѣлся, и мы вышли. Солнце сильно пекло, а такъ какъ намъ пришлось идти берегомъ рѣки, то Одинцовъ, завидя купальню, предложилъ выкупаться. Въ купальнѣ было двое какихъ-то военныхъ. Они уже плавали, когда мы пришли. Раздѣвшись мы вошли также въ воду. Одинцовъ, купаясь, разговаривалъ съ ними. Потомъ онъ вдругъ спохватился и подозвалъ меня. Я подплылъ.

— Экая башка у меня разсѣянная,—сказалъ онъ.—Андрей Васильичъ,—обратился онъ къ одному изъ собесѣдниковъ,—позвольте вамъ представить только что назначеннаго къ вамъ инженера. Онъ именно къ вамъ шелъ представиться. Это—полковникъ Зиновьевъ,—прибавилъ Одинцовъ, обратясь ко мнѣ.

Положеніе было въ высшей степени комическое и затруднительное. Какъ было представляться начальнику въ костюмѣ Адама и въ водѣ? Военный артикулъ не предвидѣлъ подобнаго случая и потому не указалъ для него какогонибудь порядка. Я приложилъ было руку ко лбу, потомъ опустилъ ее, покраснѣлъ и рѣшительно не зная, что мнѣ дѣлать. Видя мое замѣшательство, Зиновьевъ расхохотался и дружески протянулъ мнѣ руку.

— Что за представленія ко мнѣ, да еще въ мундирѣ,—сказалъ онъ.—Вы, Иванъ Николаевичъ, просто привели бы его ко мнѣ обѣдать. Пожалуйста, придя домой, снимите вашъ мундиръ и приходите ко мнѣ. Я обѣдаю часа въ четыре.

Затѣмъ мы продолжали купаться очень весело, такъ какъ случай такого необычайнаго представленія начальству подалъ поводъ ко всякаго рода шуткамъ и остроумію.

Къ четыремъ часамъ я пріѣхалъ къ Зиновьеву. Это былъ красивый мужчина, лѣтъ сорока, не болѣе, съ умными и выразительными глазами, съ мужественнымъ лицомъ, котораго красный боевой рубецъ на щекѣ не только не портилъ, но еще придавалъ ему отѣнокъ удалства. Въ концѣ зала была стойка съ батальоннымъ знаменемъ, облокотясь на которую стоялъ Зиновьевъ, разговаривая съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ въ то время, какъ я вошелъ. Онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ на встрѣчу, взялъ за руку и, подведя къ группѣ товарищей, назвалъ сначала меня, а потомъ началъ перечислять другихъ:

— Графъ Шуваловъ, графъ Бобринскій, свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, Семевскій, графъ Сиверсъ, князь Трубецкой, Голубцевъ, Карамзинъ, князь Мещерскій, Зееле...

Съ каждымъ я раскланивался, пожимая руки. Все это были наши петербургскіе дворяне, которыхъ патріотическое чувство побудило оставить свои богатые хоромы и, надѣвъ сѣрый ополченскій ярмякъ, добровольно принять тяготу гарнизонной и походной службы. Та-

кимъ образомъ, благодаря Одинцову, а потомъ Зиновьеву, я сразу попалъ въ лучшій кружокъ тогдашняго нарвскаго общества, среди котораго и провелъ все время своего пребыванія въ этомъ городѣ.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ явился вѣстовой отъ коменданта, съ приглашеніемъ прибыть къ нему на другое утро, къ десяти часамъ.

Являюсь. Въ кабинетѣ нахожу Зиновьева.

— Время не терпитъ,—сказалъ комендантъ.—Надо вамъ приниматься за работу. Мы каждый день можемъ ожидать непріятеля. Пойдемте въ Иванъ-городъ, посмотримъ, что тамъ можно сдѣлать.

Втроемъ мы отправились пѣшкомъ, такъ какъ отъ квартиры коменданта было очень недалеко до моста, соединяющаго Нарву съ Иванъ-городомъ. Представьте себѣ огромный дворъ, окруженный съ четырехъ сторонъ высокими каменными стѣнами—и вотъ вамъ то, что называется Иванъ-городскою крѣпостью. Если къ этому прибавить, что стѣны отъ времени вывѣтрились, что во многихъ мѣстахъ вывалились камни цѣлыми рядами, и надъ образовавшимися пустотами висѣли глыбы, ежеминутно грозившія паденіемъ, то понятно будетъ мое удивленіе, когда комендантъ пресерьезно началъ толковать со мною объ укрѣпленіи и вооруженіи такой крѣпости. Посреди двора стояла такая же развалина старинной церкви, а затѣмъ о жизни напоминали только деревянные бараки, въ которыхъ помѣщался батальонъ Зиновьева.

По лѣстницѣ въ одной изъ башенъ мы вошли на верхъ стѣны и начали обходить кругомъ, по грудамъ мусора, обломковъ камней и извести, накопившихся за два или три столѣтія, отъ разрушавшихся зубцовъ крѣпостной стѣны; идя, мы непрерывно спотыкались, скользили и шатались. Но добрый комендантъ какъ будто ничего не замѣчалъ или считалъ, что все это такъ и должно быть, и, храбро идя впередъ, объяснялъ то Зиновьеву, то мнѣ свои предположенія.

Пройдя всѣ стѣны кругомъ, мы подошли къ одной башнѣ у рѣки.

— Тутъ, я думаю, можно и спуститься,—сказалъ комендантъ.

Мы вошли въ башню, но тамъ оказалось—не видно ни зги. Я прошелъ впередъ, зажигая спички одна за другою. При ихъ слабomъ свѣтѣ я разглядѣлъ первую ступеньку каменной витой лѣстницы, спускавшейся внизъ. Осторожно, держась за стѣну, а ногами ощупывая слѣдующія ступени, началъ я спускаться, предложивъ моимъ спутникамъ подождать на верху. Спустился я такимъ образомъ ступеней двадцать, въ совершеннѣйшемъ мракѣ, какъ вдругъ поскользнулся и сѣлъ на послѣднюю ступеньку такимъ образомъ, что ноги мои свѣсились въ пустое пространство. Очевидно, лѣстница кончилась, и я висѣлъ надъ какой-то бездной. Упершись лѣвою рукою о стѣну, а правую о послѣднюю ступень,

на которой сидѣлъ, я хотѣлъ приподняться, но почувствовалъ, что отъ этого усилія ступень подо мною крошится и обламывается. Меня даже въ холодный потъ ударило при мысли о возможности провалиться чортъ знаетъ куда! Какъ можно осторожнѣе досталъ я спичечницу, чиркнулъ огонь и кое-какъ осмотрѣлся: дѣйствительно я сидѣлъ на послѣдней ступени, которая отъ сырости вывѣтрилась, и меня поддерживалъ очень тонкій слой хрупкаго известняка... При малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, моя подпора могла треснуть и тогда—аминь будущему защитнику Иванъ-города...

— Андрей Васильевичъ!—позвалъ я Зиновьева.

— Что?—глухо послышался его голосъ на верху.

— Спускайтесь осторожнѣе ко мнѣ. Надо помочь. Идите съ огнемъ.

Послышались его медленные шаги и непрерывное чирканье спичекъ. Всѣ ступени были завалены болѣе или менѣе мусоромъ, и надо было соблюдать большую осторожность, чтобы не поскользнуться. Когда онъ подошелъ ступеней за пять до меня, я просилъ его остановиться, чтобы объяснить свое положеніе.

— Тутъ очень опасно, Андрей Васильевичъ. Я чуть было не провалился куда-то и сижу на очень тонкой ступени, которая трещитъ подо мною. Когда вы спуститесь до меня ступени за двѣ, то упритесь хорошенько о стѣну и дайте мнѣ руку; иначе я не могу подняться.

— А если мы оба полетимъ туда?—спросилъ онъ.

— Такъ лучше не подходите, а пришлите человѣкъ трехъ вашихъ ополченцевъ съ веревкой, я тутъ подожду.

— Ну, Богъ милуетъ,—сказалъ Зиновьевъ,—попробую и одинъ.

Онъ спустился ко мнѣ при свѣтѣ спичекъ и съ трудомъ оглядѣвъ положеніе, устроился попрочнѣе и подалъ мнѣ руку. Со всею осторожностью я повернулся немного, прилегъ грудью на верхнюю ступень, приподнял ноги и, наконецъ, всталъ на болѣе прочную ступень.

— Слава Богу!—сказали мы оба.

— Что же тутъ такое?—спросилъ Зиновьевъ.

— А Богъ знаетъ! Лѣстницы дальше нѣтъ.

— Да куда же она дѣлась?

— Или вывѣтрилась, или ея и не было дальше. Вотъ попробуемъ.

Я подобралъ нѣсколько камней и началъ кидать внизъ: всѣ они летѣли довольно долго и булькали въ воду.

— Очевидно, тутъ никогда и не было лѣстницы,—сказалъ я.

— А эти-то верхнія ступени зачѣмъ?

— Это трудно сказать. Можетъ быть, онѣ кончались площадкой, и вся эта башня служила колодезью для добыванія воды; а, можетъ быть, сюда кидали осужденныхъ, своихъ или плѣнныхъ. Мало ли что дѣбалось въ старину!

Мы поднялись на верхъ, и какъ я обрадовался, увидѣвъ опять этотъ свѣтъ, это солнце, съ которыми чуть было не расстался навсегда!

— Что вы тамъ нашли?—спросилъ ожидавшій насъ комендантъ.

Я разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Это очень хорошо,—сказалъ онъ.—Въ случаѣ осады вы будете знать, гдѣ добыть воду. Только надо разслѣдовать, какая тамъ вода, колодезная или рѣчная.

— Слушаю, ваше пр—ство, я разслѣдую.

Окончивъ обходъ знаменитой крѣпости, комендантъ поручилъ мнѣ составить свои соображенія о ея оборонѣ и представить ему проектъ. Затѣмъ, раскланявшись съ нами, онъ ушелъ, а Зиновьевъ мигнулъ мнѣ, чтобы я остался.

— Ну, что скажете, другъ мой?—спросилъ онъ, взявъ меня подъ руку и направляясь къ баракамъ ополченцевъ.

— Откровенно скажу вамъ, полковникъ, что если сюда явятся англичане (въ возможность чего, впрочемъ, я не вѣрю), то десятка ихъ выстрѣловъ будетъ достаточно, чтобы подъ развалинами этихъ стѣнъ похоронить весь вашъ батальонъ.

Зиновьевъ нахмурился.

— Хотя я въ инженерномъ дѣлѣ и ничего не понимаю,—сказалъ онъ,—но это самое и мнѣ кажется. Что же вы думаете дѣлать?

— Рѣшительно не знаю. Комендантъ хочетъ, какъ вы слышали, укрѣпить и вооружить эту развалину, а помоему отсюда надо вывести вашъ батальонъ и предоставить эти стѣны англичанамъ, еслибъ они ухитрились какъ нибудь сюда забраться: тогда нѣсколькими выстрѣлами изъ Нарвы мы засыплемъ ихъ камнями. Да впрочемъ едва ли они будутъ такъ глупы, чтобы засѣсть въ эту вѣрную могилу.

Говоря такимъ образомъ, мы подошли къ развалинамъ церкви. Это очень небольшой храмъ, сохранившійся немного лучше крѣпостныхъ стѣнъ. Ни дверей, ни оконъ, конечно, не было, только отверстія для нихъ. Внутри я замѣтилъ въ одной стѣнѣ вывалившійся камень и всунулъ туда руку: оказалось, тамъ пустота, шедшая вдоль стѣны. Засунувъ руку какъ можно дальше, я нащупалъ человѣческія кости и вытащилъ сначала черепъ, а потомъ кусокъ плечевой кости. Черепъ былъ старый, съ тремя всего зубами и съ трехугольнымъ проломомъ въ темени, какъ бы отъ удара трехграннымъ оружіемъ. Кому онъ принадлежалъ? Кто былъ замуравленъ въ этой церковной стѣнѣ? Вотъ любопытные вопросы, на которые негдѣ было найти отвѣта. Всего вѣроятнѣе, однако, предположить, что это былъ какой нибудь воевода, защитникъ крѣпости, или вообще знатное и почетное лицо, убитое въ одной изъ битвъ съ ливонцами, котораго благодарные современники похоронили въ церкви. Меня удивило только то, что никто изъ нарв-

ских жителей (между которыми были же люди образованные) не изслѣдовалъ этого отверстія въ стѣнѣ раньше меня... Найденный черепъ долго хранился у меня, но потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я подарилъ его одному любителю рѣдкостей, который впослѣдствіи застрѣлился, и о дальнѣйшей судьбѣ этого черепа я не знаю.

На другой день я отправился къ коменданту и вмѣсто всякихъ проектовъ объ укрѣпленіи Иванъ-города высказалъ ему то же, что Зиновьеву, полагая, что онъ благоразумно согласится со мною. Но онъ не только не согласился, а еще разсердился за то, что я не исполнилъ его приказанія.

— Какъ вы можете такъ говорить?—почти кричалъ онъ на меня.—Какъ можно передъ самой крѣпостью, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея, оставить для непріятеля такое прикрытіе, какъ толстыя каменные стѣны Иванъ-города?

— Но, ваше превосходительство, эти стѣны развалятся отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ...—пробовалъ я возразить.

— Какъ развалятся? Отчего развалятся? Никогда не развалятся! Столько вѣковъ простояли, а теперь вдругъ развалятся!

— Въ старину не было такихъ орудій, какія у насъ... Иванъ-городъ представляетъ большую цѣль, въ которую можно бить изъ-за пяти верстъ...

— Что вы мнѣ говорите! Тутъ надо подвести осадныя орудія, а откуда ихъ возьмутъ англичане? Во всякомъ случаѣ не ваше дѣло разсуждать, а исполнять то, что приказываютъ.

— Извольте, я составлю проектъ, какъ укрѣпить стѣны, чтобы онѣ не развалились, но это будетъ очень дорого стоить...

— Когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, то о расходахъ не говорятъ.

Что могъ я болѣе возразить?

Для вѣщаго охраненія Нарвы и Иванъ-города отъ вторженія непріятеля водою, комендантъ поручилъ Одинцову, завѣдывавшему гальванической командой, расположить поперекъ рѣки подводныя мины (фугасы). Эти мины должны были состоять просто изъ деревянныхъ осмоленныхъ ящиковъ, начиненныхъ порохомъ. Не смотря на представленія Одинцова, что такого рода мины не годятся для воды, комендантъ приказалъ приготовить одну и бросить въ воду недѣли на двѣ для опыта. Приказаніе было исполнено, и къ брошенной минѣ былъ привязанъ поплавокъ, для отысканія ея. Но какой нибудь шутникъ или человѣкъ, польстившійся на казенный порохъ, укралъ мину. Однажды Одинцовъ пришелъ ко мнѣ сообщить объ этой пропажѣ и посоветоваться, что дѣлать. Мы взяли съ нимъ челнокъ и длинный багоръ, выѣхали на рѣку, на то мѣсто, гдѣ приблизительно была брошена мина, шарили по

дну во всѣхъ направленіяхъ, но мины и слѣдъ простылъ. А между тѣмъ, наавтра комендантъ назначилъ произвести опытъ взорванія мины и на этотъ очень красивый спектакль пригласилъ чуть не весь городъ. Что было дѣлать? Какъ ему сказать, что мина исчезла? Надо было схитрить. Пообщавъ своимъ гальванерамъ хорошую на водку и пироговъ, Одинцовъ посадилъ ихъ за работу, и вотъ за ночь новая мина была готова. Въ четвертомъ часу утра, чуть забрезжило солнце, мы съ нимъ выѣхали на рѣку, приладили проводники, бросили мину въ воду и благополучно вернулись домой, а на берегу оставили патруль караулить поплавокъ.

Около полудня комендантъ, съ большою свитою приглашенныхъ офицеровъ и дамъ, явился на бастіонъ, гдѣ приготовлена была гальваническая батарея. Всѣ военные очень интересовались этимъ опытомъ, и дамы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія фонтана.

Одной изъ нихъ комендантъ любезно предложилъ соединить проволоки. Едва она исполнила это, какъ изъ рѣки поднялся гигантскій столпъ воды, дыма и брызгъ, что при сильномъ солнечномъ свѣтѣ произвело красивое впечатлѣніе. Всѣ такъ и ахнули отъ восторга... кромѣ Одинцова, конечно.

— Ну, что, Иванъ Николаичъ, — обратился къ нему комендантъ, — вотъ вы со мною спорили противъ этихъ минъ, а теперь сами видите, какъ онѣ дѣйствуютъ.

— Вижу, ваше превосходительство, — угрюмо отвѣчалъ Одинцовъ.

— То-то же и есть! А вы еще спеціалистъ, гальванеръ, хе-хе-хе! Молодые люди всегда любятъ спорить съ нами, стариками, — обратился комендантъ къ окружавшимъ его. — Сколько времени эта мина лежала въ водѣ? Недѣли двѣ, кажется.

— Поменьше того, — уклончиво отвѣчалъ Одинцовъ.

— Ну, немного менѣе, немного болѣе, это разницы особой не сдѣлаетъ. Такъ вотъ, Иванъ Николаичъ, вы заготовьте теперь такихъ минъ побольше, десятка три или четыре. Въ минуту надобности мы и расположимъ ихъ въ рѣкѣ въ шахматномъ порядкѣ, понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Посмотримъ тогда, какъ пройдутъ къ намъ англичане, хе-хе-хе!

И комендантъ ушелъ со своими дамами, очень довольный успѣхомъ будущаго истребленія англичанъ подводными минами.

Въ срединѣ лѣта въ Нарву пріѣхалъ начальникъ штаба инженернаго корпуса, генералъ-лейтенантъ фонъ-Цурмиленъ, почтенный воинъ времени начала царствованія императора Николая. Вмѣстѣ съ комендантомъ и свитой офицеровъ всѣхъ родовъ ору-

жя онъ обходилъ всю крѣпость, осматривалъ ея вооруженіе, давалъ совѣты и указанія, гдѣ и что нужно еще сдѣлать. Между прочимъ, увидя на одномъ изъ бастіоновъ крѣпостныя ружья, онъ захотѣлъ посмотрѣть стрѣльбу изъ нихъ.

— Практиковались ли солдаты въ этой стрѣльбѣ? — спросилъ онъ гарнизоннаго офицера, завѣдывавшаго мѣстной командой.

— Точно такъ, ваше превосходительство! — смѣло отвѣтилъ тотъ

— Покажите мнѣ ихъ завтра, такъ — часовъ въ двѣнадцать.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Я очень удивился увѣреніямъ этого офицера, такъ какъ въ теченіе уже двухъ мѣсяцевъ, что былъ въ Нарвѣ, ни разу не слышалъ ни одного выстрѣла изъ крѣпостныхъ ружей и даже не видалъ ихъ нигдѣ. Поэтому меня очень заинтересовалъ предстоявшій смотръ стрѣльбы.

Въ назначенный часъ, на другой день, начальникъ штаба, комендантъ, плацъ-маіоръ, плацъ-адъютантъ и множество офицеровъ всѣхъ войскъ собрались на бастіонъ, съ котораго назначена была стрѣльба. Впереди бастіона, на полѣ, видны были три новенькія мишени.

— Начинайте, — приказалъ Цурмиленъ.

Первый вызванный солдатъ выстрѣлилъ; всѣ взглянули на мишень, изъ-за которой выскочилъ махальный и краснымъ флагомъ сдѣлалъ три оборота.

— Каково! — воскликнулъ Цурмиленъ: — въ третій кругъ угодила. Отлично. Ну-ка, слѣдующій...

Выстрѣлилъ другой солдатикъ. Опять у мишени выскочилъ махальный и обозначалъ пятый кругъ. Выстрѣлилъ третій солдатъ и попалъ во второй кругъ. Одинъ за однимъ они стрѣляли и одинъ лучше другаго. Я просто диву дался!

Нужно сказать, что богатые офицеры батальона Зиновьева выписали на свой счетъ для всего батальона бельгійскія ружья и каждый день, не жалѣя патроновъ, усердно обучали стрѣльбѣ ополченцевъ, но и тамъ далеко не достигли такого успѣха. А эти гарнизонныя крысы (какъ мы ихъ называли), все лѣто не сдѣлавшія ни одного выстрѣла, такъ и садили пулю за пулей около центра мишени. «Неужели изъ крѣпостныхъ ружей на столько легче стрѣлять?» — думалъ я. — «Положимъ, они держатся не на рукѣ, а лежатъ на твердой опорѣ, что очень облегчаетъ прицѣливаніе, но все-таки... Надо будетъ потомъ попробовать самому».

Начальникъ штаба былъ очень доволенъ стрѣльбой и очень благодарилъ коменданта и всю гарнизонную команду. По уходѣ начальства я отозвалъ въ сторону Одинцова.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Николаичъ, откуда тутъ явились такіе стрѣлки?

— А, ха-ха-ха! — разсмѣялся онъ. — Что, вы очень удивились?

— Еще бы.

— Пойдемте къ мишенямъ, и я вамъ покажу секретъ. Вотъ видите, въ чемъ дѣло,—говорилъ онъ мнѣ дорогою,—наша исторія съ подводной миной получила нѣкоторую огласку между офицерами. Поэтому вчера командиръ гарнизонной команды пришелъ ко мнѣ и просилъ какъ нибудь выручить его. Сначала я было думалъ отыскать нѣсколькихъ хорошихъ стрѣлковъ въ другихъ частяхъ войскъ, одѣть ихъ въ гарнизонные мундиры и представить на смотръ. Но потомъ передумалъ, такъ какъ для этого пришлось бы входить въ соглашеніе со многими лицами, изъ которыхъ кто нибудь могъ бы выдать секретъ. Я нашелъ лучшее средство. Взявши своихъ двухъ гальванеровъ съ однимъ крѣпостнымъ ружьемъ, я отправился къ мишенямъ и съ разстоянія двухъ шаговъ они разстрѣляли всѣ три мишени самымъ наилучшимъ образомъ. Вы слышали вчера выстрѣлы?

— Слышалъ. Но я думалъ, что это гарнизонные практикуются наканунѣ смотра.

— Вѣроятно, то же самое думали и Цурмиленъ съ комендантомъ, если они слышали мою стрѣльбу. Ну-съ, надѣлавши порядочное количество дыръ, я велѣлъ настрогать деревянныхъ затычекъ по величинѣ отверстій, и когда это было готово, затычки вставлены въ дыры, и мишени какъ слѣдуетъ закрашены. Затѣмъ махальщиками я поставилъ тѣхъ же двухъ своихъ гальванеровъ, такъ какъ они уже посвящены были въ секретъ. Вы понимаете теперь, что гарнизонные стрѣляли зря, а махальный при осмотрѣ мишени выталкивалъ пальцемъ одну изъ моихъ затычекъ и давалъ надлежащій знакъ флагомъ.

Тутъ я въ свою очередь расхохотался.

— Господи, какъ это просто!

— Просто-то, просто, да придумать надо было.

— Зачѣмъ же мы идемъ къ мишенямъ? Мнѣ теперь уже не зачѣмъ ихъ смотрѣть.

— Нѣтъ, пойдемте. Мнѣ любопытно узнать, попала ли хоть случайно одна гарнизонная пуля въ мишень.

Мы подошли къ мишенямъ. Два ловкіе гальванера, лукаво улыбаясь, встрѣтили насъ.

— Ну, что, ребята, хорошо стрѣляли гарнизонныя крысы?—спросилъ Одинцовъ.

— Чудесно, ваше благородіе!—улыбаясь отвѣтилъ одинъ солдатъ.

— Безъ промаха били,—поддакнулъ второй.

— Въ самомъ дѣлѣ неужели ни одна ихъ шальная пуля не попала?

— Ни одна, ваше благородіе; какъ есть—чисто.

Одинцовъ внимательно осмотрѣлъ мишень и дѣйствительно не нашелъ ни одного отверстія, кромѣ сдѣланныхъ наканунѣ имъ самимъ.

— Спасибо, други!—сказалъ онъ солдатамъ.—Вотъ вамъ по три рубля, только смотрите: никому и ни гу-гу!

— Будьте покойны, ваше благородіе. Покорнѣйше васъ благодаримъ.

Понятно, что начальникъ гарнизонной команды не зналъ, какъ и благодарить Одинцова, такъ какъ безъ этой его помощи нажилъ бы себѣ очень крупныя непріятности. По правдѣ сказать, только Одинцовъ и могъ продѣлывать подобныя штуки, и только ему одному онъ могли сходить съ рукъ. Онъ принадлежалъ къ числу очень немногихъ офицеровъ, которые умѣютъ обходиться съ солдатамъ; онъ не былъ педантомъ, говорилъ просто, толково, ничего лишняго не требовалъ, не пользовался какими либо солдатскими деньгами (что очень водилось въ то время среди начальниковъ отдѣльных частей), за всякую личную услугу платилъ и вообще обходился съ солдатами патріархально, сердечно. Случалось, и разсердится и собственноручно поучить солдата, но безъ злости, и какъ только пройдетъ горячка, то сейчасъ же чѣмъ нибудь загладитъ свою вспышку. Солдаты его и боялись и любили, вѣрили и его уму и его честности и ни въ какомъ случаѣ не выдали бы его.

По отъѣздѣ начальника штаба, комендантъ прислалъ за мною, чтобы показать новую предстоящую работу. Дѣло въ томъ, что Цурмиленъ напелъ нужнымъ построить на правомъ берегу Нарвы батарею на шесть орудій, которую, на случай взятія ея англичанами, можно было бы обстрѣливать съ бастионовъ Нарвы и изъ Иванъ-города. Для достиженія послѣдней цѣли, надо было въ Иванъ-городской стѣнѣ пробить амбразуры для пушекъ, а передъ Иванъ-городомъ скрыть нѣсколько дачъ, чтобы очистить мѣсто для выстрѣловъ.

Когда мы пріѣхали къ тому мѣсту, гдѣ предполагена была будущая батарея, я увидѣлъ пять высокихъ колевъ (вѣхъ).

— Вотъ,—сказалъ комендантъ,—тутъ должна стоять батарея. Самъ начальникъ штаба поставилъ эти вѣхи, обозначающія ея углы. Пожалуйста, немедленно приступите къ работѣ. Составьте чертежъ сегодня же и завтра утромъ покажите мнѣ. Батарея должна быть сомкнутая, барбетная¹⁾ и вся минирована.

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Всѣ эти дачи, закрывающія отсюда Иванъ-городъ, вы сроете и въ стѣнѣ пробьете двѣ амбразуры. Я потомъ самъ покажу вамъ мѣста для нихъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

¹⁾ Барбетомъ называется насыпь, дѣлаемая для того, чтобы орудіе стояло выше.

Взявъ нѣсколькихъ своихъ саперъ, я смѣрилъ разстояніе между вѣхами, углы, образованные ими, и вернулся домой, чтобы составить чертежъ. Вышла у меня какая-то нелѣпость: оказалось, что если выстроить батарею въ томъ размѣрѣ, какъ она обозначена вѣхами на мѣстѣ, то въ нее нельзя будетъ поставить не только шесть, но даже и двухъ орудій. «Не сдѣлалъ ли я ошибки при измѣреніи?»—мелькнуло у меня въ головѣ.

Въ виду спѣшности дѣла я не полѣнился и тотчасъ же поѣхалъ на тотъ берегъ проверить себя. Нѣтъ, слава Богу, промѣрено совершенно вѣрно. Тогда я понялъ, что начальникъ штаба поставилъ вѣхи только для того, чтобы обозначить направленіе фасовъ батареи, предоставляя, конечно, инженеру, расширить предѣлы насколько нужно, чтобы помѣстить шесть орудій. Однако, имѣя уже хорошее понятіе о взглядахъ коменданта, я нашелъ нужнымъ спросить его, прежде чѣмъ составлять подробный проектъ.

Являюсь къ нему и рассказываю, въ чемъ дѣло.

— Что вы, что вы?—даже испуганно закричалъ онъ.—Какое право мы имѣемъ передвигать вѣхи, поставленные собственноручно самимъ начальникомъ штаба?

— Но, ваше превосходительство, вѣдь тогда шесть орудій не помѣстятся тамъ.

— Помѣстятся, будьте покойны. Неужели вы думаете, что генералъ Цурмилень, такой опытный военный инженеръ, могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Я не считаю этого ошибкой, ваше превосходительство, а полагаю, что опредѣлить размѣры батареи онъ предоставилъ строителю...

— Онъ ничего мнѣ не говорилъ объ этомъ, а прямо приказалъ выстроить батарею по поставленнымъ вѣхамъ.

— Нельзя ли, ваше превосходительство, обождать дня три-четыре и спросить объ этомъ начальника штаба письмомъ?—попробовалъ я предложить.

Комендантъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Что вы все думаете учить меня!—крикнулъ онъ.—Дѣлайте, что вамъ приказано, и помните, что чѣмъ менѣе вы будете разсуждать, тѣмъ будетъ лучше. Ступайте!

Нечего было дѣлать, вернувшись домой, я засѣлъ за составленіе проекта. Вечеромъ засталъ меня за этой работой Одинцовъ, которому я рассказывалъ о своемъ смѣшномъ и глупомъ положеніи—составлять проектъ невозможной батареи.

— Это чепуха!—воскликнулъ онъ.—Вы, вѣроятно, не умѣете говорить съ комендантомъ и, очевидно, онъ васъ не понялъ. Подождите полъ-часа, я схожу къ нему и объяснюсь.

Черезъ часъ времени Одинцовъ вернулся обратно, хмурый и взбѣшенный такъ, какъ я его рѣдко видалъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—кричалъ онъ, швырнувъ свою фуражку и ходя по комнатѣ, какъ тигръ въ клѣткѣ.—Можно же быть такимъ педантомъ, такимъ слѣпымъ исполнителемъ приказаній!

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Да то же, что и вамъ! И слушать не хочетъ никакихъ разсужденій. Я ему доказывалъ, что если въ батарею влѣзутъ только два орудія вмѣсто шести, то вѣдь тогда приказаніе начальника штаба не будетъ выполнено, такъ какъ онъ ясно сказалъ о шести орудіяхъ. Но Ярмершtedтъ ничего не слушаетъ и только твердитъ о томъ, что начальникъ штаба собственноручно поставилъ вѣхи, и никто не имѣетъ права перемѣщать ихъ.

— Какъ же быть теперь, Иванъ Николаевичъ?

— Да какъ быть? Стройте, какъ онъ велитъ... противъ рожна не переть. Одно я вамъ посоветую: не начинайте работы, пока онъ своей подписью не утвердитъ проекта. Такъ ему и заявите завтра.

— Правда ваша.

На другое утро я отправился съ чертежами къ коменданту.

— Готово?—спросилъ онъ.

— Готово, ваше превосходительство.

— По вѣхамъ, поставленнымъ начальника штаба?

— Математически точно, ваше превосходительство.

Комендантъ осмотрѣлъ чертежи и остался ими очень доволенъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказалъ онъ совершенно ласковымъ тономъ.—Знайте, молодой человѣкъ, и крѣпко запомните навсегда, что въ военной службѣ вообще, а въ особенности во время войны, все основано только на строжайшей точности исполненія приказаній. Отъ этого зависитъ успѣхъ всякаго предпріятія. Если каждый офицеръ будетъ позволять себѣ разсужденія, то вся армія расплывется по швамъ, какъ старый, никуда негодный кафтанъ. Вчера тутъ капитанъ Одинцовъ также приходилъ ко мнѣ толковать объ этой батарее...

— Да, я знаю, ваше превосходительство.

— Удивляюсь ему, удивляюсь! — говорилъ комендантъ. — Что можетъ быть простительно еще вамъ, какъ едва сошедшему со школьной скамейки, то уже совсѣмъ непростительно старому капитану. Я былъ поставленъ въ непріятное положеніе прочесть ему нотацію о дисциплинѣ. Хотя я очень люблю и уважаю Ивана Николаевича, но все-таки не могу позволить и ему разсуждать о приказаніяхъ начальства. Вы видите: я такой же генераль-лейтенантъ, какъ и начальникъ штаба, но я развѣ разсуждаю о его приказаніяхъ? Нѣтъ! Я только исполняю ихъ въ точности. Тѣмъ болѣе не могу позволить разсуждать офицерамъ, далеко младшимъ меня и возрастомъ и чиномъ. Не правда ли?

Я молча поклонился.

— Ну, да будетъ объ этомъ. Я надѣюсь, что впередъ вы не заставите меня говорить съ вами иначе, какъ любящій отецъ говорить съ сыномъ. Ступайте же на работу и исполните ее съ успѣхомъ. Я уже отдалъ приказаніе о выдачѣ вамъ всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и инструментовъ.

Началь я строить эту чудодѣйственную батарею. Не буду рассказывать о мало интересномъ производствѣ саперныхъ работъ; довольно сказать, что недѣли черезъ двѣ батарея была готова, со всѣми минными подъ нею галлереями, и я доложилъ коменданту объ окончаніи постройки.

На другой же день онъ приказалъ пріѣхать полевой батареей, назначенной для защиты возведеннаго мною укрѣпленія. Благополучно вкатили первое орудіе; затѣмъ двинули второе... но, увы, хоботъ перваго орудія мѣшалъ вѣхать второму. Кое-какъ, приподнявъ хоботъ втораго орудія, вкатили и его. О постановкѣ третьяго—нечего было и думать, да и первыя два, при откатахъ отъ выстрѣловъ, должны были мѣшать другъ другу.

— Что же это значить? Какъ же это такъ? — горячился комендантъ.

— Вамъ докладывали, ваше превосходительство, — вмѣшался бывшій тутъ Одинцовъ, — что размѣры батареи не годятся...

— Какъ не годятся, когда самъ начальникъ штаба ставилъ вѣхи!

— Да вѣдь онъ, вѣроятно, думалъ только опредѣлить...

— Что онъ думалъ, этого никто не знаетъ и не имѣетъ права о томъ разсуждать! — перебилъ комендантъ. — Вы, вѣроятно, сами измѣнили размѣры? — обратился онъ ко мнѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Вотъ извольте взглянуть на чертежъ.

Я подаль планъ батареи, подписанный имъ самимъ. Комендантъ осмотрѣлъ его, приказалъ веревочкой смѣрить размѣры въ натурѣ—все оказалось въ порядкѣ.

— Тутъ, должно быть, произошла непостижимая ошибка, — говорилъ онъ, покачивая головою. — Ну, что же дѣлать, поставимъ только два орудія.

Но противъ этого возсталъ батарейный командиръ.

— Я не могу оставить здѣсь два орудія, тѣмъ болѣе безъ всякаго прикрытія, — сказалъ онъ.

— Какъ безъ всякаго прикрытія? — возразилъ комендантъ. — Эта батарея будетъ обстрѣливаться съ бастіоновъ крѣпости и изъ Иванъ-города.

— Это не составляетъ прикрытія, ваше превосходительство. Въ случаѣ атаки на батарею нужна будетъ пѣхота для защиты ея. А я тутъ не вижу даже простого ложемента для пѣхоты...

Комендантъ совсѣмъ смутился.

— Ну, да, хорошо,—говорилъ онъ. — Мы все это потомъ обсудимъ и устроимъ. А вы, — обратился онъ ко мнѣ, — нанесите это укрѣпленіе на общій планъ крѣпости.

Исполняя приказаніе коменданта, взялъ я топографическіе инструменты, произвелъ съемку и отправился въ инженерное управленіе начертить свою постройку на общемъ планѣ крѣпости. Отмѣриваю тамъ циркулемъ и своимъ глазамъ не вѣрю: батарея моя приходится на планѣ совсѣмъ не тамъ, гдѣ она стоитъ въ натурѣ! Что за чертовщина! Навралъ, должно быть, при съемкѣ. Взявъ снова инструменты, пошелъ еще разъ на мѣсто, произвелъ новую съемку и притомъ, для большей вѣрности, двумя разными способами. Наносу опять на планъ, и опять выходитъ то же: батарея моя ложится на старое мѣсто, но никакъ не на то, гдѣ ей быть надлежитъ.

На третій разъ позвалъ я въ помощь своего пріятеля и покровителя Одинцова. Произвели мы съ нимъ съемку сызнова, по всѣмъ правиламъ искусства, но когда прикинули на планѣ — получилось то же самое.

— Не врутъ ли инструменты? — замѣтилъ Одинцовъ. — Повѣримъ-ка сначала ихъ.

Вывѣрили всѣ инструменты, сдѣлали новую съемку, но получилось опять то же: батарея ложится на планѣ всякій разъ на одно мѣсто (значитъ, всѣ съемки произведены были вѣрно), но никакъ не туда, гдѣ ей надо быть по натурѣ.

Думали мы, думали, ничего не могли придумать. Планъ крѣпости былъ офиціальныи, утвержденный, притомъ на немъ имѣлась надпись, что весною этого года онъ былъ, по приказанію коменданта, провѣренъ съ натурою поручикомъ Алопеусомъ.

— Больше ничего не можетъ быть,—сказалъ Одинцовъ,—какъ то, что планъ не вѣренъ.

— Возможное ли это дѣло? — возразилъ я. — Какъ же можетъ быть не вѣренъ планъ крѣпости, на основаніи котораго производятся всѣ оборонительныя работы? Вѣдь это офиціальныи планъ; притомъ же, какъ видите, тутъ еще надпись о томъ, что недавно онъ былъ провѣренъ...

— Да, конечно,—сказалъ Одинцовъ,—странно было бы, еслибъ въ крѣпости у коменданта былъ ея планъ невѣрный. Невозможно это допустить. Сдѣлаемъ еще разъ съемку...

— И пригласимъ еще кого нибудь.

— Хорошо.

Мы пригласили одного инженера, произвели съемку втроемъ, но когда нанесли на планъ крѣпости, получился все тотъ же результатъ!

— Ну, теперь очевидно, планъ невѣренъ!—воскликнулъ Одиновъ.—Подождите тутъ немного, я сейчасъ доложу объ этомъ коменданту.

Комендантъ, также какъ и мы, не хотѣлъ вѣрить подобной нелѣпости и обозвалъ всѣхъ насъ троицхъ невѣждами въ азбукѣ инженернаго дѣла, сказавъ, что завтра самъ пойдетъ показать намъ, какъ дѣлаются съемки. Дѣйствительно онъ произвелъ съемку самъ, со всевозможной тщательностью, но когда началъ наносить на планъ, то у него батарея очутилась на томъ же не подлежащемъ ей мѣстѣ, какъ и у насъ.

— Позвать поручика Алопеуса!—приказалъ онъ, сильно смущенный оказавшимся фактомъ.

Черезъ полчаса Алопеусъ явился. Это былъ уже старый офицеръ, полусѣдой, полулысый, одинъ изъ тѣхъ многихъ неудачниковъ по службѣ, о существованіи которыхъ судьба какъ будто совѣмъ забываетъ.

— Вы провѣряли планъ крѣпости?—грозно спросилъ его комендантъ, указывая рукою на его подпись на планѣ.

— Виновать, ваше превосходительство... — пробормоталъ Алопеусъ, догадавшись по тону коменданта и по присутствію трехъ инженеровъ, что съ планомъ случилось что нибудь не ладное.

— Что это значитъ—виновать? То-есть вы не провѣряли его?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство... я не смѣлъ думать, чтобы въ комендантскомъ управленіи крѣпости могъ найдти ея невѣрный планъ, и потому...

— И потому,—перебилъ комендантъ,—не исполнили моего приказанія? Да вѣдь оно для чего же нибудь было отдано? Какъ вы думаете? Или, я такъ, зря, по глупости своей, отдаю приказанія? А? Вы, конечно, умѣе меня, вы разсуждаете, а старый генераль, комендантъ, не умѣетъ разсуждать! Такъ ли я долженъ понять ваше неповиновеніе?

— Ваше превосходительство...

— Безъ отговорокъ! Ни отговорокъ, ни оправданій тутъ не можетъ быть! Я долженъ буду отдать васъ подъ судъ! А пока, прямо отсюда ступайте на гауптвахту!

— Ваше превосходительство...

— Ни слова болѣе! На гауптвахту!

Несчастный Алопеусъ, убитый горемъ, повернулся и вышелъ. Комендантъ долго не могъ успокоиться отъ волненія и ходилъ по комнатѣ, то разговаривая самъ съ собою, то обращаясь къ намъ съ отрывистыми вопросами и замѣчаніями.

Онъ поручилъ провѣрку плана другимъ офицерамъ, причемъ оказалось, что старый планъ ровно ни къ чему не годился. Все на немъ было не вѣрно, не только какія нибудь мелочи, но даже цѣлыя бастіоны, размѣры, положеніе и формы которыхъ были со-

всѣмъ другіе, чѣмъ въ натурѣ. Кто и когда составлялъ этотъ планъ, я не знаю, но онъ существовалъ въ комендантскомъ управленіи, какъ неоспоримый документъ, на основаніи котораго дѣлались всѣ соображенія и расчеты по оборонѣ крѣпости!

Я навѣстилъ старика Алопеуса на гауптвахтѣ и, между прочимъ, разспрашивалъ его о планѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что хотя и виноватъ въ томъ, что не исполнилъ приказанія коменданта, но сдѣлалъ это именно въ силу тѣхъ соображеній, что не допускалъ возможности существованія въ крѣпости невѣрнаго и почти фантастическаго ея плана, отчего не сдѣлалъ повѣрки, а только подписалъ его.

— Вѣроятно, такія возможности существуютъ у насъ, въ Россіи,—замѣтилъ я,—и надо думать, что нашъ комендантъ, втеченіе своей долгой службы, встрѣчалъ подобные случаи, оттого и поручилъ вамъ сдѣлать повѣрку. Вы сдѣлали огромную ошибку, не исполнивъ его порученія.

— Да, ужъ я знаю, что виноватъ, но что прикажете дѣлать... довѣрился официальному документу... Видно, суждено мнѣ пропасть ни за грошъ...

Жаль было бѣднаго старика, имѣвшаго при томъ не малое семейство. Черезъ нѣсколько дней, когда комендантъ немного успокоился, всѣ инженерные офицеры явились къ нему просить за Алопеуса. Онъ сначала долго противился, но наконецъ его доброе сердце восторжествовало надъ служебными требованіями, и Алопеусъ отдѣлался только двухнедѣльнымъ арестомъ на гауптвахтѣ. Новый планъ былъ составленъ съ натуры и представленъ коменданту.

Помимо вооруженія самой Нарвы и Иванъ-города, комендантъ озаботился также укрѣпить устье рѣки Наровы, построивъ на обоихъ берегахъ ея батареи. Работы производилъ поручикъ Зигернъ-Корнъ, а орудіями командовалъ поручикъ Рустейко.

Въ одинъ прекрасный вечеръ съ этихъ батарей на устьѣ Наровы пришло извѣстіе, что на горизонтѣ показались три непріятельскія суда. Пошелъ переполохъ по всей Нарвѣ. Комендантъ тотчасъ же распорядился запереть всѣ крѣпостныя ворота, безъ пароля не пропускать, всѣмъ быть на своихъ мѣстахъ, зарядить орудія, зажечь фитили и т. д.

Я долженъ былъ отправиться по мѣсту своего служенія въ Иванъ-городъ, гдѣ нашелъ все начеку. На башняхъ стояли часовые, ворота были заперты. Батальонъ ополченцевъ выстроился передъ бараками, и Зиновьевъ обходилъ его, осматривая аммуницію и вооруженіе.

— Вотъ и инженеръ нашъ,—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.— Ну, какъ-то мы съ вами будемъ отсиживаться тутъ?

— Да такъ себѣ, Андрей Васильевичъ; посидимъ, покуримъ, попьемъ чайку. Что-жъ тутъ больше дѣлать, въ этомъ картонномъ укрѣпленіи?

— А если англичане придутъ и начнутъ ядрами катать?

— Будемъ отстрѣливаться... а не то, всего лучше, чтобы намъ не погибнуть отъ разрушающихся стѣнъ, какъ только появятся англичане, прикажите развернуть знамя, да съ барабаннымъ боемъ и выйдемъ, вылазкой на нихъ.

Я шутилъ, а Зиновьевъ серьезно задумался.

— А знаете ли, господа,—обратился онъ ко всѣмъ офицерамъ:—вѣдь вылазка будетъ дѣйствительно единственнымъ исходомъ; въ чистомъ полѣ мы все-таки будемъ безопаснѣе, чѣмъ тутъ.

— А разрѣшить ли вылазку комендантъ?—спросилъ кто-то.

— Вы забыли, что здѣсь—комендантомъ я!—отвѣтилъ Зиновьевъ.

Распустивъ ратниковъ по баракамъ, Зиновьевъ пригласилъ офицеровъ въ свой шатеръ на чай, во время котораго отъ коменданта прибѣжалъ вѣстовой, съ приглашеніемъ Зиновьева и меня на совѣщаніе. Комендантъ только что вернулся съ устья, куда онъ ѣздилъ для осмотра расположенія непріятеля. У него мы застали плацъ-маіора, плацъ-адъютанта и Одинцова. Они сидѣли по кресламъ, а комендантъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Что хорошаго, ваше превосходительство, на устьѣ?—спросилъ Зиновьевъ, когда мы раскланились со всѣми.

— Три судна пришли,—отвѣтилъ комендантъ.—Расположеніе ихъ показываетъ, что они думаютъ обстрѣливать наши батареи и, можетъ быть, начнутъ это раннимъ утромъ. Если имъ удастся сбить батареи, то мы будемъ совершенно открыты, возможны будутъ десантъ и осада Нарвы. Я оттого и послалъ за вами. Вотъ что, Андрей Васильевичъ...

Комендантъ взялъ Зиновьева за руку, подвелъ къ плану, разостланному на столѣ, и сдѣлалъ мнѣ головою знакъ тоже подойти.

— Вотъ что,—говорилъ онъ, указывая карандашемъ на планѣ,—въ этомъ мѣстѣ надо будетъ поставить два орудія... больше мнѣ нельзя вамъ дать. Мы поставимъ ихъ тутъ, чтобъ обстрѣливать рѣку внизъ по теченію. Вы понимаете, какъ ихъ тутъ поставить?—обратился онъ ко мнѣ.

— Понимаю, ваше превосходительство. Но только, мнѣ кажется, тутъ нельзя ихъ поставить.

— Отчего?

— Какъ разъ передъ ними находятся дачи... одна даже баварскаго консула.

— Вы ихъ сроеете... все, что есть передъ Иванъ-городомъ, все должно быть снято, чтобы не мѣшало обстрѣлу. Кстати,—обернулся онъ къ плацъ-маіору, полковнику Гнеспелиусу,—немедля увѣдомьте владѣльцевъ дачъ и жильцевъ ихъ о нашемъ рѣшеніи. Имъ бу-

детъ заключено, что слѣдуетъ, но чтобы завтра всѣ живущіе тамъ перебрались въ городъ.

Плацъ-маіоръ поклонился. Комендантъ снова обратился ко мнѣ.

— Сейчасъ, прямо отъ меня, вы пройдете къ поручику Деревнину, завѣдующему матеріальной частью,—вы знаете его?

— Знаю, ваше превосходительство.

— Спросите у него всѣ инструменты и матеріалы, какіе вамъ понадобятся, возьмите саперъ и ополченцевъ сколько нужно и завтра, пораньше утромъ, приступите къ работѣ. Все это должно быть сдѣлано въ однѣ сутки, не болѣе.

— Едва ли успѣемъ такъ скоро, ваше превосходительство.

— Надо успѣть!

— Амбразуры, надѣюсь, пробить не долго, но разобрать дома, хотя деревянные, но довольно прочные, будетъ мѣшкотно.

— Если не успѣете разобрать, то сожгите ихъ!

— Не будетъ ли опасно жечь?—вмѣшался Одинцовъ.—Вѣдь Нарова не широка: угли и даже головни можетъ перебросить на бастионы и даже въ городъ... у насъ много пороху.

Комендантъ взглянулъ на Одинцова и подумалъ немного.

— Да, вы правы,—сказалъ онъ.

— Если позволите,—продолжалъ Одинцовъ,—то я помогу. Эвальдъ займется пробивкою амбразуръ и установкою орудій въ Иванъ-городъ, а я буду разрушать дачи, а то ему одному никакъ не справиться.

— Да, да, отчего же? А у васъ все готово?

— Все рѣшительно.

— Ну, хорошо, хорошо. Такъ вотъ, господа, такъ и распорядитесь; я надѣюсь на ваше стараніе. Идите же, вамъ надо торопиться,—сказалъ онъ мнѣ.

Отъ коменданта я отправился къ поручику Деревнину. Это былъ старый служака, чуть ли не изъ писарей дослужившійся до офицерскаго чина, но такой хорошій малый, что его всѣ любили. Небольшого роста, широкоплечій, съ огромной лысой головой, всегда веселый, гостепріимный и не дуракъ выпить въ доброй компаніи. Не проходило вечера, чтобы у него не пировали то тѣ, то другіе офицеры. Такъ какъ онъ завѣдывалъ матеріальною частью и всѣмъ хозяйствомъ крѣпости, то водку ему не приходилось покупать: казенной было запасено сколько угодно, и Деревнинъ распоряжался ею, какъ собственной. Въ тѣ времена на это смотрѣли снисходительно. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ я засталъ у Деревнина цѣлую компанію пирующихъ.

— Ура!—закричалъ онъ, увидавъ меня.—Нашего полку при- было, господа! Садись сюда, душенька, и догоняй. Мы уже по седьмой прошли.

— По шестой,—замѣтилъ кто-то.

— По шестой или по седьмой, не все ли равно! Катай, душенька, поскорѣй.

Говоря это, онъ выставилъ передо мною шесть рюмокъ и налилъ ихъ водкою.

— Постойте,—сказалъ я,—какая тутъ водка, когда я къ вамъ пришелъ по дѣлу.

— Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить, а водка можетъ усохнута, ха-ха-ха! Вали!

— Да не могу, чортъ васъ возьми! Меня комендантъ послалъ къ вамъ.

— Что ему, старому, нужно? Водки? Такъ это я могу: хоть цѣлый боченокъ пошлю.

— Инструменты нужны и лѣсъ въ Иванъ-городъ.

— Городъ городить? Ха-ха-ха! Теперь-то, ночью?

— Если не ночью, то очень рано утромъ.

— Ну, тогда и приходи, а теперь пей! Можетъ быть, послѣдній разъ передъ смертью. Вспомнишь меня, какъ будешь лежать въ могилкѣ, да ау! туда ужъ Деревнинъ не принесетъ тебѣ чарочки. А теперь вотъ цѣлая шестерка передъ тобой стоитъ. Ты, душенька, присядь тутъ честнымъ манеромъ, да одну за другой и пропусти ихъ, такъ, ласточками.

— Право же не могу, голубчикъ, Иванъ Ильичъ. Завтра, съ утра, у меня спѣшная работа: надо въ одинъ день вооружить Иванъ-городъ...

— Еще что выдумалъ! Да весь Иванъ-городъ отъ одного собственнаго выстрѣла развалится. Когда я тамъ хожу, то чихнуть боюсь, а не то, чтобы... Англичане тебя не убьютъ, а что ты будешь раздавленъ стѣнами, это вѣрно. Господа!—обратился Деревнинъ къ гостямъ:—простимся съ нимъ на вѣки вѣковъ. Аминь ему! Хорошій былъ человекъ и погибъ во цвѣтъ юности! Бери, братъ, рюмку и чокайся со всѣми передъ смертью; не видать намъ тебя, какъ ушей своихъ...

Онъ такъ уморительно грустно проговорилъ эту мнѣ эпитафію, что я невольно разсмѣялся и выпилъ одну рюмку, но отъ другихъ наотрѣзъ отказался и, подтвердивъ ему, что завтра рано утромъ явлюсь къ нему съ командой за матеріалами, ушелъ.

Въ четыре часа утра, на другой день, я отпавился на матеріальный дворъ, нѣсколько опасаясь, что не найду тамъ Деревнина, и уже заранѣе рѣшилъ въ такомъ случаѣ обойтись безъ него: пригласить двухъ-трехъ офицеровъ, отворить склады и составить протоколъ. Но къ моей великой радости ничего такого не пришлось дѣлать: ворота двора были отворены, и самъ Деревнинъ уже распоряжался тамъ.

— Ай да Иванъ Ильичъ! — сказалъ я. — Вотъ ужъ не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь, да еще такимъ молодцомъ! Какими это судьбами?

— А ты что думалъ? Что Иванъ Ильичъ лыка теперь не вяжетъ, ха-ха-ха? Нѣтъ, братъ, мы не таковскіе! Въ три часа я вскочилъ и сейчасъ же пошелъ на рѣку выкупаться. Ахъ, братъ, какъ хорошо было: ужъ и плавать-то я, и нырять, и все такое: весь хмель въ рѣкѣ оставилъ, какъ рукой все сняло! А ужъ урѣзали же вчера муху, здорово! Жаль, что ты не присталъ къ нашей компаніи.

— Оборони Богъ! У меня ни отъ какого купанья хмель не проходитъ, и я въ цѣлыя сутки не оправился бы. Но, однако, некогда разговаривать. Давайте-ка мнѣ товару.

— Да тебѣ что нужно?

— Брусевъ, досокъ, ломовъ, гвоздей, топоровъ, мало ли чего еще. Эй, ребята! — крикнулъ я своимъ своимъ солдатамъ. — Идите сюда!

— Да нельзя же, братъ, такъ. Надо все записывать.

— Ну, вы и записывайте, что мы будемъ брать. Ребята! Тащи сначала вотъ эти брусья. По четыре человѣка на штуку. На доски подвое, живо! Саперы, бери ломы и гвозди, пилы прихватите, да топоры, — въ хозяйствѣ все пригодится. Вѣгомъ!

Саперы и ополченцы начали быстро поднимать на плечи бревна и доски, такъ что Иванъ Ильичъ едва успѣвалъ отмѣчать, и черезъ четверть часа длинная процессія потянулась къ Иванъ-городу. Когда послѣдніе вышли за ворота, я взялъ извозчика и, обогнавъ ихъ, поѣхалъ впередъ.

Въ Иванъ-городѣ все было уже на ногахъ. Зиновьевъ лично провѣрялъ караульные посты. Передъ Иванъ-городомъ Одинцовъ съ командою саперъ и ополченцевъ усердно разрушалъ хорошенькія дачи, въ то время, какъ жильцы ихъ еще укладывали свои пожитки на возы. Особенно жалко было смотрѣть на бесполезное разрушеніе щегольской дачи баварскаго консула.

Когда явилась моя команда съ матеріалами, я велѣлъ пробивать амбразуры ломами, но черезъ пять минутъ долженъ былъ остановить эту работу, такъ какъ при каждомъ ударѣ лома сверху сыпались куски камня и извести такой величины, что могли пришибить рабочихъ. Надо было сначала выстроить прочный блиндажъ (навѣсъ или крышу) надъ мѣстомъ будущихъ амбразуръ. Пустили въ дѣло плотниковъ и застучали топоры.

Не буду описывать здѣсь всѣхъ подробностей работы; скажу только, что къ полудню блиндажи были готовы, и когда, подъ ихъ прикрытіемъ начали снова пробивать въ стѣнѣ амбразуры, то эту работу постоянно сопровождалъ дождь камней, сыпавшихся сверху и грохотавшихъ по деревянной крышѣ.

Но такъ или иначе, а провозившись цѣлый день за этой рабо-

той, къ шести часамъ вечера мы окончили ее, и двѣ амбразуры были готовы, съ платформами для орудій.

Уходя, чтобы доложить коменданту объ исполненіи его порученія, я зашелъ на работу Одинцова и на мѣстѣ нѣсколькихъ дачъ нашелъ только однѣ жалкія развалины, груды мусора, бревенъ и досокъ.

— Экое безобразіе мы съ вами сотворили сегодня! — сказалъ онъ мнѣ, указывая на жалкіе остатки дачъ, еще утромъ такъ щеголевато глядѣвшихся въ волны Наровы. — Вы къ коменданту идете?

— Да.

— Узнайте тамъ, чѣмъ кончилось дѣло на устьѣ. Я слышалъ канонаду почти до полудня, потомъ она вдругъ прекратилась. Любопытно знать, цѣлы ли наши батареи.

— Хорошо, разузнаю, что можно. До свиданія.

Коменданта я нашелъ дома. Онъ только что вернулся съ устья, куда ѣздилъ по окончаніи канонады, и обѣдалъ; но когда ему доложили о моемъ приходѣ, то онъ пригласилъ меня въ столовую. По первому взгляду на него я увидѣлъ, что онъ чѣмъ-то очень доволенъ.

— Что скажете? — спросилъ онъ, приказавъ денщику подать мнѣ стулъ подлѣ себя.

— Амбразуры съ платформами и блиндажами готовы, ваше превосходительство, — сказалъ я, садясь. — Капитанъ Одинцовъ дачи уже снялъ и теперь занятъ уборкою мусора. Гласисъ ¹⁾ можно будетъ сдѣлать завтра.

— Прекрасно, прекрасно. Завтра утромъ я пришлю вамъ два орудія. Благодарю васъ, что сдѣлали такъ скоро.

— Ваше превосходительство были на устьѣ? — рѣшился я спросить.

— Да, да, я сейчасъ оттуда. Мы одержали маленькую побѣду. Чуть было не утопили одинъ непріятельскій фрегатъ, по крайней мѣрѣ на столько повредили его, что другой фрегатъ долженъ былъ ваять его на буксиръ и отвезти.

— А раненыхъ и убитыхъ у насъ нѣтъ?

— Есть, къ сожалѣнію; два солдата убиты и, представьте себѣ, какая странность: убиты они не непріятельскимъ снарядомъ, а винградомъ ²⁾ отъ нашей же пушки.

— Какъ же это такъ?

¹⁾ Гласисъ — покатая, отлогая насыпь, устраиваемая передъ укрѣпленіями, для того, чтобы подходящій непріятель былъ въ сферѣ выстрѣловъ.

²⁾ У прежнихъ орудій, заряжавшихся съ дула, свади была шишка, называвшаяся винградомъ и служившая для удобства маневровъ съ орудіемъ, при установкѣ его на лафетъ.

— Ядро отбило винградъ; само-то пролетѣло далѣе, никого не задѣвъ, а винградъ отскочилъ въ сторону и убилъ двухъ солдатъ.

— Это дѣйствительно странный случай. Болѣе никакого вреда не было, ваше превосходительство?

— Особеннаго ничего. Разбили два-три домика, не болѣе. Сами же англичане, должно быть, пострадали сильно, такъ какъ взятіе фрегата на буксиръ показываетъ, что онъ получилъ порядочную пробоину и, вѣроятно, долженъ будетъ уйти домой.

— Съ этимъ можно поздравить, ваше превосходительство.

— Да, да, благодарю васъ.

Старый комендантъ такъ добродушно принялъ мое поздравленіе, точно онъ самъ всадилъ въ англійскій фрегатъ то ядро, которое заставило его выйти изъ фронта.

Отъ коменданта я зашелъ къ плацъ-адъютанту, который ѣздилъ съ нимъ на устье. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: такъ какъ комендантъ думалъ, что съ моря англичане могутъ стрѣлять только во фронтъ, то наши двѣ батареи были выстроены безъ фланговъ¹⁾. Но англійскія суда, имѣвшія, какъ видно, хорошія свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ, стали именно во флангъ батареямъ. Инженерный поручикъ Зигернъ-Корнъ, строившій батареи, долженъ былъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, насыпать фланги, чтобы прикрыть батареи, что ему и удалось исполнить во время канонады.

Затѣмъ онъ передалъ мнѣ слѣдующіе два случая. Денщикъ Зигернъ-Корна такъ перепугался, что забился въ уголъ подъ образами и долго тамъ сидѣлъ. Но, наконецъ, ему сдѣлалось невыносимо страшно одному, и онъ предпочелъ пойти на батарею къ своему барину. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ отъ дома, какъ англійское ядро врѣзалось именно въ тотъ самый уголъ дома, гдѣ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ денщикъ и, разумѣется, разбило его въ дербевги! Говорите послѣ того, что не бываетъ предчувствій...

Въ селеніи на устьѣ былъ небольшой трактиръ. Хозяинъ его съ перепугу забился въ кровать, подъ перину, и все время канонады пролежалъ тамъ. А жена его, наоборотъ, пекла блины или пироги и сама подъ выстрѣлами носила ихъ на батарею угощать солдатъ! О мужественной и великодушной женщинѣ было сообщено при донесеніи, и она получила награду, не помню только какую.

Съ этими вѣстями я вернулся въ Иванъ-городъ, гдѣ Одинцовъ уже окончилъ свою разрушительную работу и сидѣлъ, вмѣстѣ со всѣми офицерами ополченія, въ шатрѣ Зиновьева. Громкое «ура» заключило мой разсказъ о подбитіи непріятельскаго фрегата, и на радостяхъ Зиновьевъ приказалъ выкатить ополченцамъ нѣсколько боченковъ водки.

¹⁾ То-есть безъ насыпей, защищающихъ отъ боковыхъ выстрѣловъ.

Недѣли черезъ двѣ изъ Петербурга были присланы награды защитникамъ Нарвы. Поручикъ Рустейко, за подбитіе фрегата, получилъ Георгіевскій крестъ. Зигернъ-Корнъ, за работы подъ огнемъ, получилъ Владимира въ петлицу. Нѣсколько георгіевскихъ крестовъ было прислано для солдатъ батареи и саперъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я уѣхалъ изъ Нарвы и... странное дѣло, съ тѣхъ поръ ни разу не встрѣтился ни съ кѣмъ изъ участниковъ этой эпопеи, кромѣ поручика Зигернъ-Корна. Онъ сообщил мнѣ, между прочимъ, что Рустейко вскорѣ по моемъ отъѣздѣ зарѣзался, подъ вліяніемъ маніи величія. Легко доставшійся Георгіевскій крестъ погубилъ его.

VI.

Мой первый литературный опытъ.—Выходъ въ отставку и поѣздка за границу.—Затруднительное положеніе.—Рѣшеніе мое поступить въ войска Гарибальди.—Неожиданная перемѣна.—Мои корреспонденціи изъ Італіи въ «С.-Петербургскія Вѣдомости».—Основаніе газеты «Голосъ».—Старикъ Очкинъ.—Мое предложеніе Очкину издавать дешевую газету.—Основаніе газеты «Очерки».—Вмѣшательство книгопродавца Кожанчикова.—Мое объясненіе съ однимъ изъ сотрудниковъ «Современника» Г. З. Елисеѣвымъ.—Обстоятельство, вынудившее меня устраниваться отъ изданія «Очерковъ».—Гибель этой газеты.

Я пробылъ въ военной службѣ недолго и въ скоромъ времени, послѣ Крымской войны, промѣнялъ мечъ на перо. Произошло это, однако, не вслѣдствіе какихъ либо серьезныхъ соображеній или расчетовъ, а совершенно случайно.

Еще бывши въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища, я посѣщалъ семейство одного моего товарища Будкина, за сестрою котораго, Прасковей Николаевной, немного ухаживалъ. Однажды, прійдя къ нимъ, я засталъ ее за чтеніемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся тогда Очкинымъ. Мы разговорились о печати, и она, между прочимъ, думая поддразнить меня, сказала:

— Вотъ зачѣмъ вы не писатель? Тогда бы я читала здѣсь ваши сочиненія.

Не помню, что я отвѣтилъ на это, но только мое самолюбіе было задѣто, и я рѣшился приготовить ей сюрпризъ. Написавъ небольшую фельетонную статью, подъ названіемъ: «Союзники у Ревеля», я отправилъ ее по почтѣ въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и ждалъ результата. Противъ моего ожиданія, статья эта была напечатана, о чемъ мнѣ объявила та же самая Прасковья Николаевна, пріятно пораженная, встрѣтивъ мою подпись въ печати. Доказавъ ей, что и я могу печататься, если захочу, я не придалъ этому случаю большаго значенія и далѣе не продолжалъ писать нѣсколько лѣтъ.

Въ 1860 году одно мое знакомое семейство провело лѣто за границей и по возвращеніи много рассказывало о тамошней жизни. Эти рассказы меня живо заинтересовали, и я рѣшился во что бы то ни стало съѣздить туда же. Но исполнить это было очень трудно, такъ какъ средствъ я никакихъ не имѣлъ, а на казенное офицерское содержаніе, не превышавшее трехсотъ рублей въ годъ, далеко не уѣдешь. Тогда я вспомнилъ о своей статьѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и рѣшился попытать счастья въ этомъ направленіи.

Собравшись съ духомъ, я поѣхалъ къ Краевскому, бывшему компаньономъ Очкина по изданію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и, объявивъ ему, что хочу ѣхать въ Италію, предложилъ свои услуги, какъ корреспондента. Такъ какъ это было въ самый разгаръ гарибальдійскаго движенія, то Краевскій очень обрадовался случаю имѣть тамъ корреспондента и охотно принялъ мое предложеніе. Но никакого матеріальнаго содѣйствія для поѣздки онъ мнѣ не оказалъ, а пообѣщалъ только платить по пяти копѣекъ за напечатанную строчку, и то при условіи, если мои письма будутъ интересны и пригодны для печати. Понятно, что такое обѣщаніе равнялось нулю, и никто на моемъ мѣстѣ на него не польстился бы. Но я былъ молодъ, желаніе побывать за границею охватило меня страстно, и я вполнѣ предался увлекшему меня желанію, нимало не думая о томъ, чѣмъ рисковалъ.

Сообщивъ о своемъ рѣшеніи отцу, я просилъ его снабдить меня на дорогу деньгами, сколько можетъ, и въ отвѣтъ получилъ отъ него семьсотъ рублей. Большую часть этихъ денегъ пришлось оставить въ С.-Петербургѣ, частью на уплату накопившихся долговъ, частью для того, чтобы сшить себѣ статское платье и бѣлье. Выѣхалъ я изъ Петербурга, въ февралѣ мѣсяцѣ, имѣя въ карманѣ всего сто пятьдесятъ рублей.

Со мною поѣхалъ одинъ пріятель дѣтства, архитекторъ Пировъ, направлявшійся во Францію, по какимъ-то семейнымъ дѣламъ.

Прокатали мы съ нимъ черезъ Берлинъ по Германіи, завернули въ Женеву, оттуда въ Ліонъ, потомъ въ Марсель, черезъ Тулонъ въ Ниццу, въ Геную и, наконецъ, добрались до Флоренціи. Тутъ мое путешествіе волей-неволей должно было прекратиться, такъ какъ у меня осталось денегъ всего пять рублей.

Пировъ, пробывъ дня два во Флоренціи, уѣхалъ въ Парижъ, и я остался совершенно одинъ въ чужой странѣ, о языкѣ которой не имѣлъ никакого понятія, а главное безъ денегъ.

Оставаться въ гостинницѣ, по дороговизнѣ, не было никакой возможности, и я первымъ дѣломъ пошелъ по городу отыскивать себѣ болѣе дешевый, удобный пріютъ.

У меня былъ съ собою какой-то гидъ, съ небольшими діалогами въ концѣ, для самыхъ необходимыхъ потребностей. Находя

на домахъ наклеенные билеты объ отдачѣ мебелированныхъ комнатъ, я заходилъ туда и при помощи гида пробовалъ кое-какъ объясняться, но, увы, совершенно безуспѣшно. И меня не понимали, и я не понималъ. Доведенный почти до отчаянія, я зашелъ еще по одному адресу и, стоя у дверей, слышалъ громкій смѣхъ многихъ голосовъ. Звонилъ, звонилъ, нѣсколько разъ, пока среди смѣха слабый звонокъ былъ разслышанъ. Дверь, наконецъ, съ шумомъ отворилась, и на меня чуть не наткнулась съ разбѣга молодая и красивая итальянка, одѣтая въ бѣлой юбкѣ и кофть и продолжавшая хохотать. Замѣтивъ совершенно незнакомое лицо, она оторопѣла и спросила посвоему: что мнѣ нужно?

Я открылъ свой гидъ и началъ ей показывать пальцами нужные мнѣ вопросы.

— Да вы не говорите ли пофранцузски? — спросила она на этомъ языкѣ.

Господи, какъ я обрадовался знакомымъ мнѣ звукамъ!

— Говорю, конечно! — быстро отвѣтилъ я. — Ради Бога помогите мнѣ тутъ объясниться.

При ея содѣйствіи я могъ, наконецъ, вступить въ переговоры и нанялъ большую угловую комнату въ три окна, съ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, при условіи, что могу платить по окончаніи мѣсяца, что для меня было важнѣе всего.

Хозяйка квартиры, небольшого роста и крайне безобразная женщина, оказалась добрейшимъ въ мірѣ существомъ; цѣлый годъ почти, что я прожилъ у нея, она ухаживала за мною самымъ предупредительнымъ образомъ, совершенно въ противность нашимъ петербургскимъ аферисткамъ, отдающимъ мебелированныя комнаты и старающимся содрать съ жильца какъ можно больше и дать ему какъ можно меньше удобствъ.

Въ комнатѣ рядомъ со мною помѣщался молодой скульпторъ Эрнесто Ардзени, со своей женой Джуліей Бини, той самой, которая отворила мнѣ дверь и помогла водвориться.

Далѣе жилъ одинъ нѣмецъ, живописецъ-копіистъ, и, наконецъ, одинъ гарибальдіецъ Джокондо.

Устроившись такимъ образомъ, я началъ каждый день ходить въ почтамтъ, справляться, нѣтъ ли на мое имя писемъ. Но прошла недѣля, дуугая, третья, а мнѣ все повторяли одно и то же, что писемъ нѣтъ.

Трудно передать, какъ меня это удивляло и огорчало. Что нѣтъ извѣстія отъ Краевского, я еще могъ допустить, по той причинѣ, что письма могли не понравиться ему или вообще не были пригодны для печати. Но вѣдь, кромѣ Краевского, я ожидалъ писемъ отъ родныхъ, знакомыхъ, и вдругъ ни отъ кого! Неужели

съ моимъ отъѣздомъ всѣ меня забыли? Но отецъ мой или мать? Не могли же и они забыть и бросить меня?!

Между тѣмъ мѣсяцъ подходилъ къ концу, и надо было подумать о томъ, какъ расчитаться съ хозяйкой. Когда человѣкъ находится въ большомъ горѣ или въ сильной радости, то у него является желаніе подѣлиться съ кѣмъ нибудь причиною своего возбужденія. Въ силу этого закона человѣческой природы, я разсказалъ гарибальдійцу Джокондо о своемъ трагическомъ положеніи, хотя и ужаснымъ еще итальянскимъ языкомъ, но онъ все-таки меня понялъ.

— Ничего синьоръ,—утѣшалъ онъ меня:—бываетъ и хуже. Хозяйка наша—женщина очень хорошая; она подождетъ и никакихъ непріятностей вамъ не сдѣлаетъ. Что касается до вашихъ опасеній за будущее, если ваши письма не будутъ печататься, то и этому горю можно пособить.

— Какъ такъ?

— А очень просто: запишитесь къ намъ въ отрядъ волонтеровъ. Вы, какъ инженерный офицеръ, можете быть очень полезны, и Гарибальди съ охотою васъ приметъ. Онъ меня знаетъ лично и немного цѣнитъ. Если хотите, я напишу ему, а не то и безъ него можете записаться: во Флоренціи есть гарибальдійскій комитетъ, собирающій волонтеровъ. Пойдемте туда.

— Но какая же мнѣ польза отъ этого будетъ?

— Небольшая, это правда, но все-таки съ голоду не умрете, до открытія военныхъ дѣйствій вы будете получать отъ комитета по одному франку въ день.

Поблагодаривъ Джокондо за добрый совѣтъ, я просилъ его, однако, обождать съ этимъ рѣшеніемъ до конца мѣсяца. Каждый день съ лихорадочнымъ волненіемъ подходилъ я къ почтамту, но постоянно продолжалъ получать одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Наступилъ, наконецъ, послѣдній день назначеннаго мною срока, и на этотъ разъ со мною отправился Джокондо. Писемъ опять таки не было, и мы пошли съ нимъ въ гарибальдійскій комитетъ.

Этотъ комитетъ собирался въ задней комнатѣ одного ресторана.

За большимъ столомъ сидѣли тамъ три гарибальдійца въ историческихъ красныхъ рубашкахъ. Передъ ними лежали книги и бумаги. Джокондо объяснилъ имъ цѣль моего прибытія, и всѣ эти герои радостно привѣтствовали меня, дружески пожимая руку. Меня тотчасъ же записали и спросили паспортъ. Но у меня его съ собой не было, и я обѣщалъ принести на другой день.

Наступила, наконецъ, роковая минута. Чтобы понять ея значеніе, нужно знать, что въ то время наше правительство относилось къ похощеніямъ Гарибальди далеко не сочувственно, какъ къ революціонеру, разрушавшему итальянскіе троны. Понятно,

что если бы я, какъ русскій офицеръ, поступилъ въ его войско, то подвергся бы, при возвращеніи на родину, строгому розыску, можетъ быть, военному суду, или долженъ былъ бы остаться навсегда за границей. Тутъ было о чемъ подумать.

Поэтому, отправляясь на другой день въ гарибальдійскій комитетъ, чтобы передать свой паспортъ, я просилъ Джокондо зайти по дорогѣ еще разъ въ почтамтъ, питая уже слабую надежду на какое нибудь спасеніе. Но... писемъ не было, и я, повѣсивъ голову, отправился за Джокондо.

Но когда мы переходили площадь della Signoria, на которой помѣщался почтамтъ, вдругъ свѣтлая мысль озарила мою голову, и я остановилъ Джокондо.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Вернемтесь еще къ почтамту!—сказалъ я, въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Зачѣмъ? Вѣдь писемъ все равно нѣтъ.

— Можетъ быть, и есть; пойдѣте скорѣе!

И, не ожидая его отвѣта, я почти побѣжалъ назадъ.

Дѣло въ томъ, что во Флоренціи письма *poste restante* выдавались изъ оконъ почтамта прямо на улицу, надъ которыми были обозначены литеры.

Я подходилъ всегда къ окну съ литерой Е, а тутъ мнѣ неожиданно пришло въ голову, что не сортируются ли мои письма подъ букву А, начальную моего имени. Подбѣжавъ къ окну съ литерой А, я спросилъ, нѣтъ ли писемъ на имя: Arcadi Ewald.

— Цѣлая куча и многія уже давно лежатъ,—отвѣтилъ мнѣ чиновникъ.—Отчего вы такъ долго не приходили?

И онъ передалъ мнѣ дѣйствительно штукъ двадцать накопившихся за мѣсяцъ писемъ. Схвативъ ихъ въ неописанномъ восторгѣ, я быстро пересмотрѣлъ конверты и прежде всего распечаталъ два или три письма отъ Краевского, въ одномъ изъ которыхъ нашелъ переводный вексель.

Ура! Краевскій мнѣ пишетъ, что статьи мои интересуютъ читателей, просить продолжать въ такомъ же родѣ и высылаетъ деньги за первое напечатанное мое письмо! Слава Богу! Я теперь спасенъ и обезпеченъ! Оказалось, что изъ-за собственной своей недогадливости я напрасно перестрадалъ такъ много, цѣлый мѣсяцъ.

Такимъ-то образомъ я вступилъ на печальный и тернистый путь русскаго журналиста...

Описывать свое пребываніе въ Италіи я здѣсь не буду, такъ какъ всѣ свои впечатлѣнія уже описывалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и надѣюсь издать ихъ когда нибудь особой книгой, а прямо перейду ко времени своего возвращенія въ С.-Петербургъ.

Вернулся я въ декабрѣ 1861 года, пробывъ за границею одиннадцать мѣсяцевъ. Краевскій и Очкинъ встрѣтили меня съ рас-

простертыми объятіями и рассказывали, что мои письма читались съ большимъ интересомъ. Вслѣдствіе этого Краевскій предложилъ мнѣ замѣнить въ «Отечественныхъ Запискахъ» Розенгейма, и я началъ тамъ писать рядъ фельетоновъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Все и ничего».

Къ 1-му января 1862 года кончился срокъ аренды «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Краевскій и Очкинъ рѣшили больше не возобновлять контракта съ Академіей Наукъ, такъ какъ Краевскій чувствовалъ себя въ силахъ и находилъ болѣе выгоднымъ предпринять частное изданіе, на собственный страхъ и рискъ. По этому поводу у него происходили совѣщанія съ главными сотрудниками и между прочимъ по поводу названія самой газеты. Изъ множества проектированныхъ названій Краевскому почему-то понравилось болѣе всѣхъ названіе «Голосъ». Я возражалъ противъ этого, говоря, что слово «Голосъ» непременно требуетъ дополненія: голосъ кого, голосъ чего, а само по себѣ не имѣетъ никакого смысла. Другіе представляли ему, что это слово дастъ большую пищу для всякаго рода остротъ и шутокъ сатирической журналистики. На это Краевскій отвѣчалъ: тѣмъ лучше; чѣмъ больше будутъ остричь и шутить надъ «Голосомъ», тѣмъ больше будутъ его рекламировать. Такъ онъ и остался при этомъ названіи.

О составѣ редакціи много нечего было заботиться, такъ какъ всѣ участвовавшіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» почти цѣликомъ перешли въ «Голосъ».

Очкинъ очень часто пріѣзжалъ къ Краевскому и присутствовалъ при совѣщаніяхъ. Я обратилъ вниманіе на то, что онъ потерялъ свою прежнюю живость, молча слушалъ, не вмѣшивался въ разговоры и вообще сидѣлъ, какъ ошпаренная курица.

Однажды я подошелъ къ нему и спросилъ у него о причинѣ такого угнетеннаго состоянія духа. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что его угнетаетъ полная бездѣятельность, послѣ многолѣтней привычки работать безъ отдыха съ утра до ночи.

— Я каждый день просыпаюсь теперь съ ужасомъ, думая о томъ, какъ убить восемнадцать часовъ времени, — говорилъ онъ мнѣ. — Иногда мысли до того начинаютъ путаться, что, кажется, я начинаю съ ума сходить. Да это и случится, если я не найду себѣ подходящаго занятія.

Мнѣ стало жаль почтеннаго старика, и я обѣщалъ ему придумать какое нибудь дѣло.

Пробовалъ я поговорить объ немъ съ Краевскимъ, не найдеть ли онъ возможность принять Очкина въ компанію по изданію «Голоса». Но Краевскій нашелъ это неудобнымъ по многимъ очень уважительнымъ причинамъ, съ которыми я совершенно согласился.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того я все-таки додумался до дѣла, пригоднаго для Очкина, и тотчасъ поѣхалъ къ нему сообщить

свой проект. Дѣло это состояло въ томъ, чтобы онъ предпринялъ изданіе небольшой и недорогой литературно-политической газеты; я доказывалъ необходимость ея существованія тѣмъ, что на такія газеты, какъ «Голосъ», могутъ подписываться только люди состоятельные, а между тѣмъ наибольшая масса читающей публики состоитъ изъ людей бѣдныхъ, которымъ каждый лишній рубль составляетъ большой расчетъ.

Выслушавъ всѣ мои доводы и доказательства, Очкинъ пришелъ въ восторгъ, не зная, какъ меня благодарить за эту мысль, и тутъ же пригласилъ быть его товарищемъ по изданію, отчего я, конечно, не отказался. Сообщили мы этотъ проектъ Краевскому. Онъ былъ противъ такого изданія, говоря, что въ маленькой газетѣ невозможно умѣстить всего потребнаго матеріала, что даже и въ «Голосѣ» онъ постоянно затрудняется недостаткомъ мѣста. Но его возраженія не поколебали Очкина, и онъ твердо рѣшился начать это предпріятіе.

Между тѣмъ, онъ долженъ былъ уѣхать на лѣто въ Парижъ и на время своего отсутствія просилъ меня готовить понемногу дѣло, т. е. подобрать составъ сотрудниковъ, составить программу изданія, сговориться съ какимъ нибудь книжнымъ магазиномъ о содержаніи конторы и прочее. По этому поводу между мною и Очкинымъ шла все лѣто дѣятельная переписка. Онъ принялъ почти безъ перемѣны составленную мною программу и изъ нѣсколькихъ предложенныхъ мною названій выбралъ «Очерки».

Отъ 20-го іюля онъ прислалъ мнѣ изъ Парижа слѣдующую коротенькую записочку:

«Посылаю вамъ прошеніе и программу, потрудитесь подписать то и другое и подайте въ цензурный комитетъ. Завтра я отправлю письмо къ Цез, Тройницкому и Потапову, съ просьбою о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Всѣ они люди мнѣ давно знакомые».

Исполнивъ это его порученіе, я, по совѣту Краевского, для устройства конторы обратился къ книжному торговцу Кожанчикову. Онъ охотно взялся за это дѣло и... погубилъ его.

Дѣло въ томъ, что Кожанчиковъ занимался торговлей не только ради одного барыша, но еще съ цѣлью пропаганды. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Елифеевымъ, Антоновичемъ и другими либералами того времени и хлопоталъ пристроить ихъ къ какому нибудь періодическому изданію. Предпринимаемое Очкинымъ изданіе представлялось ему очень подходящимъ для того случая, чѣмъ онъ и рѣшился воспользоваться, рассчитывая на безхарактерность и деликатность Очкина.

2-го сентября я получилъ отъ Очкина по городской почтѣ такого рода записку:

«Имѣю честь донести, что я благополучно возвратился въ С.-Петербургъ и готовъ приняться за наше дѣло; но прежде всего

желалъ бы узнать, въ какомъ положеніи оно находится. Не потрудитесь ли вы пожаловать ко мнѣ хоть завтра?

Я, разумѣется, поѣхалъ къ нему и передалъ подробно о всемъ, что мною сдѣлано. Онъ очень благодарилъ меня за все, но замѣтилъ, что составъ сотрудниковъ надо будетъ измѣнить.

— Вы поймете хорошо, — говорилъ онъ, — что, начиная новую газету, надо чѣмъ нибудь привлечь къ ней публику. Теперь въ большой модѣ такіе писатели, какъ Елисеѣвъ, Антоновичъ, Чернышевскій и другіе. Наша публика, въ особенности молодежь, зачитывается ими. Безъ нихъ мы будемъ только лапти плести, а съ ними, наоборотъ, можно рассчитывать на блестящій успѣхъ. Вчера вечеромъ у меня былъ Кожанчиковъ и особенно настаивалъ на этомъ, а онъ, какъ вы знаете, старый и опытный человѣкъ въ дѣлѣ изданій.

Слушая это, я вытаращилъ глаза, совершенно не понимая, что сдѣлалось съ Очкинымъ.

— Какъ это такъ, Амплій Николаичъ, — спросилъ я: — вы хотите пригласить сотрудниками Елисеѣва, Антоновича, Чернышевскаго? Да какую же газету вы хотите издавать? Нѣчто въ родѣ «Колокола»?

— Что вы, что вы? — замахалъ онъ руками.

— Какъ же иначе? Развѣ вы не знаете, какого направленія держатся эти писатели?

— Эхъ! Что тутъ направленіе! — воскликнулъ онъ. — Вѣдь и я, и вы будемъ прочитывать ихъ статьи и не пропустимъ чего нибудь опаснаго. Намъ нужны только имена ихъ, для привлеченія публики, а въ редакціонномъ отношеніи, повѣрьте, уладимся съ ними. Кожанчиковъ хорошо ихъ знаетъ и увѣрялъ меня вчера, что объ этомъ беспокоиться нечего.

— Да что Кожанчиковъ, — возразилъ я: — вѣдь не онъ будетъ издавать, а мы съ вами. Но я рѣшительно не нахожу возможнымъ какъ бы то ни было сойтись съ представителями этой партіи.

— Да вы только попробуйте поговорить съ ними; можетъ быть, и сойдетесь на чемъ нибудь. Не даромъ же говорится: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Я напишу сейчасъ Кожанчикову, чтобы онъ познакомилъ васъ съ ними. Попробуйте переговорить; вѣдь отъ этого ничего вамъ не сдѣлается худаго. Попытка — не пытка, спросъ — не бѣда.

Чтобы успокоить его, я согласился, и дня черезъ два, по моему приглашенію, сдѣланному черезъ Кожанчикова, Елисеѣвъ пріѣхалъ ко мнѣ. По первому взгляду на него, я убѣдился, что никакое соглашеніе между нами не будетъ возможно, да, вѣроятно, къ тому же убѣжденію пришелъ и Елисеѣвъ. Не желая вилать и бесполезно тянуть разговоръ, я поставилъ вопросъ прямо ребромъ.

— Вы знаете, конечно, отъ Кожанчикова о причинѣ нашего свиданія,—сказалъ я.

— Знаю и удивляюсь этому,—отвѣтилъ Елисеѣвъ.

— То-есть чему именно?

— Тому, что вы хотите сдѣлать попытку сойтись со мною.

— Я такого желанія вовсе не имѣю, г. Елисеѣвъ, вы ошибаетесь. Сегодня я говорю съ вами только по просьбѣ Очкина, который желаетъ, чтобы вы участвовали въ редакціи его газеты.

— Но Кожанчиковъ мнѣ говорилъ, что вы состоите компаньономъ Очкина?

— Да, пока. Но, я думаю, вы поймете, что если желаніе Очкина состоится, то только при условіи, что я оставлю его.

— А! Это другое дѣло...

— Иначе и быть не можетъ. Очкинъ смотритъ на это дѣло только съ коммерческой точки зрѣнія: ему все равно, кто бы ни руководилъ его газетой, какое бы направленіе она ни имѣла, лишь бы давала хорошій доходъ. Хотя онъ и старый издатель, но уже изъ того, что онъ почелъ возможнымъ соединить меня съ вами, вы можете убѣдиться, какъ онъ мало свѣдуещъ въ настоящемъ положеніи журналистики.

Легкая насмѣшливая улыбка пробѣжала по лицу Елисеѣва.

— А вы сами,—сказалъ онъ —считаете невозможнымъ сойтись со мною?

— Совершенно, какъ двумъ концамъ магнитной стрѣлки. Вы исповѣдуете разрушеніе, а я созиданіе.

— Одно безъ другого невысказано,—замѣтилъ Елисеѣвъ, нахмуривъ брови.—Нашъ храмъ обветшалъ; надо построить новый; а какъ же это сдѣлать, не разрушая стараго? Мы съ вами новаго не успѣемъ создать, это будетъ дѣломъ грядущихъ поколѣній; довольно будетъ на нашъ вѣкъ, если мы уничтожимъ ветхія развалины и подготовимъ почву для новаго зданія.

— Объ этихъ вопросахъ можно спорить безконечно,—возразилъ я,—и мы все-таки ни къ чему не придемъ. Скажу вамъ коротко: въ Европѣ есть народъ, который вѣчно создаетъ новое, никогда не разрушая ничего стараго. Это, какъ вамъ извѣстно, англичане. Изъ ихъ примѣра я вывожу, что такимъ путемъ можно идти впередъ, безъ тѣхъ скачковъ то впередъ, то назадъ, которые вѣчно совершаются у насъ, въ Россіи, не приводя ровно ни къ чему.

— Катковщина,—презрительно замѣтилъ Елисеѣвъ ¹⁾.

— Называйте, какъ хотите. Я привелъ этотъ примѣръ только къ тому, чтобы показать, какъ мало общаго между мною и вами, и какъ невозможно какое либо соглашеніе между нами. Поэтому,

¹⁾ Въ то время Катковъ усердно пропагандировалъ англійскіе порядки.

возвращаясь къ предмету нашего свиданія, прошу васъ прямо сказать: принимаете ли вы предложеніе Очкина, или нѣтъ?

Елисеѣвъ немного подумалъ.

— Это какъ же понимать его предложеніе? — сказалъ онъ, немного погодя. — Попросту сказать, мы ему нужны, какъ вывѣска, какъ рѣдкіе звѣри, которыхъ онъ будетъ показывать въ своей газетѣ, для приманки публики.

— Что-то въ этомъ родѣ, — сказалъ я, засмѣявшись такому сравненію.

Елисеѣвъ пожалъ плечами.

— Хорошо, — сказалъ онъ, вставая. — Я переговорю кое съ кѣмъ и дамъ отвѣтъ дня черезъ два. Къ вамъ, что ли, написать?

— Нѣтъ, это будетъ лишнее: напишите прямо Очкину.

— Какъ угодно. До свиданія.

Такъ мы разстались. Черезъ нѣсколько дней Очкинъ пригласилъ меня къ себѣ и съ восторгомъ объявилъ, что Елисеѣвъ изъяснилъ согласіе.

— Правда, онъ выставилъ крайне тяжелыя условія, напри-
мѣръ, чтобы я совершенно не вмѣшивался въ редакцію, ну, да это не бѣда. Зато онъ теперь въ модѣ, и я надѣюсь, что газета пойдетъ отлично. Ну, а какъ вы? сговорились съ нимъ?

— Сговорились, Амплій Николаевичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ и чудесно! А я, по правдѣ, побаивался, чтобы между вами не вышло разногласія.

— Нѣтъ, мы совершенно согласились въ томъ, что въ одной газетѣ работать не можемъ.

Очкинъ вскочилъ даже съ кресла.

— Какъ? Такъ вы оставляете меня?

— Да развѣ иначе это можетъ быть, Амплій Николаевичъ?

— Но, помилуйте, какъ же мнѣ-то теперь быть? Вѣдь вы мой компаньонъ, у насъ съ вами договоръ заключенъ, вы уже поработали надъ этимъ дѣломъ, вы даже создали его...

— Все это ничего не значить, Амплій Николаевичъ, — отвѣтилъ я: — нашъ договоръ мы разорвемъ, съ Елисеѣвымъ мы заключили новый и больше ничего.

— Нѣтъ, я съ нимъ никакихъ договоровъ заключать не буду; я не беру его въ компаньоны, а только въ сотрудники.

— Это ваше дѣло.

— Но какъ же съ вами-то? Позвольте хоть заплатить вамъ за то, что вы до сихъ поръ сдѣлали для меня...

По молодости и по глупости я отказался отъ всякаго вознагражденія, и съ тѣмъ мы разстались. Когда я рассказалъ Краевскому объ этомъ, онъ засмѣялся, покачалъ головою и сказалъ:

— Никакъ я не ожидалъ, чтобы Очкинъ подъ старость лѣтъ выкинулъ такую штуку! Вотъ увидите, что онъ за это жестоко поплатится.

Пророчество Краевского сбылось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Газета «Очерки» просуществовала не болѣе двухъ мѣсяцевъ и закрылась. Встрѣтивъ Очкина послѣ того на Невскомъ, я спросилъ его о причинѣ этого закрытія.

— Помилуйте!—воскликнулъ онъ.—Это ужасные люди! На эдакую газету они заставили меня израсходовать менѣе чѣмъ въ два мѣсяца восемнадцать тысячъ! Всего моего состоянія не хватило бы, чтобы дотянуть дѣло до конца года. Я и рѣшился лучше потерять эти восемнадцать тысячъ и сохранить остальное, что имѣю, лишь бы развязаться съ ними.

— Но, Амплій Николаевичъ, приглашая ихъ, вы рассчитывали на блистательную подписку...

— Какая тамъ подписка! Ничего не было, самые пустяки! Это просто Кожанчиковъ подвелъ меня, желая доставить имъ хорошій заработокъ.

Бѣдный старикъ долгое время не могъ опомниться отъ этого потрясенія, и я готовъ думать, что оно не мало содѣйствовало сокращенію его жизни.

VII.

Характеристика А. А. Краевского.—Моя поѣздка въ Новгородъ на открытіе памятника тысячелѣтія Россіи.—Необычайная дороговизна.—Содѣйствіе министра Головинна.—Мое неожиданное появленіе въ роли Хлестакова.—Шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ.—Объясненіе съ нимъ.—Министры Милютинъ и Червинъ.—Мое свиданіе съ шефомъ жандармовъ.

Краевскій, у котораго я работалъ въ первые годы своего журнальнаго поприща, представлялъ изъ себя типъ издателя, какихъ желательно было бы имѣть побольше. При жизни онъ имѣлъ много враговъ, которые не стѣснялись сочинять про него самыя невѣроятныя легенды, какъ, напримѣръ, о томъ, что онъ будто бы заморилъ на работѣ Бѣлинскаго. Вращаясь всю жизнь въ журнальной средѣ, я могу сказать по собственному опыту, что никакой издатель, если бы даже хотѣлъ этого злонамѣренно, не можетъ заморить на работѣ сотрудника. Тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать Краевскій, какъ человекъ просто благоразумный, умѣвшій цѣнить пользу, приносимую ему каждымъ сотрудникомъ. Всѣмъ лицамъ, работавшимъ вмѣстѣ со мною у Краевского, было далеко до Бѣлинскаго, однако я не знаю ни одного случая, чтобы Краевскій когонибудь обидѣлъ, притѣснялъ, прижималъ или требовалъ непосильной работы. Тѣмъ болѣе онъ не могъ заморить или даже держать въ черномъ тѣлѣ такого выдающагося и потому крайне выгоднаго для издателя сотрудника, какимъ былъ Бѣлинскій. Я занимаю въ литературѣ очень скромное мѣсто, но и мои неболь-

шія способности Краевскій цѣнилъ всегда, можетъ быть, болѣе, чѣмъ онѣ того заслуживали, и всегда старался дѣлать мнѣ угодное. Я никогда не забуду того восторга, съ какимъ Краевскій отнесся къ рассказамъ Генслера «Гаванскіе чиновники». Онѣ мнѣ говорилъ тогда, что въ Генслерѣ предвидитъ новаго Гоголя, и ухаживалъ за нимъ, какъ за восходящимъ свѣтиломъ литературы. Могъ ли же онѣ притѣснять Бѣлинскаго, составлявшаго, такъ сказать, казовый товаръ его изданія, главную привлекательную силу?

Теперь Краевского нѣтъ, и я думаю, настало время отнестись къ его дѣятельности болѣе безпристрастно.

Самъ Краевскій не былъ литераторомъ; онѣ никогда и ничего не писалъ въ своихъ изданіяхъ. Онѣ былъ только издатель, то есть торговецъ умственнымъ товаромъ. Этимъ его всегда укоряли его журнальные враги и поэтому называли эксплуататоромъ.

Все это совершенно вѣрно. Но издательское дѣло, какъ и всякое торговое, непременно основано на эксплуатаціи. Катковъ, напримеръ, былъ умный, ученый и талантливый писатель, но въ качествѣ издателя газеты и журнала развѣ не являлся онѣ такимъ же эксплуататоромъ, какъ Краевскій и всѣ другіе издатели? Во всякомъ случаѣ такіе издатели, какими были Катковъ, Краевскій и нѣкоторые другіе, къ сожалѣнію, очень немногіе люди образованные и гуманные, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ та орава издателей, которая появилась на сценѣ журналистики въ послѣдніе годы,—орава, состоящая изъ людей необразованныхъ, темныхъ, грубыхъ, часто не знающихъ даже русскаго языка и не умѣющихъ подписать своей фамиліи.

Другой упрекъ, который всегда кидали Краевскому въ лицо, состоялъ въ томъ, что онѣ не принадлежалъ ни къ какой партіи, не имѣлъ никакихъ твердыхъ политическихъ принциповъ и мѣнялъ направленіе своихъ изданій, какъ флюгеръ по вѣтру.

Съ этимъ я согласенъ и въ этомъ оправдывать его не буду. Но причина этого совершенно понятна: Краевскій занимался изданіями не въ цѣляхъ пропаганды какой либо политической теоріи, а единственно ради наживы. Какъ я опредѣлилъ его выше, онѣ былъ просто торговецъ умственнымъ трудомъ и выпускалъ изъ своей лавки тотъ товаръ, какой въ данную минуту больше требовался, или какой онѣ находилъ болѣе выгоднымъ сбывать. То же самое дѣлалъ и Катковъ и дѣлаетъ всякій другой издатель. Чтобы издавать журналъ ради пропаганды какой нибудь идеи, надо обладать большимъ капиталомъ и уже не разсчитывать на выгоды, а наоборотъ жертвовать убытками ради идеи.

Но вотъ что въ Краевскомъ было хорошо: онѣ никогда не носился враждебно къ тѣмъ, которые не только не соглашались съ нимъ, но даже нападали на него. Я прекратилъ у него работу тогда, когда онѣ настолько перемѣнилъ направленіе «Голоса», что

я никакъ не могъ съ нимъ согласиться. Въ другихъ изданіяхъ мнѣ случалось нападать на него, изобличать въ противорѣчіяхъ и т. п., и не смотря на это, когда я приходилъ къ нему, онъ все-таки встрѣчалъ меня привѣтливо и всегда готовъ былъ оказать всякую услугу. Такого мягкосердечія или такого всепрощающаго характера я не встрѣчалъ въ жизни ни у кого болѣе.

Краевскій пользовался большимъ уваженіемъ у многихъ высокопоставленныхъ лицъ и умѣлъ этимъ пользоваться для своихъ изданій. Вотъ случай со мною, который можетъ объяснить, что я хочу сказать.

Когда въ Новгородѣ готовились торжества по случаю открытія памятника тысячелѣтію Россіи, Краевскій хотѣлъ послать кого нибудь туда корреспондентомъ. Въ Петербургѣ носились въ это время странные слухи о томъ, что будто бы подъ памятникъ сдѣланъ подкопъ, и онъ будетъ взорванъ въ самую минуту открытія. Поэтому два-три лица, которымъ Краевскій предлагалъ ѣхать туда, отказались. Тогда онъ обратился ко мнѣ, откровенно сказавъ объ опасности, которой его напугали.

— Все это глупости, Андрей Александровичъ,—сказалъ я.

— Развѣ вы не вѣрите въ возможность подобной катастрофы?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, не вѣрю! Во-первыхъ, я жилъ въ Новгородѣ и знаю мѣсто, гдѣ ставится памятникъ; во-вторыхъ, я знаю, какъ устраиваются фундаменты подъ такія тяжести, и могу васъ увѣрить, что никакой тайный подкопъ тутъ не возможенъ.

— Такъ вы согласны поѣхать туда?

— Сдѣлайте одолженіе, сколько угодно.

Тогда онъ попросилъ меня съѣздить въ Новгородъ предварительно, чтобы собрать заранѣе необходимыя справки и составить приблизительный расчетъ о томъ, какая сумма потребуется мнѣ на расходы. Оказалось, что всѣ гостиницы и лучшіе частные дома были уже законтрактованы придворнымъ вѣдомствомъ, для помѣщенія свиты, придворныхъ и многихъ приглашенныхъ лицъ. Цѣны на квартиры возвысились до такой степени, что за крошечную каморку, въ которой едва можно было поставить кровать и столъ, требовали на время торжествъ по двадцати рублей въ сутки! Въ одномъ домѣ за помѣщеніе изъ двухъ комнатъ съ меня спросили пятьдесятъ рублей въ сутки... Извозчики за конецъ въ двугривенный не трогались съ мѣста меньше рубля.

— Мы этого дня тысячу лѣтъ ждали! — говорили мнѣ новгородцы, когда я возмущался противъ непомѣрной ихъ жадности.

Узнавъ все это, Краевскій обратился къ министру народнаго просвѣщенія, Головнину, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и просилъ его содѣйствія. Головнинъ распорядился приказать директору новгородской гимназіи, чтобы для меня было

отведено помѣщеніе въ зданіи гимназіи. Сверхъ того, содѣйствіе Головнина выразилось въ томъ, что онъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ шефу жандармовъ, а также министрамъ: военному, двора и путей сообщенія.

Въ Новгородѣ я пріѣхалъ вечеромъ и тотчасъ же направился къ зданію гимназіи, заплативъ извозчику отъ пароходной пристани за разстояніе около двухсотъ сажень два рубля. По этому образчику можно судить о другихъ цѣнахъ, существовавшихъ тогда въ Новгородѣ.

У подъѣзда гимназіи меня ждалъ сторожъ, принявшій мой чемоданъ и проводившій въ особое зданіе, оказавшееся лазаретомъ. По лѣстницѣ, устланной ковромъ, я поднялся во второй этажъ, гдѣ былъ немало изумленъ представившейся картиной: вмѣсто лазарета, съ его обычной обстановкой, я увидѣлъ двѣ большіе комнаты, вполне и хорошо меблированныхъ, со всѣми мелочами для комфортабельнаго проживанія.

— Вчера и сегодня мы много работали здѣсь, — пояснилъ мнѣ сторожъ, сладко улыбаясь. — Выносили всѣ кровати, столы и шкафы, а изъ директорской квартиры переносили вотъ эту мебель, чтобы вашему благородію было удобно и покойно. Господинъ директоръ приказалъ узнать, не угодно ли вамъ будетъ поужинать или чаю напиться, а также, когда они могутъ къ вамъ прійти.

Изумленный такимъ вниманіемъ, я просилъ передать, что сегодня ничего мнѣ не нужно, а завтра утромъ я самъ зайду къ директору, поблагодарить его за хлопоты, которыя невольно причинилъ.

На другой день я отправился къ директору и былъ встрѣченъ такъ официально и такъ торжественно, какъ встрѣчаютъ только какое нибудь высшее начальство. Всѣ воспитанники, оставшіеся въ гимназіи, были выстроены въ одномъ изъ залъ въ новыхъ мундирахъ; тутъ же присутствовали нѣкоторые наставники. Директоръ, почтительно идя около меня, предложилъ осмотрѣть всю гимназію...

Я сразу увидѣлъ изъ всего этого, что меня принимаютъ не за того, кто я есть, и что мнѣ навязываютъ, такъ сказать, роль Хлестакова. Совершенно сконфуженный, я остановился въ первой же комнатѣ и объявилъ директору, что зашелъ повидать только его лично, чтобы поблагодарить за устройство мнѣ квартиры, съ такою роскошью, въ какой я вовсе не нуждался, что я очень занятъ своими обязанностями корреспондента, долженъ ѣхать сейчасъ же съ нѣкоторыми визитами и не имѣю ни одной свободной минуты для осмотра гимназіи или чего бы то ни было.

У меня въ Новгородѣ былъ знакомый, отставной полковникъ Саханскій, который, какъ я зналъ, въ свою очередь велъ знакомство съ директоромъ гимназіи. Поэтому въ тотъ же день я поѣхалъ къ нему, объяснилъ, въ чемъ дѣло, и просилъ сообщить о моемъ

смѣшномъ положеніи, въ которое поставилъ меня директоръ. На другой день Саханскій заѣхалъ ко мнѣ и со смѣхомъ передалъ, что въ гимназіи дѣйствительно приняли меня за лицо, близкое къ министру и присланное имъ для обозрѣнія ея инкогнито. Но этого мало. Саханскій прибавилъ, что, не смотря на его разъясненія и доказательства, директоръ все-таки остался при своемъ убѣжденіи, что главная цѣль моего пріѣзда—тайная ревизія гимназіи, и что я только прикидываюсь корреспондентомъ «Голоса». Иначе онъ никакъ не могъ себѣ объяснить распоряженія министра объ отводѣ мнѣ квартиры.

Подчиняясь, однако, моему воображаемому желанію сохранить строжайшее инкогнито, директоръ болѣе не беспокоилъ меня своими заискиваніями.

Послѣ визита къ нему я отправился съ рекомендательными письмами Головнина къ другимъ министрамъ и прежде всего къ шефу жандармовъ, князю Долгорукову.

Это былъ человѣкъ средняго роста, съ нѣсколько вытянутою впередъ нижнею частью лица, съ подстриженными щеткой усами, и слегка уже сутоловатый отъ старости. Прочтя письмо Головнина, онъ вперилъ въ меня свои сѣрые глаза, какъ бы желая прочесть на самомъ днѣ моей души, и вдругъ оgoroшилъ совершенно неожиданнымъ вопросомъ:

— Кто съ вами пріѣхалъ?

— Никого, ваше сіятельство,—отвѣтилъ я.

— Извините, мнѣ извѣстно, что вы привезли съ собою одного молодого человѣка,—сказалъ онъ строго и увѣренно, не сводя съ меня своихъ пытливыхъ глазъ.

Я совершенно озадачился, про какого такого человѣка онъ можетъ говорить! Желая, вѣроятно, помочь моей памяти, онъ прибавилъ:

— Молодой, лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, обстриженный подъ гребенку.

Тутъ я вспомнилъ и понялъ, въ чемъ дѣло. На пароходѣ со мною ѣхало много петербургскихъ и новгородскихъ дворянъ. Съ однимъ изъ нихъ, фамилію котораго теперь не помню, именно такимъ, какъ его описалъ князь Долгоруковъ, я всю дорогу разговаривалъ и вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ и обѣдалъ на пароходѣ. Изъ этого агенты III отдѣленія вывели заключеніе, что молодой человѣкъ составляетъ какую-то мою принадлежность. Разумѣется, я сейчасъ же объяснилъ князю ошибку полиціи и назвалъ фамилію моего спутника. Князь подошелъ къ письменному столу и что-то отмѣтилъ карандашемъ на одномъ изъ листовъ бумаги. Тогда только онъ предложилъ мнѣ сѣсть и обратился ко мнѣ уже со всѣмъ другимъ тономъ.

— Вы желаете, конечно, вездѣ присутствовать?—спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство; для того я сюда и присланъ редакціей.

— Но вотъ въ чемъ дѣло, — замѣтилъ онъ, оглядывая меня. — Вы бороду носите: это очень будетъ неудобно. Государь не любитъ бородъ. Я бы просилъ васъ обриться.

— Это совершенно невозможно, князь: я никогда въ жизни не брился.

— Да вѣдь только на это время. Потомъ никто не мѣшаетъ вамъ отросстить ее.

— Понимаю, ваше сіятельство; но я въ этомъ отношеніи такой старовѣръ, что лучше соглашусь чтонибудь пропустить изъ зрѣлищъ, если иначе нельзя, чѣмъ обриться хоть на одинъ день.

Долгоруковъ покачалъ головой съ видомъ сожалѣнія.

— А есть ли у васъ какойнибудь мундиръ? — снова спросилъ онъ, оглядывая мой фракъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, никакого! Я отставной офицеръ.

— Но вы — дворянинъ?

— Дворянинъ, Петербургской губерніи.

— Такъ надѣвайте хоть дворянскій мундиръ.

— Это очень трудно сдѣлать, князь. Раньше я не былъ объ этомъ предупрежденъ, а теперь здѣсь, въ Новгородѣ, рѣшительно негдѣ достать мундира. Позвольте ужъ мнѣ остаться во фракѣ.

— Да мнѣ-то все равно, — замѣтилъ онъ съ досадою, — въ чемъ бы вы ни были. Но государь не любитъ ни бородъ, ни фраковъ. По крайней мѣрѣ, я буду васъ просить, не показывайтесь ему на глаза. Становитесь вездѣ такъ, чтобы онъ васъ не видѣлъ. Иначе онъ непременно спроситъ меня объ васъ, а это мнѣ будетъ не-пріятно.

— Извольте, ваше сіятельство, это я могу обѣщать.

Тогда князь вынулъ изъ коробочки свою визитную карточку и написалъ на ея оборотѣ:

«Предъявителю, г-ну А. В. Эвальдъ, чинить вездѣ свободный пропускъ».

— Вотъ, — сказалъ онъ, подавая ее мнѣ, — съ этой карточкой вы можете быть вездѣ.

— И во дворцѣ даже?

— Я сказалъ — вездѣ!

Поблагодаривъ князя за любезность, я откланялся ему и поѣхалъ къ военному министру, Милютину. Собственно говоря, имѣя въ рукахъ волшебную карточку Долгорукова, мнѣ уже не было надобности ни въ комъ; но такъ какъ у меня были письма Головинна, то я считалъ неловкимъ передъ нимъ не передать ихъ по назначенію.

Милютинъ принялъ меня очень любезно, долго и подробно разспрашивалъ о моей военной службѣ, очень интересовался дома-

пними подробностями журнальной дѣятельности и въ заключеніе сказалъ, чтобы я обращался прямо къ нему, если понадобится.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ съ улыбкою,—имѣя карточку шефа жандармовъ, вы едва ли встрѣтите во мнѣ надобность.

Точно также радушно и привѣтливо принялъ меня министръ путей сообщенія, Чевкинъ. Онъ подарилъ мнѣ брошюру, излагавшую исторію созданія памятника и нѣкоторые официальные подробности его сооружеія, затѣмъ также предложилъ, въ случаѣ чего, прямо обращаться къ нему.

Окончивъ эти визиты, я занялся своими корреспондентскими дѣлами и цѣлый день провелъ въ развѣздахъ, чтобы прослѣдить за окончивавшимися приготовленіями къ торжеству. Описывать его, конечно, здѣсь не мѣсто, такъ какъ все, что можно было о немъ сказать, было въ свое время напечатано мною въ «Голосѣ». Упомяну здѣсь только о томъ, что я тогда не могъ сказать.

Новгородское дворянство устроило балъ въ аданіи своихъ собраний. Во время этого бала военный министръ встрѣтился какъ-то со мною въ одной изъ залъ и вступилъ въ разговоръ, разспрашивая о впечатлѣніяхъ, которыя произвели на меня празднества. Разговаривая съ нимъ, я заинтересовался какимъ-то иностраннымъ орденомъ на его груди и, взявъ въ руки, перевернулъ, чтобы взглянуть на обратную сторону. Понятно, что я сдѣлалъ это въ разсѣянности, совершенно не замѣчая неловкости своего поступка. Д. А. Милютинъ ни слова мнѣ не сказалъ, но началъ улыбаться, хотя разговоръ нашъ въ эту минуту вовсе не вызывалъ улыбки. Я, наконецъ, спохватился и, сильно покраснѣвъ, началъ передъ нимъ извиняться.

— Ничего, пожалуйста, не беспокойтесь, — сказалъ онъ,—если вамъ нравится, то можете пересмотрѣть также всѣ другіе мои ордена.

Затѣмъ онъ, вѣроятно, чтобы ободрить меня, взялъ подъ руки и прошелся въ буфетную, гдѣ предложилъ выпить прохладительнаго.

Немного спустя послѣ того, я увидѣлъ сидѣвшаго въ гостинной Чевкина. Онъ подозвалъ меня и, усадивъ рядомъ, также началъ разспрашивать о томъ, что я видѣлъ.

— А какъ вамъ нравится памятникъ?—спросилъ онъ, между прочимъ.

Хотя памятникъ мнѣ вовсе не нравился, но, зная изъ брошюры, которую онъ мнѣ далъ, что онъ принималъ въ его сооружеіи дѣятельное участіе, я отвѣтилъ, что нахожу памятникъ очень хорошимъ.

— Онъ былъ далеко не такой въ проектѣ Микѣшина,—замѣтилъ Чевкинъ. — Мнѣ приходилось настаивать на очень многихъ измѣненіяхъ. Напримѣръ, въ первомъ проектѣ Микѣшина историческіе барельефы были расположены отдѣльными сценами, въ рамкахъ.

Я настоялъ на томъ, чтобы барельефъ былъ сплошной, цѣльный, такъ, чтобы всѣ историческія событія, изображенныя на немъ, шли одно за другимъ безъ перерывовъ, какъ шла сама наша исторія. Не правда ли, что моя мысль гораздо вѣрнѣе?

— Совершенно, ваше высокопревосходительство.

— Кромѣ того, мною сдѣлано много другихъ перемѣнъ. Вѣдь художники очень мало знакомы съ исторіей. Такъ и у Микѣшина, было сдѣлано много фигуръ, не имѣвшихъ никакого значенія, и, наоборотъ, пропущено много лицъ, оставившихъ глубокой слѣдъ въ исторіи. Я и на себя одного не полагался, а совѣщался съ профессорами, съ историками. Да,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—много я поработалъ надъ этимъ памятникомъ, и право, трудно сказать, кому изъ насъ больше принадлежитъ честь его созданія—Микѣшину или мнѣ.

Онъ засмѣялся при этомъ и фамиллярно похлопалъ меня по колену. Впослѣдствіи, познакомившись съ Микѣшинымъ, я передалъ ему этотъ эпизодъ, и Микѣшинъ подтвердилъ сказанное Чевкинымъ, только, понятно само собою, онъ на это внимательство администраціи въ художественное дѣло смотрѣлъ совершенно иными глазами, нежели Чевкинъ, и жаловался мнѣ, что идея его памятника совершенно испорчена сдѣланными казенными поправками.

Около часу ночи меня отыскалъ какой-то офицеръ и сказалъ, что князь Долгоруковъ желаетъ меня видѣть. Идя за нимъ, я нашелъ Долгорукова на верхней площадкѣ лѣстницы.

— Извините, что побеспокоилъ, — сказалъ онъ. — Я ухожу домой, такъ какъ очень усталъ, и мнѣ надо отдохнуть, чтобы собраться съ силами на завтра. Старость свое беретъ. Вы еще остаетесь здѣсь?

— Моя обязанность быть тутъ до конца, ваше сіятельство.

— Ну да, ну да! Я хотѣлъ вамъ только сказать, что если государь будетъ что нибудь говорить дворянамъ, то вы не посылайте о томъ корреспонденцію, не показавши ея предварительно мнѣ.

— Но, ваше сіятельство, какъ же это сдѣлать? Я отсюда отправлюсь прямо на телеграфную станцію...

Долгоруковъ подумалъ немного.

— Ну, нечего дѣлать, — сказалъ онъ, — отсюда вы прямо зайдете ко мнѣ и, если я буду спать, велите меня разбудить, но ни въ какомъ случаѣ безъ меня не телеграфируйте. Это очень важно.

Государь, уважая съ бала, дѣйствительно сказалъ дворянамъ небольшую рѣчь, которую я тутъ же записалъ, и отправился къ шефу жандармовъ. Онъ жилъ какъ разъ противъ зданія дворянскихъ собраній, такъ что мнѣ пришлось сдѣлать только нѣсколько шаговъ черезъ улицу. Но такъ какъ онъ не предупредилъ своей прислуги, то мнѣ стоило большихъ хлопотъ доставить ему рѣчь государя. Во-первыхъ, часовой у подъѣзда ни за что не хотѣлъ

мнѣ позволить звонить, такъ что во время спора съ нимъ я долженъ былъ схитрить и, незамѣтно подвигаясь къ звонку, сильно дернулъ его нѣсколько разъ, какъ только успѣлъ схватиться за ручку. Часовой схватилъ меня за руку и далъ свистокъ. Но пока успѣлъ прибѣжать ближайшій городской, швейцаръ отворилъ дверь, появившись въ ней въ одномъ бѣльѣ. Я обратился къ швейцару, объясняя ему, что князь самъ приказалъ мнѣ разбудить его по дѣлу большой важности. Швейцаръ, придерживая дверь, началъ объяснять мнѣ, въ свою очередь, что князь, вернувшись съ бала, строго приказалъ никого къ себѣ не впускать.

— Да вы грамотей?—спросилъ я.

— Грамотей.

— Такъ читайте это.

И, зажегши спичку, я сунулъ ему къ самому носу волшебную карточку Долгорукова. Она подѣйствовала, и тутъ, какъ вездѣ; швейцаръ смутился и началъ почесываться.

— Какъ же быть-то?—бормоталъ онъ въ недоумѣніи.—А вѣдь онъ настрого приказалъ никого къ себѣ не впускать...

— Да, всѣхъ, кромѣ меня. Чѣмъ терять время, лучше идите и доложите князю, что я пришелъ.

— Да я не могу къ нему идти. Надо сказать камердинеру.

— Ну, скажите тамъ кому хотите, только поскорѣе. Мнѣ тоже нѣтъ времени терять тутъ въ разговорахъ съ вами.

Дѣйствительно я страшно былъ утомленъ за цѣлыя сутки и спѣшилъ отправить депешу, чтобы также отдохнуть хоть немного, такъ какъ завтра надо было встать спозаранку. Швейцаръ впустилъ меня наконецъ и, накинувъ шинель, пошелъ будить камердинера. Съ тѣмъ опять пошли разговоры да переговоры, такъ что я совершенно началъ терять всякое терпѣніе. Наконецъ, и камердинеръ убѣдился моей настойчивостью и отправился будить князя. Я слышалъ изъ-за двери, какъ старый князь кряхтѣлъ, зѣвалъ, ворчалъ, спрашивалъ камердинера, кто пришелъ, да зачѣмъ, да почему, очевидно совершенно забывъ о данномъ мнѣ порученіи или потерявъ соображеніе отъ глубокаго сна. Мое положеніе было въ высшей степени неловкое и непріятное, но какъ же было поступить иначе?

— А-а! это вы!—сказалъ онъ, — а я понять не могъ, кто это требуетъ меня.

— Простите, ваше сіятельство, за такое безпокойство, но вы сами приказали...—началъ было я извиняться.

— Да, да, да!—перебилъ онъ меня.—Ну, что вы принесли?

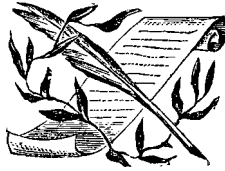
— Небольшую рѣчь государя, которую позвольте вамъ прочесть,—сказалъ я, вынимая записную книжку.

Князь кивнулъ головою и наклонилъ голову немного набокъ, прослушалъ мое чтеніе по каракулямъ, кивая головою.

- Очень хорошо,—замѣтилъ онъ, когда я кончилъ.
 - Могу я теперь телеграфировать?
 - Можете. Больше ничего особеннаго на балу не случилось?
 - Ничего, ваше сіятельство.
 - Такъ, до свиданія, покойной ночи. Вотъ-съ какова моя служба, — прибавилъ онъ, протягивая мнѣ руку, — ни днемъ, ни ночью не могу имѣть покоя.
- Отправивъ депешу, я вернулся наконецъ въ свой лазаретъ и скоро заснулъ, какъ убитый.

А. В. Эвальдъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА¹⁾.

VIII.

Типографщикъ Бокрамъ.—Рожденіе и смерть «Всемирнаго Телеграфа».—Художникъ Микѣшинъ.—Исторія съ векселями Пашкова.—Продѣлки Косача.—Новое движеніе въ обществѣ.

ВЪ 1863 ГОДУ я познакомился, не помню по какому поводу, съ типографщикомъ Бокрамомъ. Онъ содержалъ небольшую типографію съ ручными станками, помѣщавшуюся въ обыкновенной жилой квартирѣ, въ пятомъ этажѣ одного дома на Большой Московской улицѣ, близъ Владимірской церкви. Я не зналъ въ жизни нѣмца болѣе аккуратнаго, какъ этотъ Бокрамъ. Типографія его содержалась въ такой чистотѣ, что паркетные полы ея, какъ во всякой частной квартирѣ, натирались воскомъ.

Никогда я не видалъ въ ней не только грязи и пятенъ на полахъ, но даже ни малѣйшаго сору. Кто знаетъ наши типографіи, кто имѣетъ понятіе о небрежности и неряшливости наборщиковъ, мастеровъ и рабочихъ типографскихъ, тотъ согласится со мною, что типографія съ блестящими паркетными полами представляла зрѣлище вовсе не обыденное. Но это между прочимъ; дѣло не въ томъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII, стр. 43.

Бокрамъ разсказывалъ мнѣ разъ, что онъ предъ праздникомъ Рождества сдѣлалъ очень хорошую аферу; набралъ разныхъ объявленій на цѣлый печатный листъ, оттиснулъ въ количествѣ 100.000 экземпляровъ и разослалъ въ видѣ приложений при газетахъ. Это дало ему барыша около пятисотъ рублей. На основаніи этого опыта онъ предложилъ мнѣ выпускать такіе листы объявленій періодически. Мысль его мнѣ понравилась, и я задумалъ начать это дѣло въ видѣ небольшого листка, рассчитывая увеличивать его размѣры по мѣрѣ надобности. Можетъ быть, такимъ путемъ это дѣло и установилось бы. Но на грѣхъ я разсказалъ о немъ одному своему пріятелю, присяжному повѣренному Баранецкому.

Онъ увлекся этимъ предпріятіемъ, началъ доказывать, что его слѣдуетъ начинать не въ скромныхъ размѣрахъ, а наоборотъ самымъ широкимъ образомъ, то-есть не разъ въ мѣсяцъ, какъ я думалъ, а каждую недѣлю, не маленький листокъ, а большой, въ форматѣ «Голоса», наконецъ, открыть контору не у себя въ квартирѣ (я жилъ тогда въ Графскомъ переулкѣ), а на болѣе бойкомъ мѣстѣ и т. д.

— Но откуда же взять деньги?—спрашивалъ я его.

— Объ этомъ не беспокойтесь; на такое дѣло я вамъ дамъ сколько угодно.

Дѣйствительно, на другой же день онъ привезъ мнѣ тысячу рублей, а черезъ два дня еще пятьсотъ. Квартиру мы наняли въ домѣ Краевскаго, въ типографіи котораго рѣшили и печатать.

Объ этомъ дѣлѣ я совѣтовался съ Краевскимъ и Розенгеймомъ. Краевскій не сочувствовалъ ему, доказывая, что реклама у насъ далеко не такъ развита, какъ за границей, и что мы не будемъ имѣть достаточнаго матеріала.

Розенгейму это дѣло сначала очень понравилось, и онъ хотѣлъ вступить въ компанію, но отнесся къ нему нѣсколько осторожнѣе моего: онъ около мѣсяца слѣдилъ за объявленіями во всѣхъ газетахъ, отмѣчая тѣ, которыя повторяются и на которыя можно было рассчитывать для нашего изданія. Такихъ у него набралось очень немного, и потому онъ не только самъ отказался отъ дѣла, но и меня отговаривалъ начинать его. Но я, подстрекаемый Баранецкимъ, рѣшился попробовать, и вотъ мы выпустили первый номеръ большой простыни подъ названіемъ «Всемирный Телеграфъ».

Тотчасъ же по выпускѣ этого нумера Баранецкій мнѣ объявилъ, что у него денегъ больше нѣтъ, и чтобы я искалъ какогонибудь другого компаньона. Не помню, отъ кого я слышалъ, что одинъ изъ писателей (Яковлевъ), разбитый параличемъ, въ компаніи съ художникомъ Микѣшинымъ затѣваютъ дѣло, нѣсколько подходящее къ моему; они хотѣли ставить на угловыхъ домахъ доски для наклеиванія объявленій и уже хлопотали о разрѣшеніи.

Не зная ни того, ни другого, я, однако, поѣхалъ къ нимъ съ предложеніемъ: нельзя ли будетъ соединить наши предпріятія, какъ сродныя между собою. Микѣшинъ сейчасъ же согласился и заключилъ со мною контрактъ, обязуясь внести десять тысячъ. Этихъ денегъ у него въ рукахъ не было, но у него были векселя какого-то Пашкова на двадцать двѣ тысячи, и онъ не сомнѣвался въ скоромъ полученіи ихъ. Чтобы не задерживать моего дѣла, онъ занялъ тысячу рублей и передалъ мнѣ.

Но Пашковъ не платилъ своихъ векселей и скрывалъ имущество. Чтобы заставить его платить, надо было отыскать это имущество, для чего кто-то рекомендовалъ Микѣшину нѣкоего Косача, молодого кандидата правъ. Когда я пріѣхалъ однажды къ Микѣшину, онъ представилъ мнѣ этого Косача и тутъ же показалъ листъ бумаги съ нѣскольکو разъ повторенной подписью: «художникъ М. Микѣшинъ».

— Чья эта подпись?—спросилъ онъ.

— Ваша, конечно,—отвѣтилъ я.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Совершенно.

Оба они разсмѣялись, и Микѣшинъ мнѣ объявилъ, что это писалъ Косачъ, обладающій удивительнымъ талантомъ поддѣлываться подъ всякую руку.

Микѣшинъ выдавалъ Косачу довѣренность на взысканіе денегъ съ Пашкова, поэтому, когда Косачъ вышелъ, то я спросилъ Микѣшина:

— Какъ это вы рѣшаетесь дать довѣренность человѣку съ такимъ опаснымъ талантомъ? Смотрите, чтобы онъ не обманулъ васъ какъ нибудь.

— Это ничего,—отвѣтилъ Микѣшинъ. — Я не далъ ему довѣренности на полученіе денегъ, а только на розысканіе имущества Пашкова.

Но мое предчувствіе сбылось. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Микѣшина записку, начинавшуюся (какъ теперь помню) словами: «О, ужасъ!». Онъ извѣщалъ меня о своемъ полномъ разореніи и приглашалъ пріѣхать объяснить.

Дѣло оказалось въ слѣдующемъ. Получивъ довѣренность, Косачъ привезъ ее дня черезъ два къ Микѣшину разорванною и запачканною и объяснилъ, что его служанка нечаянно сронила ее со стола, вымела съ соромъ и выбросила въ грязное ведро, откуда онъ ее и вытащилъ. Поэтому онъ просилъ Микѣшина подписать новую. Тогда нотаріусовъ еще не было: довѣренности свидѣтельствовались полиціей и записывались въ книгахъ гражданской палаты. Микѣшинъ подписалъ второй экземпляръ и довѣрилъ Косачу снести его въ участокъ засвидѣтельствовать подпись. Дорогою Косачъ перемѣнилъ настоящую довѣренность на фальшивую,

дававшую ему самыя широкія полномочія. Въ участіи засвидѣтельствовали подпись Микѣшина, и Косачъ отвезъ довѣренность записать въ книги гражданской палаты. Получить ее оттуда долженъ былъ самъ Микѣшинъ и для Косача наступилъ рискованный моментъ, когда его продѣлка могла открыться. Но онъ уже успѣлъ изучить замашки Микѣшина и храбро явился вмѣстѣ съ нимъ въ палату. Какъ онъ разсчитывалъ, такъ и вышло: Микѣшинъ росписался въ книгѣ въ полученіи довѣренности и, не взглянувъ на нее, передалъ Косачу. Тому только этого и надо было. Онъ направился къ Пашкову и предложилъ ему за десять тысячъ рублей выкупить всѣ векселя на двадцать двѣ тысячи. Пашковъ немедля согласился, и Косачъ съ этими десятью тысячами удралъ за границу.

Послѣ этого разсказа Микѣшина, изданіе «Всемирнаго Телеграфа» волей-неволею пришлось прекратить.

Черезъ годъ или два, не помню, Косача, однако, поймали въ Москвѣ и привезли въ Петербургъ судить. Микѣшинъ выставилъ меня въ числѣ свидѣтелей, и потому я былъ приглашенъ для дачи показаній слѣдователю.

Оказалось, что этотъ Косачъ наказалъ не одного Микѣшина, а очень многихъ лицъ и на болѣе крупныя суммы. Это былъ своего рода Рокамболь, тѣмъ болѣе опасный, что получилъ университетское образованіе и вращался въ хорошихъ обществахъ. Вотъ одна изъ замѣчательныхъ его продѣлокъ.

Однажды, весною, онъ обѣдалъ у директора театровъ Сабурова и слышалъ, какъ одна богатая барыня говорила Сабурову, что хочетъ ѣхать на лѣто за границу, но затрудняется, на кого оставить свою квартиру. Послѣ обѣда Косачъ обратился къ Сабурову съ просьбой рекомендовать его этой барынѣ, чтобы она позволила ему жить въ своей квартирѣ, а онъ за то присмотритъ за ней. Сабуровъ очень былъ радъ сдѣлать доброе дѣло милому, молодому человѣку и оказать услугу своей почтенной знакомой. Та, въ свою очередь, положила на рекомендацію Сабурова и, поселивъ у себя Косача, уѣхала за границу.

Косачъ, прежде всего, продалъ на рынокъ всю имѣвшуюся въ квартирѣ бронзу, нанялъ щегольскую карету и подѣхалъ къ магазину бронзовыхъ издѣлій Шопена. Тамъ онъ объявилъ, что отдѣлываетъ свою квартиру, въ которой все готово, кромѣ бронзы, и проситъ прислать опытнаго приказчика, чтобы составить списокъ нужныхъ вещей. Это было исполнено, бронза привезена, разставлена и развѣшана, Косачъ далъ рублей триста задатку, а остальные просилъ обождать нѣсколько дней, на что Шопенъ охотно согласился.

Затѣмъ ту же продѣлку онъ повторилъ съ обойщикомъ, съ магазиномъ ковровыхъ издѣлій, съ мебельщикомъ и т. д.

Всѣ эти мастера, входя въ квартиру, видѣли роскошную от-
дѣлку всего и полную обстановку, кромѣ предметовъ своей спе-
ціальности, и потому поставляли нужные предметы безъ всякаго
опасенія; получали по двѣ-три сотни рублей въ задатокъ и охотно
соглашались подождать остальной уплаты нѣсколько дней. Такимъ
образомъ, онъ распродалъ все имущество хозяйки, замѣнилъ его но-
вымъ изъ магазиновъ, а потомъ разомъ продалъ все навезенное изъ
магазиновъ и, попутно съ этимъ обокравъ Микѣшина, скрылся за
границу съ нѣсколькими десятками тысячъ рублей.

Въ камерѣ слѣдователя, при мнѣ и Микѣшинѣ, произошла та-
кого рода сцена. Слѣдователь спрашиваетъ его:

— Скажите мнѣ, г. Косачъ, вотъ что: вы обокрали г-жу NN, об-
манули нѣсколькихъ мастеровъ, обманули и обокрали г. Микѣ-
шина—съ цѣлями воспользоваться ихъ деньгами и имуществомъ,
то-есть съ цѣлю наживы. Между тѣмъ есть одно дѣло, въ кото-
ромъ вы ничего не нажили, а напротивъ даже сами потратили двѣ-
сти рублей денегъ, чтобы обмануть человѣка.

— Можеть быть!—небрежно отвѣтилъ Косачъ.—О какомъ это
обманѣ вы говорите?

— Въ самый день отъѣзда вашего за границу, утромъ, вы яви-
лись къ каретнику А., купили у него карету за полторы тысячи,
дали задатку двѣсти рублей, затѣмъ поѣздили въ ней только нѣ-
сколько часовъ, до отхода заграничнаго поѣзда, и бросили карету
на произволъ судьбы. Если вамъ нужна была въ этотъ день ка-
рета, такъ не выгоднѣ ли было бы взять наемную, чѣмъ терять
на задатокъ двѣсти рублей?

— А-а! Ха-ха-ха!—разсмѣялся Косачъ.—Это была пресмѣшная
исторія,—обратился онъ ко мнѣ и къ Микѣшину.—Я воображаю, ка-
кую глупую рожу скорчилъ этотъ каретникъ, когда узналъ, что
его карета и денежки исчезли! Да развѣ вы не понимаете, — ска-
залъ онъ слѣдователю,—удовольствія надуть такого богача и сква-
лыгу, какъ этотъ каретникъ?! За это удовольствіе заплатить двѣ-
сти рублей было вовсе не дорого... тѣмъ болѣе,—цинично приба-
вилъ онъ,—что я платилъ не своими деньгами, а г. Микѣшина,
ха, ха, ха!

Косачъ не только не стыдился и не скрывалъ своихъ воров-
скихъ походовъ, но хвастался и гордился ими, какъ другіе люди
гордятся своими подвигами или созданіями своего ума или таланта.
Тутъ же, у слѣдователя, онъ рассказывалъ о многихъ своихъ по-
хожденіяхъ за границей и хвастался тѣмъ, что пересидѣлъ почти
во всѣхъ тюрьмахъ Европы! Его походы могли бы доставить
любопытный матеріалъ для романистовъ à la Понсонъ дю-Террайль,
а самъ онъ представлялъ изъ себя очень интересный субъектъ для
наблюденій психіатровъ. По совокупности многихъ преступленій
его отправили въ Сибирь, на поселеніе.

Въ краткое время изданія «Всемирнаго Тетеграфа» мнѣ случилось близко наблюдать психическую болѣзнь нашего общества того времени, извѣстную подъ именемъ нигилизма.

Однажды ко мнѣ явилась какая-то молодая барыня, съ круглыми темными очками на глазахъ, но, повидимому, молодая, бойко вошла въ кабинетъ и, усѣвшись даже безъ приглашенія въ кресло, объявила, что пришла просить у меня корректурной работы для ея брата, студента медицинской академіи.

— Отчего же вашъ братъ самъ не пришелъ?—спросилъ я.

— Да онъ боленъ теперь и потому просилъ меня зайти къ вамъ.

Случилось такъ, что мнѣ дѣйствительно былъ нуженъ корректоръ, и я далъ ей на пробу одинъ печатный листъ. На другой день она мнѣ его доставила, но корректура была сдѣлана такъ неумѣло и небрежно, что я долженъ былъ сызнова самъ все переправить. Она извинилась болѣзью брата и созналась, что корректуру читалъ не онъ, а она, но просила на первый разъ простить и не отказать въ дальнѣйшей работѣ, обѣщая впередъ постараться. Я началъ ей давать работу, за которою она являлась каждый день, но корректура не улучшалась нисколько и доставляла мнѣ много хлопотъ, а между тѣмъ у меня не хватало духу отказать ей.

Темныя очки ея меня всегда раздражали: на ея блѣдномъ лицѣ они имѣли видъ тѣхъ грошей, которые кладутся на глаза покойникамъ. Поэтому я спросилъ ее однажды:

— Развѣ вы страдаете глазами, что носите такія ужасныя очки?

— Нѣтъ, я надѣваю ихъ только для предохраненія отъ солнца.

— Но у меня тутъ, въ кабинетѣ, солнца нѣтъ, отчего же вы ихъ не снимаете?

Она засмѣялась какъ-то странно, но сняла. Безъ очковъ она оказалась очень миловидной женщиной, лѣтъ двадцати не болѣе. Въ короткое время она совершенно освоилась со мною и однажды, на мое замѣчаніе, что ея братъ не исправляется въ корректурѣ, со смѣхомъ призналась мнѣ, что у нея нѣтъ никакого брата, и что она хлопотала о работѣ для себя самой.

— Развѣ вы такъ нуждаетесь въ работѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ... я собственно не о деньгахъ хлопотала, а чтобы имѣть занятіе.

— Но позвольте мнѣ узнать, наконецъ, кто вы такая?

— Я... жена профессора N.

И она назвала мнѣ довольно извѣстную въ то время фамилію одного молодого профессора медицинской академіи.

— Извините еще за одинъ вопросъ, — сказалъ я:— вашъ мужъ знаетъ о томъ, что вы приходите ко мнѣ заниматься?

— Какое вамъ дѣло до этого?—спросила она.

— Большое дѣло: я вовсе не желаю разыграть какуюнибудь неподходящую для меня роль. Поэтому, если вы желаете продол-

жать, то я попросилъ бы васъ принести отъ него записку ко мнѣ, что онъ ничего не имѣетъ противъ вашихъ посѣщеній.

— Мой мужъ знаетъ васъ по наслышкѣ и отъ меня. Брать у него такую записку мнѣ было бы непріятно: я вѣдь человѣкъ свободный, а не раба его. Но если вы чего нибудь опасаетесь, то не будете ли такъ любезны, чтобы зайти къ намъ. И мой мужъ, и моя мать будутъ очень рады съ вами познакомиться.

Мнѣ не было никакой нужды затѣвать это знакомство, и гораздо проще было бы отказать ей въ работѣ, но меня начало занимать повѣтріе—исканіе женщинами самостоятельнаго труда, и я принялъ ея приглашеніе.

Къ сожалѣнію, когда я зашелъ къ нимъ, профессора не было дома, и я видѣлъ только мать. Къ моему великому удивленію, оказалось, что и мать ея, женщина пожилая, солидная, вполне раздѣляла взгляды дочери, и добрый часъ времени старалась поражать меня своими свободными взглядами на всевозможные предметы, въ особенности на отношенія между мужемъ и женой. Разумѣется, всѣ ея разсужденія были понадернуты изъ «Современника», и она сама путалась въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, видимо щеголяла передо мною своимъ «развитіемъ».

Успокоивъ свою совѣсть по отношенію къ уважаемому профессору, я больше не придирался, такъ сказать, къ своей корректоршѣ, и она продолжала являться ко мнѣ каждый день, около полудня, въ то время какъ я завтракалъ. Но... чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Немного погодя, моя профессорша стала являться ко мнѣ не одна, а съ какими-то подругами, то съ одной, то съ другой, то съ двумя или тремя разомъ. Всѣ эти подруги ея были барыни или барышни очень бойкія и нецеремонныя; онѣ завтракали у меня съ тою свободою, какая допускается только въ трактирѣ, сами требовали иногда то пива, то вина, садились играть за рояль, танцевали подъ музыку, бѣгали по комнатамъ, дурачились, рассказывали очень непотные анекдоты, однимъ словомъ превращали мою квартиру во что-то совсѣмъ несообразное. Никакихъ моихъ намековъ, иногда очень даже не тонкихъ, онѣ не понимали или не хотѣли понимать. Сама же корректорша не только не улучшала своей работы, но стала относиться къ ней уже черезчуръ небрежно. Такъ однажды она мнѣ не доставила къ 12 часамъ ночи работу, и я долженъ былъ изъ-за нея просидѣть чуть не до утра за корректуру, чтобы не задержать типографіи. Явившись на другой день опять съ компаніей подругъ, она очень развязно извинилась, что не прислала своей работы, такъ какъ была въ театрѣ.

Это уже переполнило чашу моего терпѣнія, и я объявилъ ей, что работа ея передана другому лицу.

Года черезъ два я встрѣтилъ ее на Садовой улицѣ, около Кокушкина моста. Она очень обрадовалась, увидя меня, объявила, что

уже давно бросила мужа, чтобы жить самостоятельнымъ трудомъ, а не быть простою самкою, и просила меня сейчасъ же заглянуть къ ней, такъ какъ это было не далеко. Черезъ кухню она ввела меня въ небольшую комнату, попросила немного обождать, а сама исчезла въ слѣдующую дверь. Въ ожиданіи ея возвращенія, я закурилъ папироску и началъ осматриваться. Въ этой комнатѣ, избравшей, повидимому, гостиную, былъ одинъ ломберный столъ, два стула, кушетка и кухонный столъ, съ рѣшеткой внизу. Стѣны голыя, на окнахъ ни занавѣсей, ни сторъ. За рѣшеткой въ кухонномъ столѣ топтался изъ угла въ уголь несчастный воронъ. На кушеткѣ было брошено студенческое пальто. Въ слѣдующей комнатѣ я слышалъ глухой говоръ: она кого-то и о чемъ-то упрасивала, а грубый мужской голосъ отвѣчалъ ей: оставь, не хочу, не пойду.

— До свиданія, — крикнулъ я громко, — мнѣ некогда у васъ сидѣть, я уйду.

Она выбѣжала ко мнѣ, извинялась за такой пріемъ, просила зайти когданибудь еще разъ и сильно краснѣла. Мнѣ было и жалко ее и... противно. Конечно, приглашая меня зайти, она, вѣроятно, не знала, что у нея сидитъ домашній другъ...

Съ тѣхъ поръ я потерялъ ея слѣды совсѣмъ.

Въ другой разъ ко мнѣ явилась совсѣмъ молодая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, семнадцати, красивая брюнетка, съ влажными и горящими черными глазами и также просила какойнибудь работы. На мой вопросъ—кто она такая, она назвалась дочерью одного генерала, котораго я зналъ, какъ человѣка состоятельнаго и занимающаго довольно видный постъ.

— Какая вамъ охота искать работы, когда вы ни въ чемъ не нуждаетесь? — спросилъ я.

— Ахъ, помилуйте! — возразила она. — Да развѣ это возможно, жить паразитомъ, ничего не дѣлать, когда весь міръ работаетъ!

— Вы можете найти работу у себя дома, — сказалъ я. — Помогите отцу въ его трудахъ, или матери по хозяйству. Можетъ быть, у васъ есть младшіе братья или сестры, займитесь ихъ воспитаніемъ.

— Да это все не то! Я хочу жить самостоятельнымъ трудомъ!

— Мнѣ кажется, всякій трудъ самостоятельный. Женщинѣ всего приличнѣе работать около своего дома.

— Ахъ, Боже мой! И вы также старовѣръ, требуете, чтобы мы были только самками, да штопали вамъ носки! А мнѣ говорили, что вы человѣкъ прогресса, что вы сочувствуете движенію впередъ, что вы врагъ рутины, что вы понимаете женщинъ...

— Все это, что говорили вамъ про меня, совершенно вѣрно, но это ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что вы желаете. Вы дочь богатыхъ родителей, не довольствуетесь тѣмъ, что имѣете, и хотите

отнимать кусокъ хлѣба у тѣхъ, которые въ немъ нуждаются. Развѣ это хорошо? Зачѣмъ я буду давать работу вамъ, когда этой работой я могу утолить чей нибудь голодъ?

Этотъ аргументъ сбиль ее съ толку.

— Какъ же это? Такъ неужели, кто имѣетъ средства, тотъ долженъ ничего не дѣлать?

— Нѣтъ, онъ долженъ работать, это несомнѣнно, но онъ долженъ избирать для себя такую работу, чтобы не отнимать хлѣба у голодныхъ.

Я не буду передавать далѣе нашего продолжительнаго разговора на эту тему, такъ какъ все, что мы съ ней говорили, съ небольшими варіаціями, говорилось тогда во всѣхъ обществахъ и печаталось во множествѣ повѣстей и романовъ, такъ что, я думаю, изрядно набило всѣмъ оскомину. Но меня поразила въ этой дѣвушкѣ необычайная страстность, съ которою она со мною бесѣдовала, такая страстность, которую очень трудно было относить насчетъ цѣли ея посѣщенія.

Между тѣмъ, она видѣла меня всего первый разъ, и я никогда не считалъ себя человѣкомъ особенно привлекательнымъ для женщинъ, такъ что трудно было бы допустить мысль, что она съ перваго же взгляда вспылала любовью къ моей персонѣ. Желая глубже позондировать ее, я выдумалъ сказать ей слѣдующее:

— Не теперь, но черезъ нѣсколько времени мнѣ понадобится помощникъ, но только я не знаю, на сколько это будетъ удобно для васъ...

— Что такое?—съ жадностью спросила она, придвинувшись ко мнѣ (мы сидѣли рядомъ, на диванѣ).

— Мнѣ придется проѣхаться довольно далеко, и понадобится для этого секретарь.

— Такъ вотъ и возьмите меня съ собой!—воскликнула она.

— Это очень трудно сдѣлать: намъ придется останавливаться въ гостинницахъ, иногда на постоянныхъ дворахъ, гдѣ не всегда найдешь лишнюю комнату для васъ.

— Зачѣмъ же для меня лишнюю комнату?

— Какъ же иначе? Вѣдь неудобно же будетъ намъ съ вами спать въ одной комнатѣ?

— Отчего? Повѣрьте, я васъ нисколько не стѣсню.

— Но что скажутъ объ этомъ ваши родные и знакомые?

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула она. — Развѣ можно теперь обращать вниманіе на то, что будутъ говорить старыя, выжившіе изъ ума идіоты?

Я потому подчеркнулъ слово «теперь», что она сдѣлала на немъ сильное удареніе. Да, тогда именно было такое время, когда слово «теперь» играло самую выдающуюся роль: «теперь» все сдѣлалось не то, что было; «теперь» съ прошлою историческою жизнью все

было покончено, и началась совершенно новая жизнь; что было истинною вчера, то «теперь» оказалось грубымъ заблужденіемъ. Если вчера еще молодая дѣвушка болѣе всего дорожила своею скромностью, то «теперь» она смѣло является съ улицы къ первому попавшемуся молодому человѣку (мнѣ тогда было тридцать лѣтъ) и сама предлагаетъ ему жить съ нею въ одной комнатѣ, потому что «теперь» весь міръ переродился, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и все пошло наыворотъ...

Совершенно пораженный ея, ничѣмъ не смущаемой, рѣшительностью, я спросилъ у нея адресъ и обѣщалъ увѣдомить, если ея услуги мнѣ понадобятся. Разумѣется, я не далъ ей о себѣ никакихъ извѣстій.

Это женское движеніе къ какой-то невѣдомой, новой жизни, съ какимъ-то «самостоятельнымъ» трудомъ, началось гораздо ранѣе, приблизительно около 1860 года.

По крайней мѣрѣ, когда я собирался ѣхать за границу, въ началѣ 1861 года, то уже наткнулся на случай, совершенно тождественный съ только что рассказаннымъ.

Въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ одинъ гвардейскій адъютантъ, молодой человѣкъ, очень красивый собою, женатый на замѣчательной красавицѣ. Это была стройная, изящная блондинка, съ роскошными золотистыми волосами и выразительными голубыми глазами. Красота ея была въ полномъ смыслѣ слова—ослѣпительная; по крайней мѣрѣ гдѣ она ни появлялась, въ театрѣ ли, въ собраніи,—вездѣ обращала на себя вниманіе толпы до такой степени, что чрезъ это иногда бывало непріятно съ нею показываться. Нечего и говорить, что она всегда была окружена толпою страстныхъ вздыхателей и поклонниковъ.

Я, однако, не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ, хотя и любовался ею, какъ прекрасною картиною. На меня она также не обращала никакого вниманія, и мы находились съ нею въ самыхъ обыденныхъ отношеніяхъ добрыхъ знакомыхъ, и болѣе ничего.

Но когда она узнала, что я уѣзжаю за границу, именно въ Италію, которая въ то время кипѣла жизнью своего возрожденія, то совершенно неожиданно для меня стала интересоваться мною и моимъ предпріятіемъ. Чуть не каждый день приглашала меня къ себѣ всегда въ такое время, когда у нея никого не бывало, разспрашивала меня о моихъ планахъ, предположеніяхъ и надеждахъ и, въ концѣ концовъ, высказала просьбу, чтобы я взялъ ее съ собою!

— Какъ я могу васъ взять съ собою?—спрашивалъ я.—Во-первыхъ, у меня средствъ на это нѣтъ, такъ какъ я не знаю, какъ

самъ туда доѣду и чѣмъ буду существовать; во-вторыхъ, это будетъ имѣть видъ похищенія мною чужой жены, а вы сами согласитесь, что я тутъ не причемъ.

Она мнѣ отвѣчала, что все это пустяки, и какъ нибудь устроится: на проѣздъ она достанетъ себѣ денегъ, а тамъ, въ Италиі, будетъ работать, хотя бы ей пришлось стирать мое бѣлье. Что касается до мужа, то они уже давно другъ друга не любятъ, онъ занятъ своими любовными интрижками (это я зналъ) и очень будетъ радъ освободиться отъ жены.

— Я здѣсь скучаю, невыразимо скучаю!—говорила она мнѣ.— Вы развѣ не видите, какую пустую и безотрадную жизнь мы, женщины, здѣсь ведемъ? Всѣ эти поклонники съ одной стороны, а завистницы—съ другой, своею пошлостью доводятъ меня до тошноты! Мнѣ жизни хочется, но не этой выѣздной и показной, а настоящей жизни, съ ея трудами, борьбою, опасностями, чтобы все кипѣло и горѣло кругомъ меня!

Сказать короче, она такъ меня убѣдила, что я подъ конецъ сдался и предоставилъ ей дѣлать, какъ она хочетъ. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы не выручилъ меня простой случай: она сильно захворала, а во время ея болѣзни я уѣхалъ, такъ какъ не могъ отложить своей поѣздки.

Это было горячее и оживленное время, крайне интересное по своей жизненности и общему одушевленію. Къ сожалѣнію, во всемъ этомъ движеніи, охватившемъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, болѣе всего было фальши. Была ли эта фальшь завѣдомая, или это былъ невольный самообманъ, трудно угадать, но только мнѣ на каждомъ шагѣ приходилось разочаровываться.

IX.

Встрѣча съ П. Г. фонъ-Дервизомъ.—Начало его богатства.—Предложеніе его издавать газету.—Бесѣда съ министромъ финансовъ Рейтерномъ.—Печальный конецъ газеты.

Въ 1860 году я слушалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба, а жилъ на углу Фонтанки и Большой Подъяческой, съ семействомъ моей младшей сестры, бывшей замужемъ за Келеромъ, съ которымъ мы вмѣстѣ росли въ Гатчинѣ. Противъ насъ, въ домѣ Гетте, жилъ Павелъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, старшій сынъ бывшаго директора гатчинскаго института, котораго, слѣдовательно, я также хорошо зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Я съ нимъ не видѣлся съ самаго отъѣзда своего изъ Гатчины и слыхалъ только, что, окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, онъ служилъ сначала въ сенатѣ, а потомъ былъ правителемъ канцеляріи военнаго министерства.

Однажды, возвращаясь изъ академіи домой, я встрѣтился съ фонъ-Дервизомъ на улицѣ. Онъ очень обрадовался, увидя меня, съ участіемъ разспрашивалъ, что я дѣлаю, какъ поживаю и т. д., и, между прочимъ, вдругъ спросилъ меня: не могу ли я рекомендовать ему человѣка, умѣющаго хорошо считать?

— Какъ разъ могу, и думаю, что очень удобнаго для васъ.

— Кого же это?

— Да моего зятя Келера: онъ живетъ прямо противъ васъ, служить въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и, кромѣ того, даетъ частные уроки математики, въ которую влюбленъ не менѣе, чѣмъ въ свою жену.

— Такъ попросите его прійти ко мнѣ сегодня же, я надѣюсь, что мы съ нимъ сойдемся.

— Очень радъ буду услужить и вамъ, и ему.

Келеръ въ тотъ же день направился къ фонъ-Дервизу и воротясь рассказалъ, что онъ участвуетъ въ компаніи по постройкѣ Московско-Рязанской желѣзной дороги и пригласилъ Келера помогать ему въ составленіи всякихъ расчетовъ. Работы эти продолжались мѣсяца два или три, въ теченіе которыхъ фонъ-Дервизъ очень полюбилъ Келера и, отправляясь въ Москву, уже для производства работъ, приглашалъ Келера бросить казенную службу и принять мѣсто въ правленіи Московско-Рязанской дороги.

Нужно замѣтить, что въ то время о желѣзныхъ дорогахъ существовали у насъ очень смутныя понятія или, вѣрнѣе сказать, никакихъ понятій объ нихъ не было; поэтому не мудрено, что предложеніе фонъ-Дервиза не особенно обрадовало Келера. Бывшій грандіозный крахъ французской компаніи не былъ способенъ возбудить довѣріе къ желѣзнымъ дорогамъ, и потому Келеръ долго не рѣшался промѣнять вѣрное казенное мѣсто, хотя и съ ничтожнымъ окладомъ (онъ получалъ всего 47 рублей въ мѣсяцъ), на болѣе выгодную, но рискованную службу въ частномъ обществѣ (фонъ-Дервизъ предлагалъ ему 4,000 р. въ годъ). Мы съ нимъ нѣсколько дней спорили и толковали по этому поводу, пока, наконецъ, не выработали такого рода комбинацію: Келеръ возьметъ четырехмѣсячный отпускъ и поѣдетъ въ Москву, а сестра съ дѣтьми останется со мною въ Петербургѣ. Если Келеръ убѣдится на мѣстѣ, что дѣло фонъ-Дервиза прочно, и увѣдомить объ этомъ, то подаетъ въ отставку, и я привезу въ Москву его семью; если же будетъ наоборотъ, то онъ вернется на службу.

Мѣсяца черезъ два я получилъ отъ Келера восторженное письмо объ его новой дѣятельности, деньги на перевозку его семьи и горячій совѣтъ мнѣ также бросить военную службу и поступить къ фонъ-Дервизу. Семью-то я къ нему повезъ, но отъ службы у фонъ-Дервиза рѣшилъ отказаться, мечтая еще въ то время о другой карьерѣ.

Зайдя какъ-то къ Келеру, въ правленіе Рязанской дороги, я долженъ былъ пройти черезъ переднюю, въ которой толпилось нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ его лицезрѣнія. Одинъ изъ нихъ, разслушавъ, что я сказалъ сторожу: «доложите, что братъ пришелъ», подскочилъ ко мнѣ и съ низкими поклонами просилъ уговорить Келера поскорѣе его принять. Это былъ еврей, довольно еще молодой, бойкій и вертлявый.

— Какъ объ васъ сказать?—спросилъ я его.

— Поляковъ, Самуилъ Соломоновичъ. Они меня знаютъ, вы только скажите.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.

Войдя въ кабинетъ Келера, я передалъ ему просьбу Полякова.

— Другіе тутъ раньше его пришли, и я еще не могу его принять,—отвѣтилъ Келеръ.

Это былъ тотъ самый Поляковъ, который въ скоромъ времени послѣ того сдѣлался въ своемъ родѣ знаменитостью.

Слѣдующій 1861 годъ я провелъ за границей и по возвращеніи оттуда съѣздили въ Москву навѣстить Келера. На вопросъ мой: какъ онъ себя чувствуетъ теперь, Келеръ отозвался, что все было бы хорошо, если бы не крайне тяжелый и капризный характеръ фонъ-Дервиза.

— Повѣришь ли,—говорилъ онъ мнѣ,—что, идя къ нему, никогда не угадаешь, какъ онъ тебя встрѣтитъ или проводить. Иной разъ безъ всякой причины необыкновенно ласковъ, добръ, внимателенъ и любезенъ; въ другой же разъ, и также безъ всякой видимой причины, грубъ, дерзокъ и нахаленъ до такой степени, что едва возможно переносить такое обращеніе! Надняхъ, какъ-то, онъ меня прямо назвалъ дуракомъ, и я едва удержался, чтобы не ударить его за это!

— Удивляюсь тебѣ... и не узнаю тебя.

— Да, братъ, когда заведешься семьей, такъ многое перенесешь въ жизни, что прежде казалось невозможнымъ...

— Но все-таки выслушать дурака... За что же это онъ тебя такъ?

— А видишь ли, въ чемъ дѣло: поручила мнѣ компанія произвести отчужденіе земель подъ дорогу, назначивъ для этого максимумъ платы за десятину. Ѣздили я по помѣщикамъ, торговался, хитрилъ съ ними, кого запугивалъ, кого умасливалъ, однимъ словомъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы выкупить землю какъ можно дешевле, такъ что въ общемъ итогъ приобрѣлъ ее за четверть цѣны, назначенной мнѣ обществомъ.

Привожу всѣ счета Павлу Григорьевичу и высказываю ему надежду, что мнѣ, вѣроятно, что нибудь удѣлятъ въ награду за такое усердіе. Можешь себѣ представить мое удивленіе, когда вмѣсто благодарности онъ насупился и раскричался на меня.

— Чортъ васъ дернулъ такъ торговаться,—кричалъ онъ.—Вѣдь мы вамъ назначили цѣну! Я нарочно далъ вамъ это порученіе, чтобы вы что нибудь нажили. Вы должны были все выторгованное оставить у себя.

— Помилуйте, говорю, Павелъ Григорьевичъ, какъ же это можно? Я на подобныя вещи никогда не рѣшусь.

— Э! да вы просто дуракъ, какъ я вижу!—крикнулъ онъ.—Никакой награды я вамъ не дамъ.

— Ну, знаешь ли что,—замѣтилъ я Келеру,—въ этомъ случаѣ я съ фонъ-Дервизомъ совершенно согласенъ: съ волками жить по-волчьи выть.

— Нѣтъ, Богъ съ ними, я не хочу ничего, кромѣ того, что зарабатываю. Повѣрь, что тотъ же самый фонъ-Дервизъ въ свое время оцѣнитъ меня.

— Подождемъ, увидимъ. А что, скажи, самъ-то фонъ-Дервизъ, я думаю, уже порядочно нажилъ?

— Порядочно...

— Пожалуй, добрыхъ полъ-милліона имѣеть?

Келеръ расхохотался.

— Полъ-милліона?! Эхъ ты, простофія! Онъ дохода въ годъ имѣеть уже болѣе милліона!

Я вытаращилъ глаза, и было отчего: годъ тому назадъ фонъ-Дервизъ еще ничего не имѣлъ, и вдругъ болѣе милліона доходу! О такихъ превращеніяхъ мы привыкли только въ сказкахъ читать, а тутъ наяву! Было надъ чѣмъ задуматься...

Особенный благодарности отъ фонъ-Дервиза Келеръ не дождался, но за время своей службы тамъ онъ все-таки сдѣлалъ состояніе въ сто тысячъ рублей совершенно инымъ путемъ. Будучи очень экономнымъ и скромнымъ въ своемъ обиходѣ, онъ не проживалъ всего своего содержанія (достигшаго восьми тысячъ въ годъ) и часть его получалъ акціями Рязанской и Ковловской дорогъ, которыя въ то время котировались на биржѣ по 45 р. за штуку. Этихъ акцій у Келера накопилось довольно много. Когда Рязанская и Ковловская дороги были окончены, то одно время акціи ихъ вдругъ поднялись въ цѣнѣ, если не ошибаюсь, до трехсотъ рублей и болѣе за штуку. Такимъ образомъ сбереженія Келера разомъ удесятирились, и онъ оставилъ своей семьѣ около ста тысячъ, о чемъ никогда не смѣлъ и мечтать.

Я, между тѣмъ, оставивъ военную службу, занимался журналистикой въ изданіяхъ Краевского и былъ очень далекъ отъ желѣзнодорожнаго міра вообще и отъ фонъ-Дервиза въ особенности, котораго снова не видалъ нѣсколько лѣтъ. Но въ 1867 году лѣтомъ встрѣтился съ нимъ на Невскомъ проспектѣ. Мы опять обрадовались другъ другу, какъ и подобаетъ старымъ и хорошимъ знакомымъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ онъ меня, между прочимъ.
 — Пишу въ журналахъ и газетахъ...
 — Да да, я слышалъ объ этомъ отъ Келера. Заработокъ, я думаю, мѣднаго гроша не стоитъ?
 — Пожалуй, что такъ; это не желѣзные дороги,—отвѣтилъ я, улыбнувшись.

— Не хотите ли сами издавать газету?—спросилъ онъ.
 — Отчего же нѣтъ, еслибъ были средства.
 — О средствахъ не заботьтесь,—сказалъ онъ. — Мнѣ нужно издавать газету специальную, желѣзнодорожную. Приходите завтра утромъ въ девять часовъ ко мнѣ. Я остановился въ *hôtel de France*. Тамъ мы переговоримъ.

— Хорошо, буду непременно.
 На другой день, ровно къ девяти часамъ, я вошелъ къ нему. Онъ былъ занятъ сочиненіемъ какого-то письма, но, увидя меня, всталъ и подошелъ на встрѣчу.

— Здравствуйте. Очень радъ, что вы такъ аккуратны. Я уже говорилъ объ васъ съ министромъ финансовъ, и онъ желаетъ съ вами видѣться.

Причемъ тутъ министръ финансовъ?—мелькнуло у меня въ головѣ. Но я удержался отъ вопроса. Фонъ-Дервизъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею сбѣгать къ министру, доложить, что я пришелъ, и спросить, можетъ ли онъ меня сейчасъ принять.

— А вы, пока, посидите тутъ, покурите, а я dokonчу свое письмо,—сказалъ онъ мнѣ.

Черезъ десять минутъ лакей вернулся и доложилъ, что министръ ждетъ меня.

— Ну, вотъ, идите и переговорите съ нимъ, а потомъ зайдите опять ко мнѣ сообщить, что онъ вамъ скажетъ,—обратился ко мнѣ фонъ-Дервизъ.

— Ловко ли будтъ такъ пойти, Павелъ Григорьевичъ?—спросилъ я, показывая на свой костюмъ.

— Ничего не значить. Не ѣхать же вамъ за фраккомъ и заставить его ждать. Идите скорѣе!

Рейтернъ принялъ меня тотчасъ же, какъ только ему доложили о моемъ приходѣ. Онъ сидѣлъ въ большомъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, подалъ мнѣ руку и пригласилъ сѣсть въ креслѣ, съ боку стола.

— Павелъ Григорьевичъ,—сказалъ онъ,—говорилъ мнѣ, что вы желаете издавать специальную газету желѣзныхъ дорогъ.

— Это не я желаю, ваше высокопревосходительство, а самъ Павелъ Григорьевичъ, а мнѣ онъ предложилъ только редактировать ее.

Рейтернъ слегка улынулся.

— Это все равно,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ я очень

радъ появленію подобнаго изданія. Въ немъ можно будетъ сосредоточить свѣдѣнія о всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, о ходѣ ихъ работы, эксплоатаціи и прочее. Я считаю постройку желѣзныхъ дорогъ величайшимъ дѣломъ нашего времени и напрягаю всѣ усилія къ развитію его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Только желѣзныя дороги и могутъ поднять наше благосостояніе, потрясенное сначала Крымской войной и потомъ освобожденіемъ крестьянъ.

— Не боитесь вы, ваше высокопревосходительство,—осмѣлился спросить я,—что громадныя займы, дѣлаемые для сооруженія рельсовыхъ путей, обременяютъ государственный бюджетъ?

— Нисколько!—съ живостью возразилъ Рейтернъ.—Вѣдь каждая желѣзная дорога вліяетъ не только на тѣ пункты, которыхъ она касается непосредственно, но захватываетъ цѣлую полосу земли, по которой проходитъ, шириною по крайней мѣрѣ по пятидесяти верстѣ, если не болѣе, по обѣ стороны. Проложивъ рельсы, положимъ, на триста верстѣ, мы сразу возрождаемъ къ промышленной жизни полосу земли болѣе чѣмъ въ 15,000 квадратныхъ верстѣ. На это дѣло нельзя поэтому жалѣть никакихъ средствъ. Все, что бы мы ни затратили, съ лихвою окупится въ скоромъ времени. Вы вѣрите этому?

— Боюсь отвѣчать утвердительно,—сказалъ я.

— Что же васъ заставляеть сомнѣваться въ этомъ?—спросилъ министръ.

Я замаялся и, вѣроятно, покраснѣлъ, затрудняясь высказать свое мнѣніе. Рейтернъ понялъ мое смущеніе, потому что сейчасъ же прибавилъ:

— Не бойтесь, говорите откровенно и прямо. Намъ съ вами надо договориться такъ, чтобы потомъ не было ни сомнѣній, ни недоразумѣній. Если вы поймете меня, то ваша газета можетъ быть полезна дѣлу. Въ противномъ случаѣ, если вы не раздѣляете моихъ убѣжденій, то газеты лучше не начинать, она только можетъ мѣшать тогда дѣлу.

— Если позволите, то я выскажусь совершенно откровенно... Мнѣ кажется, что однѣ желѣзныя дороги не могутъ произвести того впечатлѣнія на промышленность, котораго ожидаете отъ нихъ ваше высокопревосходительство.

— Позвольте! — перебилъ меня Рейтернъ. — Я говорилъ не а priori, а на основаніи статистическихъ данныхъ западныхъ государствъ. Но это, между прочимъ. Продолжайте.

— Я именно на западныя государства и хотѣлъ указать. Тамъ желѣзныя дороги явились, такъ сказать, вѣнцемъ всякаго рода другихъ путей сообщенія. Я былъ за границею и завидовалъ тому, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ развита тамъ сѣтъ шоссейныхъ дорогъ, и какъ прекрасно содержатся всѣ эти шоссе. Поэтому каждая верста рельсоваго пути находила тамъ для себя уже готовую

почву для приѣма и отдачи товаровъ на всѣхъ пунктахъ своего протяженія. У насъ же ничего подобнаго нѣтъ. Вамъ извѣстно, ваше высокопревосходительство, что Николаевская дорога только и живетъ, что своими конечными пунктами, Петербургомъ и Москвой, оказывая совершенно ничтожное вліяніе на мѣстности всего остальнаго своего протяженія. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ обозы вязли по ступицу колесъ въ грязь, въ десяти верстахъ отъ станціи. Это было притомъ не на проселкѣ, а на почтовомъ трактѣ. И подобныя явленія повторяются у насъ повсемѣстно, на всемъ протяженіи Россіи.

Рейтернъ выслушалъ меня терпѣливо, но нахмурился и чиркалъ карандашемъ по листу бумаги.

— Что же, повашему, надо сдѣлать? — спросилъ онъ, когда я остановился.

— Помоему слѣдуетъ каждую желѣзную дорогу строить не иначе, какъ одновременно съ боковыми, подвозными шоссейными дорогами и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждую версту рельсоваго пути строить не менѣе десяти верстъ шоссе. Тогда рельсовый путь дѣйствительно захватывалъ бы цѣлую область по обѣ свои стороны и произвелъ бы то вліяніе на промышленность, о которомъ вы изволите говорить.

— Это совершенно невозможно! — воскликнулъ Рейтернъ. — Условія постройки и эксплуатаціи тѣхъ и другихъ дорогъ совершенно различны. Строитель желѣзной дороги можетъ и эксплуатировать ее, потому что по этой дорогѣ можно везти грузы и пассажировъ только въ экипажахъ, принадлежащихъ ей. Совсѣмъ другое на шоссе: тамъ нѣтъ другого способа эксплуатаціи, кромѣ шоссейнаго сбора, который не можетъ покрыть даже процентовъ на капиталъ и крайне обременителенъ для промышленности. А строить шоссе на государственныя средства невозможно, по крайней мѣрѣ, теперь. Если бы мы вздумали примѣнить вашу мысль, то не построили бы и сотой доли существующихъ уже теперь рельсовыхъ путей. Возьмите въ примѣръ Америку, которая ближе подходитъ къ нашимъ условіямъ, чѣмъ европейскія страны. Строять же тамъ желѣзныя дороги по совершенно дикимъ мѣстамъ и создаютъ жизнь въ мѣстахъ, гдѣ ея долго бы не было безъ рельсовыхъ путей.

— Это я знаю, ваше высокопревосходительство. Но между нами и американцами безконечная разница.

— Вы говорите о русской косности? Да, это вѣрно. Но я надѣюсь и даже почти увѣренъ, что именно желѣзныя дороги разбудятъ нашу непробудную спячку, и въ этомъ будетъ состоять ихъ главнѣйшая заслуга, которую оцѣнятъ деньгами.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высокопревосходительство, я болѣе не буду вамъ возражать и могу пожелать только, чтобы ваши надежды сбылись.

— Теперь вы поняли меня нѣсколько?

— Совершенно, и готовъ содѣйствовать своими трудами по мѣрѣ своихъ силъ.

— Очень радъ. Нужно вамъ будетъ для изданія газеты какое нибудь мое содѣйствіе?

— Я попросилъ бы только позволенія свободно пользоваться матеріалами, имѣющимися въ министерствѣ финансовъ.

— Извольте, это я могу разрѣшить. Но дѣло въ томъ, что есть матеріалы, въ особенности по текущимъ дѣламъ, которые не подлежатъ огласкѣ, составляя иногда коммерческую, а иногда и государственную тайну. Я васъ буду просить о подобнаго рода предметахъ не говорить въ газетѣ.

— Но всегда ли я буду въ состояніи узнать, о чемъ можно говорить и о чемъ нельзя?...

— Въ случаѣ сомнѣнія приходите прямо ко мнѣ: я всегда охотно помогу вамъ и дамъ надлежащія указанія или разъясненія.

— Благодарю васъ, ваше высокопревосходительство,—сказалъ я, вставая.

— Подождите минуту.

Рейтернъ позвонилъ, и вошедшему на звонокъ курьеру приказалъ позвать дежурнаго чиновника. Когда тотъ явился, то Рейтернъ приказалъ ему проводить меня къ директору канцеляріи и сообщить ему, чтобы мнѣ было выдано письменное разрѣшеніе во всякое время пользоваться всѣми архивами и текущими дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ.

— До свиданія,—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку,—и желаю вамъ всякаго успѣха.

Директоръ канцеляріи спросилъ мой адресъ, обѣщая на другой же день доставить разрѣшеніе.

Отъ Рейтерна я вернулся къ фонъ-Дервизу.

— Однако, вы долго тамъ сидѣли,—сказалъ онъ.—Ну, что же? чѣмъ кончилась ваша бесѣда?

Я передалъ ему, по возможности, подробно свой разговоръ съ министромъ.

— Отлично,—сказалъ онъ.—Такъ вы теперь подайте прошеніе о газетѣ, и когда получите разрѣшеніе, то пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву, гдѣ мы и покончимъ съ вами это дѣло. Я сегодня съ почтовымъ поѣздомъ туда уѣзжаю.

Прошеніе я подалъ въ тотъ же день и не болѣе, какъ черезъ недѣлю имѣлъ уже въ карманѣ разрѣшеніе на изданіе газеты, съ которымъ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ я остановился, разумѣется, у Келера, очень обрадовавшагося тому, что я вступаю съ фонъ-Дервизомъ въ дѣло. Не откладывая долго, я поѣхалъ къ Краснымъ воротамъ, у которыхъ, въ домѣ правленія Рязанской дороги, жилъ фонъ-Дервизъ.

Я нашелъ его сидящимъ въ кабинетѣ правленія съ его компаніономъ фонъ-Меккомъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, радушно пожимая мнѣ руку.— Позвольте васъ познакомить, господа: фонъ-Меккъ, Эвальдъ. Это редакторъ нашей будущей газеты,—пояснилъ онъ Мекку.—Получили разрѣшеніе?

— Получилъ, вотъ оно.

— Очень хорошо. Скажите же теперь: сколько вамъ нужно для изданія газеты?

Понятно, что этотъ вопросъ огорошилъ меня своей неожиданностью.

— Я, Павелъ Григорьевичъ, еще не составлялъ никакой смѣты, такъ какъ не знаю подробно вашихъ желаній и не имѣю даже понятія о форматѣ газеты.

— О! Объ этомъ вы меня ужъ не спрашивайте,—отвѣтилъ онъ, засмѣявшись.—Вы будете полнымъ хозяиномъ газеты и издавайте ее какъ хотите. Мнѣ только нужно знать, сколько выдать вамъ денегъ, болѣе ничего.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ отложить отвѣтъ до завтра. Сегодня я обдумаю немного и составлю приблизительный расчетъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—такъ завтра, въ девять часовъ, я васъ жду.

Вернувшись къ Келеру, я сказалъ ему о запросѣ фонъ-Дервиза и спрашивалъ, что мнѣ сдѣлать. По своей обычной добросовѣстности, Келеръ посовѣтовалъ мнѣ избрать наименьшій форматъ и составить по возможности скромный расчетъ, чтобы не показывать фонъ-Дервизу, что я хочу воспользоваться его довѣріемъ. Я съ нимъ согласился и составилъ такую смѣту, по которой годовое изданіе могло бы стоить не болѣе 7.000 рублей, если не считать прихода отъ подписки, при существованіи которой эта сумма, разумѣется, еще уменьшилась бы.

На другой день утромъ ѣду опять къ фонъ-Дервизу. Въ передней старый солдатъ еще николаевскихъ временъ, служившій швейцаромъ и старожилъ квартиры, а также исправлявшій должность лакея, во время пребыванія тутъ фонъ-Дервиза, снимая съ меня пальто, ворчалъ на своего господина.

— Что ты ворчишь на Павла Григорьевича?—спросилъ я его шута. — Обидѣлъ онъ тебя чѣмъ нибудь?

— Да какъ не обидѣть, сударь,—отвѣтилъ онъ:—сами посудите. Когда они тутъ живутъ, такъ я всегда покупаю для нихъ сливки, въ молочникѣ, за который плачу пять копеекъ. А нонче, шутъ ихъ знаетъ отчего, взяли съ меня шесть копеекъ. Такъ я и докладываю Павлу Григорьевичу, а ѣнъ какъ затопаетъ на меня, да закричитъ, да обругаетъ, прости Господи! Нешто я воръ какой и нуждаюсь въ ихней копейкѣ? Да пропади она, проклятая; я

свою бы лучше заплатилъ, кабы знать заранѣе. Двадцать пять лѣтъ царю отслужилъ, и никто еще меня воромъ не обзывалъ. Тѣфу!

Разскавъ этотъ сильно меня озадачилъ и заставилъ предчувствовать и для себя что нибудь недоброе. Такъ оно и случилось.

Павелъ Григорьевичъ, одѣтый въ зеленый шелковый халатъ и съ головой, повязанной краснымъ шерстянымъ шарфомъ въ видѣ чалмы, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и, придерживая голову руками, сильно стоналъ.

— Что это съ вами? — спросилъ я.

— Мигрень, — отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ. — Что скажете?

— Я принесъ вамъ смѣту на изданіе газеты, какъ вы приказали, — отвѣтилъ я, подавая ему бумажку.

Онъ не взялъ ея и даже не взглянулъ, а молча, подойдя къ столу, позвонилъ. Вошелъ кто-то изъ служащихъ въ правленіи.

— Вотъ они, — сказалъ онъ, указывая на меня, — будутъ издавать газету. Подпишитесь по два экземпляра на каждую станцію и выдайте деньги. — До свиданья, — сказалъ онъ, протянувъ мнѣ руку, и снова заходилъ по комнатѣ, продолжая стонать.

Совершенно озадаченный такимъ исходомъ дѣла, я вернулся къ Келеру и разсказалъ ему о случившемся. Тотъ расхохотался.

— Что ты находишь тутъ смѣшного? — спросилъ я.

— Да глядя на твою удивленную физіономію. Тебѣ въ диковину такой оборотъ дѣла, а мы уже къ этому привыкли. Мысли и намѣренія у Павла Григорьевича смѣняются быстрѣе, чѣмъ петербургская погода. Не будь у него мигрени, ты бы пришелъ сюда съ семью тысячами въ карманѣ. А вотъ дернуло этой мигрени сунуться въ его голову, и онъ вымѣщаетъ свою боль на тебѣ. Это всегда такъ.

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Да какъ тебѣ сказать? Попробуй начать изданіе: разошли объявленія въ правленія другихъ дорогъ, соберешь что нибудь подпиской, будутъ и объявленія, отчеты, тамъ еще что нибудь. Кое-какъ перебивайся пока, а потомъ можно будетъ снова поговорить съ Павломъ Григорьевичемъ; авось, попадешь къ нему въ добрую минуту, и онъ дастъ средства.

Въ первую минуту досады, я было хотѣлъ, вернувшись въ Петербургъ, поѣхать къ Рейтерну и разсказать ему откровенно о своемъ приключеніи съ фонъ-Дервизомъ, думая, что Рейтернъ, такъ интересовавшійся этой газетой, наладитъ его устроить дѣло болѣе прилично. Но потомъ я передумалъ, не желая разводить сплетни, и, послѣдовавъ совѣту Келера, началъ издавать на свои трудовыя копейки. Дѣло, однако, не пошло. Не имѣя совершенно средствъ, я не могъ вести газету какъ бы слѣдовало, наполняя ее матеріаломъ вовсе не жизненнымъ, такъ сказать, и, протянувъ около девяти мѣсяцевъ, долженъ былъ закрыть лавочку. Обра-

тятся къ фонъ-Дервизу второй разъ мнѣ не хотѣлось, а онъ совершенно забылъ о существованіи газеты и Богъ знаетъ для чего вообще началъ говорить весь этотъ огородъ.

Х.

Знакомство съ С. С. Поляковымъ. —хлопоты его о покупкѣ Николаевской дороги. — Мой визитъ къ министру финансовъ Рейтерну. — Обѣдъ у Полякова. — Его отношенія ко мнѣ.

Въ то время какъ я издавалъ газету желѣзныхъ дорогъ, я получилъ однажды телеграмму изъ Москвы отъ зятя своего Келера, въ которой онъ извѣщалъ, что дня черезъ два пріѣдетъ ко мнѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ С. С. Поляковымъ, который желаетъ со мной о чемъ-то переговорить.

Поляковъ въ это время уже гремѣлъ на всю Россію, какъ новый желѣзнодорожный геній, затмившій своимъ блескомъ даже фонъ-Дервиза. Дѣйствительно, не знаю отчего, но фонъ-Дервизъ всегда какъ-то менѣе былъ извѣстенъ, чѣмъ Поляковъ. Потому ли это происходило, что онъ носилъ непопулярную нѣмецкую фамилію, или потому, что не рекламировалъ себя такъ, какъ Поляковъ, — это трудно сказать, но фактъ тотъ, что имени фонъ-Дервиза до сего времени многіе не знаютъ, тогда какъ трудно найти человѣка, который не слыхалъ бы о Поляковѣ.

Видѣвъ сравнительно еще такъ недавно Полякова въ черномъ тѣлѣ, мнѣ любопытно было взглянуть на него теперь, когда онъ достигъ апогея своего денежнаго величія и могущества, а потому я съ нетерпѣніемъ ожидалъ встрѣчи съ нимъ.

Въ назначенное время Келеръ и Поляковъ явились ко мнѣ, причемъ Поляковъ былъ одѣтъ во фракъ съ иголочки.

— Вотъ, братъ, рекомендую тебѣ Самуила Соломоновича Полякова, — сказалъ Келеръ, входя и представляя Полякова.

— Мы ужъ, кажется, знакомы немного, — отвѣтилъ я, подавая руку Полякову.

— Да, какъ же, — подтвердилъ онъ: — мы уже видѣлись съ вами.

— Гдѣ и когда? — спросилъ Келеръ.

— Да у тебя же въ конторѣ, — отвѣтилъ я: — лѣтъ пять или шесть назадъ.

— А! Можетъ быть. Ну, да это все равно. Теперь мы къ тебѣ по очень серьезному дѣлу.

— Слушаю.

— Ты вѣдь знаешь, конечно, что правительство рѣшило продать Николаевскую желѣзную дорогу?

— Знаю.

— Конкуррентовъ, какъ тебѣ также, вѣроятно, извѣстно,—трое: Самуилъ Соломоновичъ, Главное Общество и Товарищество московскихъ купцовъ.

— Слыхалъ и объ этомъ.

— Ну-съ, такъ вотъ Самуилъ Соломоновичъ пожелалъ лично тебя видѣть и просить, чтобы ты содѣйствовалъ ему.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на обоихъ.

— Что же я тутъ могу сдѣлать?

— Очень многое, если хочешь. Во-первыхъ, ты самъ издаешь газету, слѣдовательно обязательно долженъ въ ней писать въ пользу предложеній Полякова. Во-вторыхъ, если можешь, то тисни статейку въ этомъ смыслѣ и въ какойнибудь другой газетѣ. Въ-третьихъ, наконецъ, сходи къ министру финансовъ, съ которымъ ты имѣешь сношенія, и поговори съ нимъ тоже въ пользу Самуила Соломоновича.

— Я надѣюсь, Аркадій Васильевичъ,—сказалъ Поляковъ,—что вы ничего не имѣете противъ того, если Николаевская дорога перейдетъ въ наши руки?

— Ровно ничего,—отвѣтилъ я, улынувшись,—такъ какъ мнѣ рѣшительно все равно, кому бы ее ни отдали. Главное Общество ничѣмъ себя не зарекомендовало, чтобы хлопотать за него; московское товарищество, помоему, какая-то фикція, сколько можно судить о немъ по свѣдѣніямъ, доходящимъ въ печать. Слѣдовательно, остаетесь вы, и если бы это отъ меня зависѣло, то я передалъ бы дорогу вамъ, если только вообще нужно ее комунибудь передавать, въ чемъ единственно я сомнѣваюсь.

— Ну, братъ,—перебилъ меня Келеръ:—хуже казеннаго управленія ужъ ничего не можетъ быть.

— Надо исправить его и только. Это еще не причина для передачи такой богатой дороги въ частныя руки.

— Да объ этомъ уже поздно теперь спорить,—сказалъ Поляковъ,—дѣло въ принципѣ рѣшено безповоротно. Вопросъ состоитъ только въ выборѣ концессионера, и вотъ, если вы только согласитесь, то я очень просилъ бы васъ помочь мнѣ всѣми вашими средствами.

— Я ничего не имѣю противъ этого.

Поляковъ вскочилъ и, пожимая обѣими своими руками мою руку, нѣсколько разъ повторилъ свою просьбу, общая при этомъ, что если его дѣло выгоритъ, то онъ меня нѣкоторымъ образомъ озолотитъ.

Когда они уходили, то Келеръ, пропустивъ Полякова впередъ, остановился со мною въ передней и сказалъ:

— Пожалуйста, постарайся для Полякова, потому, что если онъ получитъ Николаевскую дорогу, то меня онъ прочитъ назна-

чить управляющимъ ея, а тогда и ты можешь пристроиться, хоть инженеромъ. Я ужъ объ этомъ похлопочу.

— Да ладно,—отвѣтилъ я:—сдѣлаю, что могу.

На другой день утромъ, пользуясь разрѣшеніемъ, которое далъ мнѣ Рейтернъ являться къ нему въ случаѣ надобности, я отправился на квартиру его въ министерство финансовъ. Онъ меня принялъ также любезно, какъ и въ первый разъ.

— Что скажете хорошаго?—спросилъ онъ.

— Я рѣшился побезпокоить ваше высокопревосходительство по вопросу о продажѣ Николаевской желѣзной дороги,—сказалъ я, прямо приступая къ дѣлу.—Мнѣ хотѣлось бы уяснить себѣ причину этой операціи и кто изъ конкурентовъ имѣетъ болѣе шансовъ.

Рейтернъ откинулся на спинку кресла и перекинулъ ногу на ногу.

— Причина продажи та,—сказалъ онъ,—что въ казенномъ управленіи эта дорога даетъ самый ничтожный доходъ, тогда какъ по количеству грузовъ и пассажировъ она—богатѣйшая дорога въ мірѣ. Для правительства выгоднѣе передать ее въ частныя руки, больше ничего.

— Но, позвольте спросить, развѣ нѣтъ возможности исправить казенное управленіе?

Рейтернъ пожалъ плечами.

— Никакой,—сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ.—Всякое коммерческое дѣло только тогда можетъ идти хорошо, когда во главѣ его стоитъ одинъ хозяинъ. При казенномъ же управленіи такого хозяина нѣтъ и быть не можетъ. Кого вы назовете хозяиномъ, на примѣръ, Николаевской дороги? Директора? Никакимъ образомъ. Онъ только подчиненный, служащій; надъ нимъ имѣется департаментъ, а надъ департаментомъ—министръ. Вы скажете: министръ хозяинъ? Еще менѣе! Развѣ министръ путей сообщенія можетъ хозяйничать какой либо дорогой, когда на его рукахъ лежитъ цѣлое министерство? Вслѣдствіе этого, казенное управленіе всегда страдаетъ именно отсутствіемъ попечительнаго хозяина, безъ котораго никакое живое дѣло не мыслимо. Тутъ всѣ хозяева по-немножку, начиная отъ министра и кончая послѣднимъ сторожемъ на дорогѣ. А у семи нянекъ,—прибавилъ Рейтернъ улыбувшись,—дѣтя всегда безъ глаза.

— Вы позвольте мнѣ сдѣлать небольшое возраженіе на это?—спросилъ я.

— Очень буду радъ, говорите.

— Я еще слабо знакомъ съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ и потому не берусь непосредственно о немъ судить. Но практику посейныхъ дорогъ я знаю хорошо и потому приведу примѣръ изъ этой области хозяйства. У насъ ремонтъ шоссе содержится иногда хозяйственнымъ способомъ, иногда же, и чаще, отдается съ под-

ряда. При этомъ второмъ способѣ въ контрактѣ съ подрядчикомъ выписываются подробно всѣ его обязанности: когда онъ долженъ заготовить камень и въ какомъ размѣрѣ; когда долженъ разбить этотъ камень въ щебень; когда долженъ его разсыпать, укатать и такъ далѣе. При этомъ всякій разъ онъ контролируется и прочее. Въ результатѣ мы имѣемъ то, что ни по одному нашему шоссе никогда не бываетъ проѣзда. Существуютъ цѣлые округа путей сообщенія, съ правленіями, съ начальниками дистанцій, съ инженерами, канцеляріями, инспекторами и т. д., а по шоссе все-таки проѣхать нельзя...

— Ну, вотъ видите! Вы этимъ только подтверждаете то, что я говорилъ,—перебилъ меня Рейтернъ.

— Совершенно вѣрно, ваше высокопревосходительство. Но позвольте мнѣ докончить...

— Слушаю, слушаю.

— Въ Пруссіи, гдѣ я немного ознакомился съ этимъ дѣломъ, оно устроено совершенно иначе. Тамъ нѣтъ ни правленій округовъ, ни канцелярій, ни массы инженеровъ, ни подрядчиковъ. Тамъ всѣ казенныя шоссеиныя дороги разбиты на участки отъ 50 до 100 верстъ. Каждый участокъ ввѣренъ только одному инженеру, подъ его личную отвѣтственность. Ему отпускается извѣстная, выведенная изъ опыта, сумма на содержаніе дороги, и въ его дѣла затѣмъ никто не вмѣшивается. Контролеръ повѣряетъ не то: когда онъ заготовилъ камень, когда разбилъ его и разсыпалъ, а только толщину слоя щебня, профиль дороги и степень ея ровности или гладкости. Если эти условія удовлетворяютъ требованіямъ, то отъ инженера больше ничего и не спрашиваютъ. Оттого въ Пруссіи шоссеиныя дороги гладки, какъ паркетъ, и каждый инженеръ дорожитъ своей репутаціей.

— Что же вы этимъ хотите сказать?

— А то, ваше высокопревосходительство, что и при казенномъ управленіи можно создать хозяевъ дѣла, если только поставить ихъ въ надлежащіе условія.

— То, что вы мнѣ сказали о прусскихъ порядкахъ,—сказалъ Рейтернъ, подумавъ немного,—очень интересно и для меня ново. Но я не думаю, чтобы эти порядки были примѣнимы у насъ.

— Позвольте узнать, отчего вы такъ думаете.

— По правдѣ сказать, мы не такъ воспитаны, какъ нѣмцы. Для того, чтобы имѣть такихъ довѣренныхъ хозяевъ казеннаго имущества, ихъ надо выдрессировать воспитаніемъ нѣсколькихъ поколѣній. Можетъ быть, современемъ и мы дойдемъ до этого, но пока, я не думаю, чтобы это было возможно.

— Я и на это позволю себѣ возразить вашему высокопревосходительству. Мнѣ кажется, что люди воспитываются не столько въ школахъ, сколько по выходѣ изъ нихъ, уже самой жизнью.

Примѣняя это къ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, я думаю, что если бы у насъ введена была прусская система ремонта шоссе-ныхъ дорогъ, то сначала являлись бы печальные примѣры нарушенія довѣрія казны, но потомъ, понемногу, выработались бы люди дѣла, которые дорожили бы не только хлѣбнымъ мѣстомъ, но и своей репутаціей честныхъ людей. Между тѣмъ, при нашей системѣ, при которой никто не хозяинъ, и никто не отвѣтственное лицо, тотъ не имѣетъ никакого повода отличатся добросовѣстностью и честностью.

— Можетъ быть, вы и правы,—замѣтилъ Рейтернъ,—но во всякомъ случаѣ это еще дѣло будущаго. Вернемся, однако, къ цѣли вашего посѣщенія. Что еще вы желаете отъ меня узнать?

— Чтобы мнѣ лишній разъ не беспокоить ваше высокопревосходительство, я осмѣлюсь попросить объясненія еще одного вопроса, очень меня занимающаго.

— Что такое?

— У насъ принята теперь концессіонная система постройки желѣзныхъ дорогъ, состоящая въ томъ, что какому нибудь фонъ-Дервизу или Полякову правительство даетъ гарантію на совершаемые ими займы. Естественно, при этомъ, что иностранные банкиры, ссужая ихъ деньгами, вѣрятъ не имъ, такъ какъ объ нихъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія, а вѣрятъ только ручательству русскаго правительства. Другими словами, въ сущности, правительство само дѣлаетъ эти займы, но не прямо отъ своего имени, а прибѣгая къ посредничеству фонъ-Дервизовъ, Поляковыхъ и иныхъ, которые за свое посредничество берутъ чрезвычайно большое вознагражденіе. Я вотъ этого и не понимаю въ концессіонной системѣ: для чего правительству нужны эти посредники, концессіонеры, когда, дѣлая займы прямо отъ себя, оно могло бы получить тѣ же суммы для постройки дорогъ на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ?

Пока я излагалъ этотъ свой вопросъ, Рейтернъ постепенно нахмурился болѣе и болѣе. Рѣшившись спросить его объ этомъ, я зналъ, что могу навлечь на себя его неудовольствіе. Но я этого не боялся, такъ какъ самое дурное, что могло выйти для меня, это только то, что на будущее время я лишился бы возможности навѣщать его. При томъ же положеніи, въ которое меня поставилъ фонъ-Дервизъ съ газетою, мнѣ нечего было терять, если бы Рейтернъ и разсердился на меня. Между тѣмъ узнать отъ него самого, отъ автора концессіонной системы, причину ея предпочтенія всѣмъ другимъ способамъ постройки желѣзныхъ дорогъ, было для меня въ высшей степени любопытно. Поэтому я и рѣшился предложить свой вопросъ, не опасаясь никакихъ особенно вредныхъ послѣдствій для себя.

Но оказалось потомъ, что Рейтернъ хмурился не потому, чтобы

сердился на меня за такую нескромность, а просто потому, что обсуждалъ свой отвѣтъ. Онъ могъ просто не отвѣчать мнѣ, сказавъ, что такіе вопросы до меня не касаются, и тѣмъ прекратить бесѣду. Но онъ этого не сдѣлалъ, а, напротивъ, прежнимъ спокойнымъ голосомъ далъ объясненіе, на которое я его вызвалъ.

— Мой отвѣтъ на этотъ вашъ вопросъ,—сказалъ онъ,—будетъ только продолженіемъ предыдущаго разговора о хозяйствѣ казны. Когда его величеству угодно было возложить на меня заботу о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, то прежде приступленія къ дѣлу обсуждались всѣ употребительные и возможные способы осуществленія его. Мысль о государственныхъ займахъ была оставлена потому, что послѣ Крымской кампаніи нашъ бюджетъ и безъ того былъ слишкомъ обремененъ долгами. Вы, конечно, понимаете, что финансовыя дѣла государства тѣсно связаны съ политическими. Вотъ, по совокупности разныхъ причинъ финансовыхъ и политическихъ, непосредственные государственные займы теперь оказались неудобными. Съ другой стороны, правительство, дѣлая само займы для постройки желѣзныхъ дорогъ, само же должно бы было и строить ихъ. А такъ какъ мы съ вами только что говорили о дурномъ хозяйствѣ казны, то и этотъ вопросъ былъ принятъ во вниманіе. Примѣръ Николаевской желѣзной дороги не очень-то былъ привлекателенъ, чтобы повторять его. Другого же образца у насъ не было. Вотъ вслѣдствіе этихъ соображеній и рѣшено было остановиться на системѣ концессій. Вы не совсѣмъ вѣрно опредѣлили характеръ участія правительства въ концессіяхъ. По вашему толкованію выходитъ, что деньги занимаетъ не концессіонеръ, а правительство, только прикрывающееся именемъ концессіонера. Это не совсѣмъ такъ. Сравните это съ обыкновенной частной сдѣлкой: положимъ, вы занимаете деньги, а я даю свое поручительство, что вы исправно заплатите. Въ случаѣ, если вы окажетесь несостоятельнымъ, я дѣйствительно долженъ буду заплатить за васъ по своему поручительству, но это еще не доказываетъ, что я занимаю деньги подъ вашимъ именемъ. Такъ ли?

— Такъ.

— Примѣните этотъ взглядъ къ концессіямъ, и вы согласитесь, что хотя правительство и даетъ по нимъ свое ручательство, но не оно занимаетъ деньги, а все-таки концессіонеръ, а правительство остается только поручителемъ. Что банкиры вѣрятъ только поручителю, а не самому заемщику, это ужъ другой вопросъ, зачастую имѣющій мѣсто даже при сдѣлкахъ частныхъ людей. Понимаете вы, что я хочу сказать?

— Понимаю, ваше высокопревосходительство.

— Теперь взгляните на дѣло еще съ другихъ сторонъ. Если бы правительство, сдѣлавъ займы, продолжало строить дороги казеннымъ способомъ, то наши дороги всегда оставались бы въ одной

цѣнѣ, немного отступающей отъ цѣнъ Николаевской дороги, такъ какъ у насъ не было бы другихъ для сравненія. А чего стоила Николаевская дорога, это извѣстно было одному только Богу. При системѣ же концессій является конкуренція, и если первыя дороги, которыя строились фонъ-Дервизомъ и Поляковымъ, обошлись очень дорого, то теперь уже цѣны начинаютъ постепенно сбавляться. Со временемъ мы дойдемъ до нормальныхъ цѣнъ. Вотъ, когда эти цѣны будутъ выработаны, тогда уже, на основаніи существующихъ данныхъ, можно будетъ опять перейти къ постройкѣ средствами казны.

— Но, ваше высокопревосходительство,—замѣтилъ я,—эта выработка нормальныхъ цѣнъ не будетъ ли очень дорого стоить государству?

Рейтернъ пожалъ плечами.

— Что же дѣлать,—сказалъ онъ,—когда нѣтъ другого средства дойти до нихъ. Петръ Великій, чтобы развить горное дѣло въ Россіи, подарилъ кузнецу Демидову чуть не цѣлую губернію. Мы теперь поступили также: дали нѣкоторымъ лицамъ выйти изъ ничтожества и нажить миллионы, чтобы создать въ Россіи желѣзнодорожное дѣло. Примѣръ ихъ быстраго обогащенія увлекъ другихъ, и теперь министерство финансовъ завалено прошеніями о концессіяхъ. Безъ этой мѣры мы еще долго не имѣли бы желѣзныхъ дорогъ.

— Слѣдовательно, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній рѣшено передать въ частныя руки и Николаевскую дорогу?

— Да, разумѣется.

— А какъ вы думаете, ваше высокопревосходительство, кто изъ трехъ конкурентовъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ?

Рейтернъ снова нахмурился, но уже на этотъ разъ я не испугался его сдвинувшихся бровей.

— Это еще пока тайна, которую я попрошу васъ не разглашать не только въ газетѣ, но даже и на словахъ,—сказалъ онъ.

— Даю вамъ слово, ваше высокопревосходительство, что я не нарушу вашего довѣрія.

— Вопросъ уже почти рѣшенъ въ пользу Главнаго Общества.

— Уже?!—невольно воскликнулъ я.

— Что вы такъ удивились?—спросилъ Рейтернъ, пристально взглянувъ на меня.

— Виновать, ваше высокопревосходительство, но дѣло въ томъ, что Поляковъ, какъ я знаю, только-что пріѣхалъ сюда хлопотать о передачѣ дороги ему.

— Это ничего не значить. Другіе конкуренты были необходимы, чтобы выработать болѣе выгодныя условія. Во всякомъ случаѣ Поляковъ ничего отъ этого не потеряетъ.

— Я не буду скрывать отъ вашего высокопревосходительства,

что онъ былъ у меня и просилъ поддерживать его предложенія путемъ печати.

Рейтернъ улыбнулся.

— Вы не удивитесь,—сказалъ онъ,—если и я буду васъ о томъ же просить.

— Не смотря на вашъ совѣтъ, я все-таки удивляюсь, ваше высокопревосходительство. Если ужъ вопросъ рѣшенъ въ пользу Главнаго Общества, то зачѣмъ же мнѣ даромъ тратить пороховъ за Полякова.

— Чтобы придать болѣе вѣроятій конкуренціи,—это для меня, и чтобы исполнить просьбу Полякова. Вы, вѣроятно, обѣщали помогать ему?

— Обѣщаль сдѣлать, что могу, и для этого-то осмѣлился побеспокоить сегодня ваше высокопревосходительство, чтобы знать, чего мнѣ держаться.

— Да, пишите за него и доставьте мнѣ эти номера вашей газеты.

— Я не смѣю входить въ соображенія правительства, почему предпочтено Главное Общество, но, по моему мнѣнію, хотя Поляковъ и еврей, а лучше было бы передать дорогу ему,—сказалъ я на всякій случай.

Брови Рейтерна опять сдвинулись.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ онъ, серьезно взглянувъ на меня.

— Да потому, ваше высокопревосходительство, что Главное Общество совершенно иностранное, а Поляковъ, хотя и еврей, да русскій подданный, и его деньги останутся въ Россіи, а не уйдутъ за границу.

— Отчасти вы правы. Но, помимо разныхъ финансовыхъ соображеній, заставившихъ предпочесть Главное Общество, національность Полякова много мѣшаетъ передать ему эту дорогу. Главное Общество—анснимное, оно никому не колетъ глаза, тогда какъ передача этой дороги еврею всегда возмущала бы патріотическое чувство, въ особенности москвичей. Полякову, чтобы утѣшить его,—прибавилъ Рейтернъ, улыбнувшись,—можно будетъ дать концесію на какую нибудь другую дорогу.

— Я болѣе не смѣю утруждать вниманіе вашего высокопревосходительства,—сказалъ я, вставая,—и позвольте поблагодарить васъ за вниманіе, оказанное мнѣ.

— Ничего, я очень радъ содѣйствовать вамъ. А давно вы видѣли Павла Григорьевича?

— Я съ нимъ рѣдко выдаюсь. Теперь уже мѣсяца четыре, какъ не видѣлся съ нимъ.

Мнѣ ужасно хотѣлось при этомъ рассказать Рейтерну, какъ его пріятель, Павелъ Григорьевичъ, взбаломутилъ меня издавать несчастную газету и потомъ бросилъ на произволъ судьбы, но...

опять-таки, не желая разводить сплетни, я промолчалъ и на этотъ разъ.

Такъ какъ Поляковъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ этотъ день обѣдать, то я и направился къ пяти часамъ въ Малую Морскую, гдѣ онъ нанималъ квартиру для своихъ пріѣздовъ.

Въ небольшомъ залѣ въ три окна я увидѣлъ военнаго генерала, одиноко сидѣвшаго у слѣдующей двери; замѣтивъ меня, онъ всталъ и подошелъ навстрѣчу.

— Вы къ Самуилу Соломоновичу?—спросилъ онъ.

— Да, онъ пригласилъ меня сегодня къ обѣду.

— Позвольте узнать вашу фамилію?

Я назвалъся.

— Потрудитесь присѣсть,—сказалъ онъ,—я сейчасъ доложу.

Меня нѣсколько удивило, что почтенный генералъ играетъ у Полякова роль докладчика, но, вспомнивъ рассказы о свадьбахъ съ генералами, практикуемыхъ купцами въ кухмистерскихъ, я понималъ, что это одинъ изъ подобныхъ, нанятый Поляковымъ для приданія себѣ пущей важности. Кто изъ нихъ двоихъ былъ болѣе жалокъ, я не буду здѣсь разбирать.

Генералъ вскорѣ же возвратился и сказалъ мнѣ: пожалуйста въ кабинетъ.

Поляковъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, но не занимался, а бесѣдовалъ съ двумя лицами, сидѣвшими на диванѣ, съ которыми, разумѣется, сейчасъ же познакомилъ меня. Это были Кислаковскій и Мейенъ.

— Ну, что, Аркадій Васильевичъ,—спросилъ онъ меня,—какъ идутъ ваши дѣла? Вы можете говорить при нихъ,—прибавилъ онъ, указывая на Кислаковскаго и Мейена:—это мои ближайшіе сотрудники.

— Ваше дѣло идетъ, кажется, хорошо,—отвѣтилъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Расскажите, пожалуйста, что же вы узнали?

— Сегодня утромъ я былъ у министра финансовъ...

— Уже?! Ну, ну, и что же онъ вамъ сказалъ?

— Онъ мнѣ не сказалъ ничего прямо, но изъ нѣкоторыхъ словъ его я могъ понять, что если вы и не получите Николаевскую дорогой, то можете рассчитывать на какую нибудь другую.

— А про Николаевскую дорогу онъ ничего не говорилъ, кому ее хотятъ отдать?

— Ничего еще неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что ваше предложеніе только недавно получено.

Поляковъ весело потеръ руками и заходилъ по комнатѣ.

— Пожалуй, что мы возьмемъ! Что вы скажете? — обратился онъ къ Кислаковскому.

Кислаковскій видимо не вѣрилъ, что я бесѣдовалъ съ мини-

стромъ финансовъ, потому что все время насмѣшливо улыбался и вмѣсто отвѣта Полякову обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы съ кѣмъ изволили говорить въ министерствѣ финансовъ?

Отвѣчая дерзостью на дерзость, я не отвѣтилъ ему, а, въ свою очередь, обратился къ Полякову.

— Министръ былъ очень доволенъ, когда я сказалъ, что въ своей газетѣ буду поддерживать ваше предложеніе.

— Право?!—воскликнулъ Поляковъ, совершенно просіявшій.— Ну, господа, это значитъ—очень хорошо!

И онъ снова забѣгалъ изъ угла въ уголъ, потирая руки. Когда пріѣхалъ Келеръ, то насъ пригласили къ столу. Генераль-докладчикъ также былъ тутъ. Разумѣется, разговоръ во время обѣда преимущественно вертѣлся на вопросъ о Николаевской дорогѣ, прерываясь иногда шутками или разсказами веселаго характера. Я больше наблюдалъ за этими новыми типами людей, созданными концессионной горячкой.

Поляковъ былъ въ разговорѣ очень находчивъ и остроуменъ. Помимо еврейскаго пронырства, которымъ онъ достигалъ концессій, онъ обладалъ видимо недюжиннымъ умомъ и, конечно, гораздо болѣе выигралъ бы въ своемъ человѣческомъ обликѣ, если бы не тянулся въ «благородные». Имѣя массу денегъ, доставшихся безъ труда, одними ловкими подходами къ кому слѣдуетъ, онъ не жалѣлъ тратить ихъ на то, чтобы обставить себя побарски. Какъ наши купчихи, когда напяляютъ на себя шляпки съ цвѣтами и шелковыя платья, воображаютъ, что сдѣлались настоящими барынями, такъ и Поляковъ, посадивъ въ своей пріемной несчастнаго генерала, а впослѣдствіи и самъ, добившись генеральскаго титула, воображалъ, что сдѣлался бариномъ и чуть ли не аристократомъ. Мнѣ всегда какъ-то жалко и грустно было смотрѣть на его потуги казаться благороднымъ, такъ какъ онъ, повторяю, вообще былъ очень умный и даже остроумный человѣкъ.

Кислаковский, считавшійся правою рукою Полякова, былъ совершенно другого закала. Ради того, чтобы пристроиться у Полякова, онъ оставилъ казенную службу по вѣдомству путей сообщенія и, разумѣется, никогда не раскаивался въ такой перемѣнѣ. Онъ былъ хитеръ, скрытенъ и недоброжелателенъ къ другимъ. Наконецъ, Мейенъ, имѣвшій нѣкоторое участіе въ дѣлахъ Полякова, игралъ нѣкоторую роль только потому, что, бывши женатъ на богатой старухѣ, ссудилъ Полякова деньгами на первыхъ порахъ его дѣятельности. Онъ говорилъ Полякову по старой памяти «ты» и вообще не особенно церемонился съ нимъ. О Келерѣ я уже говорилъ: онъ служилъ на двухъ дорогахъ, Рязанской и Козловской, получая на каждой по 4.000 рублей жалованья, Поляковъ же приглашалъ его иногда для исполненія какихъ нибудь временныхъ порученій, требовавшихъ знанія дѣла и добросовѣстности.

Такъ, напримѣръ, я знаю, что однажды онъ заплатилъ Келеру 10.000 рублей за устройство станціонной службы на одной изъ своихъ дорогъ, что Келеромъ было исполнено въ двѣ недѣли. И теперь, отправляясь въ Петербургъ хлопотать о приобрѣтеніи Николаевской дороги, Поляковъ пригласилъ Келера съ собою, какъ человѣка, вполне знающаго дѣло и на добросовѣстность котораго можно было положиться.

Вопросъ о Николаевской дорогѣ тянулся очень недолго, такъ какъ, по словамъ Рейтерна, онъ уже заранѣе былъ рѣшенъ въ принципѣ. Знаменитому Уайненсу, такъ опутавшему казну своимъ историческимъ контрактомъ, было заплачено что-то около пяти милліоновъ металлическихъ рублей отступнаго, и дорога передана была Главному Обществу.

Полякову въ утѣшеніе за то, что потревожили его напрасно, была выдана концессія на постройку Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги. Когда постройка этой дороги уже началась, я встрѣтился однажды съ Мейеномъ. Онъ спросилъ меня, между прочимъ, чѣмъ меня Поляковъ вознаградилъ за содѣйствіе, которое я ему оказывалъ при хлопотахъ о Николаевской дорогѣ.

— Пока еще ничѣмъ,—отвѣтилъ я улыбуясь.

— Какъ ничѣмъ?—удивился Мейенъ.—Да не можетъ же быть!

— Чего же мнѣ скрывать! Спросите сами у Полякова. Вѣроятно, онъ считаетъ себя необязаннымъ по отношенію ко мнѣ, такъ какъ не получилъ Николаевской дороги.

— Это все равно: вѣдь, благодаря ей, онъ получилъ другую концессію. Вы довольно потрудились для него.

— Гдѣ наше не пропадало!—замѣтилъ я.

— Приходите сегодня къ нему обѣдать. Мы тамъ поговоримъ объ этомъ.

— Съ какой радости я поѣду къ нему безъ приглашенія?

— Э! Господи! Нашли съ кѣмъ церемониться. Ну, да ладно, я устрою это.

Вернувшись домой часа черезъ три, я нашелъ у себя записку Полякова, приглашавшую меня на обѣдъ къ пяти часамъ. Такъ какъ я не имѣлъ намѣренія съ нимъ ссориться, то и поѣхалъ.

За обѣдомъ на этотъ разъ были тѣ же лица, кромѣ Келера. Мейенъ тотчасъ же началъ рѣчь о моемъ вознагражденіи.

— Ты что же это забылъ Эвальда?—обратился онъ къ Полякову.—Развѣ мало онъ работалъ для тебя?

— Да я не прочь, — быстро заговорилъ Поляковъ: — я готовъ сдѣлать все, что угодно. Господинъ Эвальдъ самъ меня забылъ и не заходилъ ни разу.

— Да зачѣмъ же мнѣ къ вамъ ходить безъ дѣла?—спросилъ я.

— Не для дѣла, а по знакомству, навѣстили бы иногда,—засмѣялся Поляковъ.

— Мое знакомство для васъ не интересно, и при томъ вы всегда очень заняты,—отвѣтилъ я.

— Ну, да что тутъ бобы разводить!—перебилъ Мейенъ.—Вы что хотѣли бы получить?—спросилъ онъ меня.—Мѣсто инженера, или подрядъ, или просто деньги?

— Что хотите, мнѣ все равно,—отвѣтилъ я, махнувъ рукою.

— Я могу вамъ предложить хорошее мѣсто инженера,—сказалъ Поляковъ.—Черезъ недѣлю я поѣду на линію распредѣлять участки и тогда увѣдомлю васъ.

— Очень вамъ буду благодаренъ,—отвѣтилъ я.

Послѣ обѣда я закурилъ свою папироску, а другіе взяли поставленные на столъ сигары.

— Вы какія это папиросы курите?—спросилъ меня Поляковъ.

— Фабрики Миллера.

— Пфуй, какой непріятный запахъ!—сказалъ онъ, поморщившись.—Возьмите, пожалуйста, сигару. Это очень хорошія, пятьдесятъ рублей сотня.

— Благодарю васъ, но я сигаръ не курю.

— Но какъ же можно такія папиросы курить?

— Привычка. Я вѣдь не могу платить по пятидесяти рублей за сотню сигаръ.

— Да возьмите же сигару,—замѣтилъ Мейенъ, подмигнувъ мнѣ, улыбаясь.—У Самуила Соломоновича очень тонкое обоняніе. Не умрете отъ одной штуки.

Чтобы почтить новаго аристократа и гастронома, я взялъ сигару.

— Какъ вамъ нравится?—спросилъ Поляковъ.

— Очень хорошія.

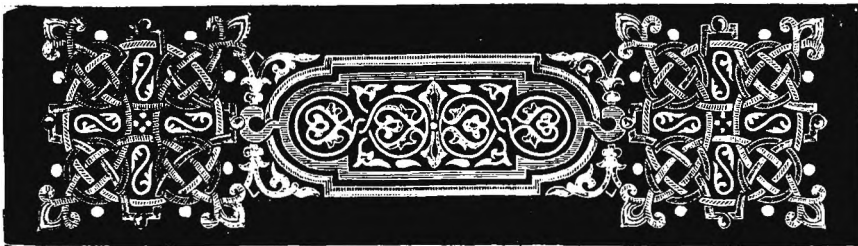
— Это настоящая гаванская,—прибавилъ онъ тономъ, чтобы я почувствовалъ всю прелесть знакомства съ нимъ.

Поляковъ уѣхалъ потомъ на свою линію, но я не дождался отъ него никакого приглашенія, а самъ, разумѣется, не напоминалъ о его обѣщаніи. Такъ какъ онъ былъ вообще довольно щедръ въ вознагражденіи своихъ сотрудниковъ, то я приписываю его забывчивость относительно меня вліянію Кислаковского, который всегда относился ко мнѣ враждебно и, вѣроятно, находилъ неудобнымъ имѣть дѣло со мною. Ему требовались болѣе покладистые люди, чѣмъ какимъ я могъ быть.

А. В. Эвальдъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА ¹⁾.

XI.

Мысль о постройкѣ желѣзной дороги между Москвой и Воскресенскимъ монастыремъ. — Свиданіе съ митрополитомъ Иннокентіемъ. — Заключеніе условія съ Варшавскимъ. — Начало пзысканій. — Курьезный невнакомецъ. — Критическое положеніе. — Подмосковная деревенская похлебка. — Оригинальное занятіе мужиковъ. — У митрополита Иннокентія въ Москвѣ. — Подождите. — Сорвалось.

Въ 1869 году я заѣхалъ однажды къ Павлу Степановичу Усову, издававшему въ то время, если память мнѣ не измѣняетъ, газету «Биржа». Мы съ нимъ были давно знакомы по журнальнымъ дѣламъ и всегда находились въ добрыхъ отношеніяхъ.

На этотъ разъ разговоръ зашелъ о желѣзнодорожныхъ дѣлахъ, и Усовъ выразилъ мнѣніе, что концессіонеры вовсе не представляютъ изъ себя какихъ нибудь особенно гениальныхъ людей, какъ многіе тогда воображали, и что рѣшительно всякій могъ дѣлать то же, что дѣлали фонъ-Дервизъ, Поляковъ, фонъ-Меккъ, Варшавскій и другіе.

— Да вотъ, — закончилъ онъ, — отчего бы вамъ не попробовать счастья? Передъ Поляковымъ и Варшавскимъ вы имѣете даже огромное преимущество въ образованіи.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII, стр. 371.

— Въ томъ-то и дѣло, Павелъ Степановичъ,—возразилъ я,—что образованіе тутъ не играетъ никакой роли. Концессіи даются вѣдь не за экзамены, а просто людямъ, умѣющимъ проходить задними ходами и заискивать протекціи. А я менѣ всего на это способенъ.

— Хотите, я вамъ помогу въ такомъ случаѣ?

— Это дѣло другое.

— Я познакомился недавно съ Варшавскимъ и изъ разговоровъ съ нимъ узналъ, что онъ желаетъ имѣть теперь какую нибудь маленькую дорогу. Отыщите такую и выхлопочите разрѣшеніе про-извести изысканія, и когда получите его, то приѣзжайте ко мнѣ.

При дальнѣйшей бесѣдѣ мы остановились на соединеніи съ Москвою посада Воскресенскаго, при которомъ находится знаменитый монастырь Новый Іерусалимъ, основанный патріархомъ Никономъ. Усовѣ совѣтовалъ мнѣ избрать этотъ пунктъ въ томъ соображеніи, чтобы заручиться поддержкою, если понадобится, московскаго митрополита Иннокентія.

Разумѣется, прежде всего, мнѣ нужно было узнать мнѣніе митрополита, для чего я и поѣхалъ къ нему, въ Троицкое подворье, гдѣ онъ жилъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Буквально со страхомъ и трепетомъ поднимался я по лѣстницѣ, готовясь бесѣдовать съ знаменитымъ владыкою, о которомъ я такъ много читалъ и слышалъ. Въ приѣмной комнатѣ меня встрѣтилъ скромный священникъ, еще довольно молодой, какъ я узналъ потомъ—сынъ Иннокентія, бывшаго, до постриженія, также священникомъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ.

— Я желалъ бы видѣть лично его высокопреосвященство,—отвѣтилъ я, не зная еще, съ кѣмъ говорю.

— Какъ объ васъ доложить?

Я назвалъся. Священникъ поклонился и направился во внутренніе покои. Минуть черезъ пять, дверь снова отворилась, и въ приѣмную вошелъ митрополитъ. Я увидѣлъ человека средняго роста, довольно полнаго, тяжелаго, какъ говорится, съ жидкой сѣдой бородой и сильно прищуренными глазами. Подойдя къ нему подъ благословеніе, я наклонился поцѣловать руку, но онъ не далъ этого сдѣлать и, просто пожавъ мнѣ руку, пригласилъ сѣсть.

— Что хорошаго скажете, голубчикъ?—спросилъ онъ такъ просто, точно давно былъ со мною знакомъ.

Это обращеніе и этотъ тонъ такъ ободрили меня, что вся робость моя исчезла, и я совершенно спокойно могъ изложить ему цѣль своего посѣщенія.

— Какъ же мнѣ не согласиться на это!—сказалъ онъ.—Напротивъ, въ ножки вамъ, батюшка, поклонюсь, если Богъ вамъ поможетъ устроить дорогу къ Новому Іерусалиму. Да вы бывали ли тамъ?

— Нѣтъ, еще не былъ.

— Вотъ займетесь этимъ дѣломъ, такъ увидите. Вѣдь подобнаго монастыря во всей Россіи нѣтъ. Патріархъ Никонъ устроилъ его совершенно по образцу древняго Іерусалима: тамъ и пещера есть гроба Господня, и въ самый гробъ вдѣлана часть отъ настоящаго. Это большая святыня! Одно вотъ и есть горе этого монастыря, что хотя онъ стоитъ и не далеко отъ Москвы, да въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, такъ что добраться до него трудно богомольцамъ. Выстроивъ дорогу, вы обогатите монастырь: въ вѣчное поминаніе васъ запишемъ.

И онъ добродушно засмѣялся.

— Думаете ли, ваше высокопреосвященство, что эта дорога будетъ давать достаточный доходъ?—спросилъ я.

— Несомнѣнно, несомнѣнно,—горячо заговорилъ онъ.— Да вы сами посудите: сколько народу теперь каждый годъ валить къ Сергію? Сотни тысячъ! Вѣдь всѣ эти паломники посѣтили бы и Новый Іерусалимъ, если бы туда была дорога. Да куда эти, больше было бы! Хотя мощи св. Сергія и уважаемая святыня, а все-таки куда-жъ ему передъ святыней, передъ частью отъ самаго гроба Господня? Вѣдь она вотъ какая, часть-то эта!

При этомъ Иннокентій руками показалъ величину камня и снова захихикалъ, прищурилъ глаза. Признаюсь откровенно, я почувствовалъ себя крайне неловко въ эту минуту. Дѣло въ томъ, что вѣки у Иннокентія были нависшія, совершенно закрывавшія глаза, и онъ глядѣлъ на меня черезъ едва замѣтныя щелки, такъ что я никакъ не могъ судить о выраженіи его глазъ. Говорилъ онъ со мной все время то улыбаясь, то смѣясь, и я рѣшительно не зналъ какъ себя держать съ нимъ. Но помня, что передо мною сидитъ все-таки митрополитъ, и подозревая, что не испытываетъ ли онъ меня, я удерживался отъ улыбокъ и сохранялъ официальный, дѣловыи тонъ.

— Вамъ неизвѣстно, какъ велико приблизительно число паломниковъ въ настоящее время?—спросилъ я.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю. А если хотите, то я сегодня же напишу къ настоятелю монастыря и сообщу вамъ.

— Буду васъ просить объ этомъ,—отвѣтилъ я, поклонившись.— Осмѣлюсь предложить еще одинъ вопросъ.

— Что такое? Говорите.

— Я могу исполнить это дѣло только при содѣйствіи Варшавскаго, еврея. Не будетъ ли это непріятно вашему высокопреосвященству?

— Отчего же непріятно? Да Господь съ нимъ, что онъ еврей. Какой ни на есть, онъ все-таки въ Бога вѣруетъ. Вотъ церковь строить еврею было бы не совсѣмъ удобно, это правда, а что касается до желѣзной дороги, хотя бы и къ монастырю, то я въ этомъ

не вижу никакого препятствія. Нѣтъ, нѣтъ, этого вы не опасайтесь. А русскіе развѣ не пойдутъ на такое дѣло?

— Нѣтъ, я никого не знаю.

— Вотъ то-то и горе наше, — замѣтилъ Иннокентій, покачавъ головою. — Не покладливый мы народъ. Ужъ и въ Москвѣ я часто говорю нашимъ толстосумамъ, чего они сидятъ, какъ муміи, на своихъ сундукахъ? Мало ли дѣла въ Россіи? И-и, Господи! Не обещайся сколько дѣла, и все захватываютъ иностранцы да евреи. Обидно глядѣть даже. Что дѣлать, что дѣлать? А въ какомъ мѣстѣ будетъ у васъ станція въ Москвѣ? — спросилъ онъ.

— Не внаю еще, ваше высокопреосвященство. Я еще не рѣшилъ пока вопроса и о томъ: откуда вести дорогу, отъ Москвы или отъ Крюковской станціи Николаевской дороги. Отъ Москвы будетъ верстъ сорокъ, а отъ Крюковской станціи двадцать. Надо будетъ хорошенько рассчитать и сообразить всѣ другія условія, чтобы избрать одно изъ этихъ направленій.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ Иннокентій, — что отъ Крюковской станціи было бы лучше: меньшій потребуется капиталъ.

— Это вѣрно, но для эксплуатаціи будетъ неудобно: пассажирамъ придется пересаживаться.

— Что за бѣда? Теперь они двадцать верстъ, а если прямо изъ Москвы то и всѣ сорокъ верстъ трясутся на телѣгахъ, такъ рады будутъ пересѣсть, лишь бы ѣхать покойно въ вагонѣ. Нѣтъ, этого вы не бойтесь. Да, кромѣ того, можно будетъ согласиться съ Николаевской дорогой и устраивать прямые поѣзда безъ пересадки. Вы подумайте объ этомъ, а мнѣ кажется, что отъ Крюкова было бы способнѣе, а главное — капитала меньше потребуется.

— Такъ вы благословляете меня на это дѣло? — спросилъ я, вставая.

— Отъ всей души и отъ всего сердца, — отвѣтилъ маститый іерархъ, также вставая и пожимая мою руку обѣими своими. — Черезъ недѣлку навѣстите меня, и я вамъ тогда сообщу отвѣтъ настоятеля монастыря. Я ему сегодня же напишу. Дай вамъ Богъ всего хорошаго.

Онъ перекрестилъ меня и съ тѣмъ отпустилъ.

Когда я получилъ разрѣшеніе произвести изысканія, Усовъ отправился со мною къ Варшавскому, жившему на Екатерининскомъ каналѣ, у Каванскаго моста. Абрамъ Моисеевичъ принялъ насъ очень любезно и такъ какъ былъ предупрежденъ Усовымъ о цѣли нашего посѣщенія, то сейчасъ же и приступилъ къ дѣлу.

— Я очень радъ буду вступить съ вами въ компанію, г. Эвальдъ, — сказалъ онъ. — Напишите, пожалуйста, условіе и привезите мнѣ подписать. Эту маленькую дорогу мы съ вами выстроимъ шутя.

— Какія же ваши будутъ условія? — спросилъ я.

— Все пополамъ,—отвѣтилъ Варшавскій.—Вашъ будетъ трудъ, мои деньги, и всѣ выгоды пополамъ. Кажется, справедливо?

— Какъ нельзя болѣе,—отвѣтилъ я, поклонившись.

— Очень радъ. Но вотъ въ чемъ вопросъ: понравится ли московскому духовенству, что я, еврей, буду строить дорогу къ монастырю? — спросилъ Варшавскій.

— Я прежде всего позаботился получить согласіе митрополита Иннокентія и нарочно для того ѣздилъ къ нему. Онъ! рѣшительно ничего не имѣетъ противъ вашего участія и обѣщалъ оказать намъ всякое свое содѣйствіе.

— Въ такомъ случаѣ откладывать нечего: напишите скорѣе условіе между нами, и приступимъ къ дѣлу,—сказалъ Варшавскій.

— Вотъ видите, какъ хорошо все устроилось,—сказалъ мнѣ Усовъ, когда мы вышли съ нимъ отъ Варшавскаго.

— По правдѣ сказать, Павелъ Степановичъ,—отвѣтилъ я,—мнѣ не вѣрится тому, что я слышалъ.

— То-есть чему же именно?

— Да тому, что Варшавскій вступаетъ со мною въ компанію и отдаетъ мнѣ половину участія? Что я представляю для него? Ровно ничего!

— Но вы получили разрѣшеніе на изысканія?

— Это не имѣетъ никакой цѣнности: изысканія всѣмъ разрѣшаютъ, и Варшавскій можетъ получить ихъ и безъ меня.

— Наконецъ, вы инженеръ. Нуженъ же такой человѣкъ для постройки дороги.

— Инженера онъ можетъ нанять за жалованье, какъ это всегда и дѣлается. Я рѣшительно недоумѣваю, почему онъ принялъ меня компаньономъ, да еще въ такой крупной долѣ.

— Какое вамъ дѣло до его соображеній! — замѣтилъ Усовъ. — Благо дѣло устроивается лучше, чѣмъ вы ожидали, не упускайте его и куйте желѣзо, пока оно горячо. Сегодня же составьте условіе и завезите ко мнѣ показать: умъ хорошъ, а два лучше.

Сочинивъ договоръ, я на другой день завезъ его къ Усову прочитать. Пунктовъ было немного, всего семь или восемь, и въ числѣ ихъ я написалъ, что если Варшавскій откажется отъ постройки этой дороги, то долженъ будетъ мнѣ заплатить неустойку. Усовъ возсталъ противъ этого.

— Этимъ пунктомъ,—сказалъ онъ,—вы указываете недовѣріе къ нему и совершенно напрасное. Вы видите, что онъ охотно идетъ въ дѣло и исполнить его безъ всякой угрозы, въ этомъ будьте увѣрены. Между тѣмъ неустойка оскорбитъ его самолюбіе и испортитъ все дѣло, начатое такъ хорошо.

Я согласился съ этимъ и переписалъ договоръ уже безъ неустойки. Когда я пріѣхалъ съ нимъ къ Варшавскому, то засталъ у него въ кабинетѣ человѣкъ пять какихъ-то дѣльцовъ, съ кото-

рыми онъ горячо бесѣдовалъ. Я думалъ, что онъ попросить меня обождать. Но Варшавскій при моемъ входѣ всталъ съ кресла, прошелъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу и быстро спросилъ:

— Вы условіе принесли?

— Да, — отвѣтилъ я, вынимая бумагу изъ кармана.

Онъ нетерпѣливо схватилъ ее, сѣлъ на свое мѣсто и началъ читать. Но видно отъ торопливости или занятый чѣмъ нибудь другимъ, онъ не могъ читать внимательно, потому что попросилъ меня указать тотъ пунктъ, гдѣ говорится объ участіи каждого изъ насъ въ прибыляхъ. Я указалъ. Прочитавъ этотъ пунктъ и не обративъ вниманія на остальные, онъ взялъ перо и подписался на двухъ экземплярахъ.

— Вы сами будете дѣлать изысканія? — спросилъ онъ.

— Конечно, самъ.

— Сколько вамъ нужно денегъ на это?

— Право, не знаю: мнѣ еще не случалось дѣлать изысканій.

— Хотя примѣрно скажите.

— Позвольте рублей восемьсотъ, можетъ быть, и хватитъ.

Онъ сейчасъ же написалъ записку въ контору о выдачѣ мнѣ этой суммы и, подавая ее, сказалъ:

— Пожалуйста, не откладывайте и поѣзжайте скорѣе. Я завтра уѣду за границу и пробуду тамъ мѣсяца три. Хорошо бы было, еслибъ къ моему возвращенію у васъ все было готово.

— Въ этомъ я почти увѣренъ; по крайней мѣрѣ постараюсь.

Передъ отъѣздомъ на изысканія, я навѣстилъ митрополита Иннокентія, который встрѣтилъ меня совсѣмъ уже какъ добраго знакомаго, и подробно разспрашивалъ о всемъ, что я сдѣлалъ и что буду дѣлать. Я прочиталъ ему даже мой договоръ съ Варшавскимъ.

— Вотъ это хорошо, очень радъ за васъ, голубчикъ, — замѣтилъ онъ. — Ну, и я съ своей стороны прочту вамъ письмо отъ епископа Петра. Онъ заранѣе благодаритъ васъ за устроеніе дороги. Такъ и зоветь благодѣтелемъ монастыря, хе-хе-хе! Да вотъ письмо его, прочтите сами.

Епископъ Петръ дѣйствительно благодарилъ митрополита за его содѣйствіе этому и меня за предпріятіе его. О числѣ паломниковъ онъ говорилъ, что въ лѣтнее только время считаетъ около 20.000 посѣтителей высшаго и средняго классовъ и болѣе 60.000 другихъ, изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи.

— Вотъ видите, — замѣтилъ Иннокентій, когда я возвратилъ ему письмо. — Теперь бываетъ до 60.000, а когда проложатся рельсы, такъ сколько народу поѣдетъ? Страсть! Дѣло будетъ для васъ хорошее. Начинайте его въ добрый часъ. Я самъ скоро уѣзжаю въ Москву. Когда будете тамъ, приходите ко мнѣ, поговоримъ еще. Въ Москвѣ я свободнѣе.

Поблагодаривъ его за участіе и получивъ благословеніе, я скоро снарячился въ путь, запасся нужными инструментами и поѣхалъ на станцію Крюково.

Благодаря любезному содѣйствію начальника Крюковской станціи, я нашелъ себѣ небольшой домикъ въ четыре комнатки, совершенно пустой, конечно. Отъ разныхъ служащихъ на станціи добылъ себѣ у кого столъ, у кого стулъ, кровать и кое-какія другія принадлежности походнаго хозяйства и кое-какъ устроился. На другой день я нанялъ человѣкъ восемь рабочихъ и ямщика-троечника, чтобы отвезить меня на мѣсто работъ и привозить домой.

Въ первый же день, какъ только я вышелъ въ поле съ инструментами, около меня, но держась въ сторонкѣ, началъ бродить какой-то высокій и здоровый молодой дѣтина, одѣтый въ высокіхъ сапогахъ, красной кумачевой рубахѣ, сѣромъ пиджакѣ сверхъ нея и сѣрой же войлочной шляпѣ съ полями. Все утро онъ топтался кругомъ да около, неотступно слѣдя за движеніемъ партіи рабочихъ, сначала издали, потомъ ближе, а подъ конецъ, безъ всякаго приглашенія, началъ помогать рабочимъ, то вбивать колышки, то ставить вѣхи, то держать рейки или тащить цѣпь. Это непрощенное вмѣшательство тѣмъ болѣе меня озадачивало, что онъ не только не почелъ нужнымъ спросить моего согласія, но даже не поклонился мнѣ. Не зная, кто онъ и что ему нужно, я рѣшилъ дѣлать видъ, будто совершенно не замѣчаю его и по-смотрѣть, чѣмъ это кончится. Такъ мы прошли съ нивелировкой около трехъ верстъ до полудня, когда наступило время дать рабочимъ отдыхъ и пообѣдать. Нанятый мною отставной солдатикъ изъ евреевъ, для личныхъ услугъ, вынулъ изъ телѣги мой завтракъ и разложилъ его на травѣ; рабочіе усѣлись неподалеку, а неизвѣстный преслѣдователь отошелъ въ сторонку и усѣлся на пенекъ. Съ собою у него ничего не было, и онъ жадными глазами слѣдилъ за тѣмъ, какъ я и рабочіе ѣли. Мнѣ наконецъ стало жалко его, и я послалъ своего Лепорелло-жида пригласить неизвѣстнаго закусить. Онъ быстро вскочилъ, подошелъ ко мнѣ и только тогда въ первый разъ поклонился.

— Вы, вѣроятно, также проголодались, — сказалъ я. — Не хотите ли закусить, чѣмъ Богъ послалъ?

— Покорнѣйше васъ благодарю, — отвѣтилъ онъ, садясь и принимаясь за ѣду.

Когда онъ немного утолил свой голодъ, я спросилъ, что его побудило цѣлое утро шататься около меня. Парень покраснѣлъ и, запинаясь, отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ поучиться нивелировкѣ и вообще быть чѣмъ нибудь занятымъ.

— Такъ отчего же вы прямо не обратились ко мнѣ, а бродили около, такъ что, извините, я началъ подозрѣвать васъ въ нехорошихъ умыслахъ.

Парень покраснѣлъ еще болѣе.

— Я боялся...—сказалъ онъ.

— Напрасно. Но кто вы такой, позвольте узнать?

— Я-то? У моего отца есть тутъ небольшое имѣніе недалеко... Когда будете проходить мимо, такъ, пожалуйста, зайдите; отецъ будетъ очень радъ.

— Благодарю васъ, можетъ быть, и найду, если будетъ по дорогѣ. А вы чѣмъ занимаетесь вообще?

— Ничѣмъ-съ. Я раненый.

— Какъ такъ?

— Да-съ. Былъ разъ съ пріятелемъ на охотѣ, и онъ мнѣ всадилъ въ грудь цѣлый зарядъ дробы. Думали, что умру. Долго лежалъ въ Москвѣ въ университетской клиникѣ, самъ Пироговъ дѣлалъ мнѣ операцію, дробь вынималъ. Говорятъ, рана была очень замѣчательная. Изъ-за границы доктора пріѣзжали нарочно, чтобъ меня посмотреть. Во многихъ медицинскихъ журналахъ обо мнѣ писали. У отца всѣ эти сочиненія собраны, онъ вамъ можетъ ихъ показать.

— Вотъ какъ! Да вы—европейская извѣстность!

— Точно такъ-съ, — отвѣтилъ парень, самодовольно осклабившись.

— Такъ эта рана мѣшаетъ вамъ заниматься чѣмънибудь?—спросилъ я.

— Въ военную службу изъ-за нея не принимаютъ, а къ другому дѣлу я не склоненъ.

— Но надо же что-нибудь дѣлать?

— Я бы хотѣлъ поступить къ вамъ, на желѣзную дорогу, когда она будетъ строиться. Мнѣ это было бы удобно, по близости отъ имѣнія.

— Посмотримъ, можетъ быть.

— А теперь позвольте мнѣ работать у васъ? Я бы бесплатно, такъ, лишь бы научиться.

— У меня есть рабочіе, какъ видите... но, пожалуй, помогайте что-нибудь.

Парень мой просіялъ отъ радости и дѣйствительно самымъ усерднѣйшимъ образомъ принялся помогать, исполняя всѣ мои приказанія съ величайшей охотой и быстротой. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ и обладалъ замѣчательной силой, такъ что я усомнился въ его рассказѣ о ранѣ и о томъ, что изъ-за нея онъ не былъ принятъ въ военную службу. Онъ поселился даже и жить у меня, не спрашивая на то моего согласія: спалъ на голомъ полу, не раздѣваясь, положила руку подъ голову. Утромъ

чистилъ мнѣ платье и сапоги, ставилъ самоваръ и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ, находя, что солдатъ-еврей дѣлаетъ все это не такъ хорошо. На работѣ добывалъ и ставилъ вѣхи, таская на плечахъ чуть не цѣлыя мачты, носилъ и ставилъ то рейки, то инструменты, дѣлалъ рекогносцировки для выбора направленія и вообще былъ очень полевымъ помощникомъ.

Такимъ образомъ мы дошли работою до густого хвойнаго лѣса, который надо было пересѣчь. Изъ разспросовъ мѣстныхъ крестьянъ я никакъ не могъ добиться толку, далеко ли этотъ лѣсъ простирается впереди и въ стороны, а потому и рѣшилъ предварительно проѣхать его по проселочной дорогѣ, чтобы немного ознакомиться съ его свойствами. Мой ямщикъ, молодой парень, проѣзжая въ одномъ мѣстѣ, снялъ шапку и три раза перекрестился. Я оглянулся кругомъ, но ничего рѣшительно не замѣтилъ, что могло бы вызвать молитву.

— Чего ты крестишься, Михайло?—спросилъ я.

Ямщикъ показавъ рукою на кусты и, повернувшись ко мнѣ, спокойно отвѣтилъ:

— Тутъ въ прошломъ году нашли моего брата убитымъ.

— Что ты говоришь?! Какъ это случилось?

— Да очень просто: онъ тоже, какъ и я, троешникъ былъ. Наняли его двое какихъ-то вести изъ Воскресенска на Крюково, да вотъ тутъ закинули петлю на шею, удавили и бросили въ самые эти кусты, а лошадей угнали.

— Нашли же ихъ?

— Подозрѣваютъ двоихъ изъ Еремѣвки.

— Гдѣ же они? На свободѣ?

— Нѣтъ, засадили въ острогъ, да только, говорятъ, отпустить, потому какъ за цѣлый годъ не могли собрать улику... А вы, господинъ, черезъ этотъ лѣсъ будете проходить?

— Да, надо его перерѣзать.

— А оружіе у васъ есть?

— Зачѣмъ?

— Еремѣвцы пошаливаютъ. Разбойный народъ. Послушайте меня, безъ оружія не ходите сюда.

Какъ ни странно мнѣ было слышать, что подъ самой Москвой существуетъ разбойничье гнѣздо, но въ виду убійства брата моего ямщика нельзя было пренебречь его совѣтомъ. У меня былъ привезенъ съ собою довольно большой револьверъ, который спокойно лежалъ въ чемоданѣ на Крюковской станціи, такъ какъ я не ожидалъ встрѣтить въ немъ надобность. Но теперь я рѣшилъ брать его съ собою на работу и привѣшивалъ на ремнѣ черезъ плечо, подъ пиджакомъ, такъ что его не было видно. Предосторожность эта оказалась ненеправильной.

Лѣсъ, который мнѣ надо было пересѣчь, былъ чрезвычайно

густой, еловый, съ можжевельникомъ. Этотъ можжевельникъ доставлялъ особенно много хлопотъ: онъ растетъ не высоко, но имѣетъ длинныя, часто насаженныя и густыя вѣтви, которыя начинаются у самой земли и идутъ пирамидой къ верхушкѣ. Срубить такой кустъ можжевельника гораздо труднѣе, чѣмъ свалить столѣтнюю сосну. Не мудрено, поэтому, что работа въ лѣсу шла крайне медленно, несмотря на то, что для ея ускоренія я не дѣлалъ сплошной просѣки, а только сваливалъ тѣ деревья, которыя стояли на самой линіи.

Однажды я дошелъ до небольшой, почти круглой поляны среди лѣса. Со мною были только двое рабочихъ, носившихъ инструменты, такъ какъ остальные, подъ начальствомъ раненаго помощника, ушли далеко впередъ, дѣлая просѣку.

День былъ воскресный. Я только-что установилъ нивелиръ и послалъ одного рабочаго съ рейкою впередъ, какъ изъ разныхъ мѣстъ лѣса появились мужики, въ праздничныхъ нарядахъ, но съ топорами въ рукахъ и за поясами. Они выходили изъ лѣсу въ разбродку, но всѣ направлялись прямо ко мнѣ, какъ къ центру, и вскорѣ окружили. Сначала я не обращалъ на нихъ вниманія, думая, что мужики просто любопытствуютъ, и продолжалъ свое дѣло. Но скоро ихъ собралось гораздо за сотню, и они такъ меня окружили, что заслонили инструментъ спереди.

— Раздайтесь въ сторонку, ребята,—сказалъ я торчавшимъ впереди меня.—Не мѣшайте работать!

Но на это приглашеніе никто не шевельнулся.

— Чего раздаваться?—крикнулъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.— Ты чего тутъ рубишь нашъ лѣсъ?

Я невольно оглянулъ толпу и замѣтилъ, что она настроена вовсе недружественно.

— Давно ли этотъ лѣсъ сдѣлался вашимъ?—спросилъ я.—Мнѣ думается, что онъ пока казенный!

— Хоша бы и казенный,—продолжалъ ораторъ изъ заднихъ рядовъ,—да онъ намъ даденъ для пользованія, а ты какое-такое право имѣешь рубить?

— А вотъ если ты грамотный, такъ подойди сюда и прочитай,—сказалъ я, вынувъ изъ кармана разрѣшеніе и показывая его всей толпѣ.

Но это было совершенно напрасно: толпа вовсе не думала защищать какія-то свои права на лѣсъ, которыхъ вовсе не имѣла. Я замѣтилъ, что пока я говорилъ, кругъ около меня стѣснился, и мужики имѣли на меня совершенно иные виды. Инстинктивно я оглянулся кругомъ и, замѣтивъ въ трехъ шагахъ сзади себя дерево, началъ отступать къ нему, чтобы прикрыться отъ нападенія сзади. Моихъ двухъ работниковъ не было: при появленіи

толпы они благоразумно исчезли куда-то. Дѣло становилось критическимъ. На мой вызовъ прочесть бумагу никто не отовзвался.

— Чего тутъ читать!—гадѣли въ заднихъ рядахъ.— Може, и самъ написалъ бумагу. Да что намъ бумага! Плевать мы хотимъ на бумагу!

Стоявшіе впереди, ближе ко мнѣ, молчали и только поглядывали то на меня, то на заднихъ говорунѡвъ, а тѣ голосили и напирали толпу на меня. Очевидно никакіе переговоры не привели бы тутъ ни къ чему. Я вложилъ бумагу въ карманъ и нащупалъ подъ пиджакомъ револьверъ, готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

— Ну, ребята, довольно!—крикнулъ я, какъ могъ громче, чтобъ перекричать гудѣвшую толпу.—Расходитесь и не мѣшайте мнѣ!

— Чего расходиться?—продолжали орать храбрецы въ заднихъ рядахъ.—Сколько деревъ повалилъ задарма! Лѣсъ-отъ намъ даденъ. Наше это дѣло!

Мужики рѣшительно входили въ азартъ, махали руками, перекрикивали другъ друга, грозили мнѣ, насмѣхались надъ бумагой и все плотнѣе и плотнѣе сдвигались, подъ напоромъ заднихъ рядовъ. Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать, какъ вдругъ одинъ возгласъ разомъ положилъ конецъ всей этой глупой сценѣ.

— Да что съ нимъ растобарывать!—крикнулъ кто-то изъ дальнѣйшихъ рядовъ.— Бей его, ребята!

Этого было довольно. Вся энергія, упавшая было при видѣ грозной толпы, вдругъ воспрянула во мнѣ со всею силою: я схватилъ револьверъ и, направляя его дуло въ глаза ближайшимъ ко мнѣ, крикнулъ, какъ только могъ, громко:

— Ну-ка, кто первый?

Мужики, очевидно, не ожидавшіе такого сопротивленія, ошалѣли. Передніе, стоявшіе ближе ко мнѣ, разомъ осадили назадъ и толкались, чтобъ пробить себѣ дорогу сквозь толпу. Произошло обратное движеніе—не ко мнѣ, а отъ меня. Ободренный первымъ успѣхомъ, я прикрикнулъ еще разъ:

— Расходитесь! Живо! Не то я васъ перестрѣляю!..

И вотъ, подъ вліяніемъ револьвера, о которомъ мужики, должно быть, имѣли понятіе, вся эта громадная толпа полупьянаго народа, такая грозная и опасная за минуту передъ тѣмъ, быстро разсѣялась по полянѣ и стала исчезать въ лѣсу. Какой-то, болѣе азартный, добѣжавъ до опушки лѣса, обернулся назадъ и, погрозивъ мнѣ кулакомъ, крикнулъ на прощанье:

— Ладно! Попадешься еще намъ въ руки!

Понятно, что кровь во мнѣ ходила ходенемъ отъ такого приключенія. По близости не было даже простой лужи воды, чтобы освѣжиться. Я былъ совершенно одинъ въ глухомъ лѣсу и могъ ожидать, что мужики вернутся еще, когда у нихъ пройдетъ пер-

вый страхъ отъ револьвера. Нивелиръ мой стоялъ, къ счастью, на своемъ мѣстѣ и, по осмотрѣ, оказался цѣлымъ. Успокоенный хоть въ этомъ отношеніи, я легъ на траву и ожидалъ, что будетъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ явились мои два храбрые работника и робко подошли, стыдясь, конечно, своей измѣны.

— Ушли!—сказалъ одинъ, снимая шапку.

— Да, ушли... А вы гдѣ были?

— Да что, ваша милость, не взыщи съ насъ. Все равно отъ насъ помочи тебѣ не было бы: ишь, какая орава ихъ нагрянула.

— Господь съ вами,—отвѣтилъ я, сознавая, что дѣйствительно они не могли бы мнѣ помочь.— А какіе это были мужики? Знаете вы ихъ?

— Еремѣевскіе, сударь; разбойники-народъ. Какъ-то еще Господь помиловалъ тебя?

Я показалъ имъ револьверъ, спасшій меня. Мужики не мало подивились тому, что изъ него можно сдѣлать шесть выстрѣловъ подъ рядъ.

Черезъ полчаса времени возвратился мой передовой отрядъ. Я разсказалъ раненому о приключеніи, и когда мы вернулись на станцію Крюково, то послалъ его на своей тройкѣ сообщить о нападеніи на меня становому приставу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мнѣ случилось проѣзжать черезъ село Еремѣвку, тоже въ праздничный день, когда всѣ крестьяне были дома. Завидѣвъ меня, они сбѣжались на дорогу и окружили также, какъ въ лѣсу, но на этотъ разъ совсѣмъ уже не съ тѣмъ угрожающимъ видомъ, а, напротивъ, съ почтительными поклонами и снявши шапки.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я.

— Прости насъ, ваша милость!—говорили они.—Согрѣшили мы передъ тобою.

— Ага! Это вы хотѣли меня убить въ лѣсу?

— Виноваты, родимый! Грѣхъ попуталъ! Да и выпоролъ же насъ становой за тебя! Долго будемъ помнить.

— На здорovie!

— Ужъ не прогнѣвайся, родимый. На водочку бы намъ пожаловалъ...

Такой просьбы я меньше всего могъ ожидать, и она меня такъ разсмѣшила, что я выдалъ имъ три рубля. Мужики разсыпались въ благодарностяхъ.

— Благодарите Бога,—сказалъ я имъ, показывая револьверъ,— что я не пустилъ въ дѣло этой штучки: многихъ изъ васъ теперь не было бы на свѣтѣ.

— Знаемъ, сударь, знаемъ и благодаримъ тебя покорно.

Съ тѣмъ я и расстался съ этими разбойниками.

Трудно вѣрится самому себѣ, что все это было такъ недавно, и притомъ подъ самой Москвой, а не въ глухихъ дебряхъ какой нибудь Енисейской губерніи! Еще болѣе я пораженъ былъ дикостью подмосковнаго населенія, наткнувшись на другой случай, не столь драматическій, но въ своемъ родѣ очень внушительный.

Мой ямщикъ-троечникъ обязанъ былъ каждый вечеръ, къ восьми часамъ, приѣзжать въ назначенный заранѣе пунктъ, чтобы отвозить меня домой. Такимъ пунктомъ я назначилъ однажды деревню Адуеву и, въ ожиданіи его приѣзда, зашелъ посидѣть въ одну избу. Мужики еще не вернулись съ работъ. Хозяйка, добродушная женщина, спросила меня, не хочу ли я чего поѣсть.

— Только вотъ горе, — прибавила она, — не знаю, чѣмъ тебя и попоштовать. Ничего-то у насъ нѣту, окромя похлебки.

— Такъ дай похлебки, если не обижу васъ.

— Гдѣ обидѣть! У меня большой горшокъ заваренъ, еще останется. Только не станешь ты ѣсть ее, баринъ.

— Отчего?

— Да ужъ очень поскудная похлебка.

— Покажи все-таки; можетъ быть, ты даромъ ее хаешь.

Я въ самомъ дѣлѣ думалъ, что хозяйка говоритъ такъ изъ скромности, и что ея похлебка будетъ нѣчто въ родѣ солдатскихъ щей. Она вынула изъ печи горшокъ, поставила его передо мною и дала ложку. Открывъ крышку, я былъ пораженъ сразу непріятнымъ запахомъ и непригляднымъ видомъ похлебки: въ мутной и грязноватой водѣ плавали какіе-то листья и кусочки грибовъ, а запахъ ближе всего напоминалъ запахъ мокраго грязнаго бѣлья. Не смотря на то, вооружившись храбростью, я зачерпнулъ ложкой и попробовалъ, но... проглотить не могъ и сплюнулъ.

— Вѣдь я говорила, что не станешь ѣсть,—замѣтила хозяйка.— И мы-то съ горемъ ее хлебаемъ.

— Да что ты тамъ наварила?—спросилъ я.

— Чего наварить: муки ржаной подсыпала, листьевъ подорожнику, да грибовъ сколько-то, что сегодня на работѣ собирала, вотъ-тѣ и всего.

— Что же это вы такъ плохо ѣдите?

— Нечего ѣсть-то по нашимъ мѣстамъ: хлѣбъ куды плохой родится, земля—песокъ одинъ. Вотъ кабы картофель намъ сажать, такъ мы богатѣи были бы! Картофель у насъ родится словно сахаръ: сладкій, рассыпчатый, скусный такой.

— Такъ отчего же вы не садите картофель?

— Нелзя, баринъ: мужики говорятъ, что это—чортово яблоко!

Я вытаращилъ глаза отъ удивленія: подъ Москвой-то въ наше время, и такое глупое повѣрье!

— Да вы старовѣры какіе нибудь, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Мы—православные, слава тебѣ, Господи!

— Такъ какъ же вы такому вадору вѣрите?

Баба подошла ко мнѣ и почти въ самое ухо проговорила въ полголоса:

— Я-то, сударь, не вѣрю и думаю, что Богъ все создалъ для нашей potreбы, а вотъ мужики, такъ съ ними не сговоришь. Признаться тебѣ сказать, у меня есть немного картофеля, сама сажаю кое-гдѣ, чтобъ незамѣтно было, и когда улучу времечко, то потихоньку и поѣмъ. Скусный такой картофель! Хочешь я тебѣ сварю малость?

— Свари, пожалуйста.

У нея стоялъ въ печкѣ другой горшокъ съ горячей водой. Она живо принесла горсть картофеля и сварила: по истинѣ сказать, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ я никогда не ѣлъ ничего подобного. Даже знаменитый ревельскій картофель едва ли потягался бы съ этимъ.

— Дураки же ваши мужики, — сказалъ я, съ удовольствіемъ наѣвшись досыта. — Съ такимъ картофелемъ вы могли бы богачами жить!

— Вотъ и я то же говорю, богатѣи были бы. Да что подѣлать! Темный у насъ народъ, необразованный...

Ямщикъ мой запоздалъ въ этотъ вечеръ и пріѣхалъ только за полночь. Поэтому я невольно долженъ былъ присутствовать при вечернихъ занятіяхъ мужиковъ. Мужъ и сынъ моей хозяйки, вернувшись съ поля около девяти часовъ, похлебали свой спартанскій ужинъ, потомъ, къ моему великому удивленію, усѣлись на улицѣ, на заваленкѣ, и принялись... вязать чулки! Хозяйка тоже принялась за чулокъ. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что рѣшительно вся деревня, мужики и бабы, отъ самаго стараго до самаго малаго всѣ точно также вязали чулки! Выходила точно каррикатура на крестьянскій бытъ!

— Что же это значить? — спросилъ я свою хозяйку, сидѣвшую рядомъ со мною.

— Это намъ одинъ московскій купецъ даетъ работу, — объяснила она. — Спасибо ему; все хоть малое подспорье при нашей бѣдѣ. Другихъ заработковъ у насъ нѣтъ, потому и всѣ мужики научились вязать.

Мнѣ захотѣлось добыть себѣ памятку о такомъ странномъ кустарномъ промыслѣ.

— Свяжи мнѣ полдюжины паръ, — предложилъ я хозяйкѣ.

— Не годится тебѣ, — отвѣтила она. — Вѣдь эти чулки нельзя носить.

— Отчего?

— Да нитка совсѣмъ гнилая: часу не проходишь, какъ весь чулокъ расплывается на ногѣ.

— Такъ на что же купцу такіе чулки?

— Для торговли: онъ ихъ на Нижегородской ярмаркѣ тысячами продаетъ.

Часть отъ часу не легче! Вотъ и разсуждайте послѣ всего этого о поднятіи нашего сельскаго хозяйства, о развитіи промышленности и торговли!

Около одиннадцати часовъ мужики вошли въ избу и, снявъ только сапоги, не раздѣвшись, повалились на полъ, подложивъ подъ головы небольшіе свертки изъ стараго тряпья вмѣсто подушекъ.

Боже мой, какая ужасная жизнь! Каторжники въ острогахъ живутъ сытнѣе и съ большимъ комфортомъ, чѣмъ эти несчастные труженики, которыхъ некому ни научить, ни просвѣтить... И это, опять повторяю, подъ самой Москвой, ворочающей торговлей всей Россіи!

Когда я приблизился съ изысканіями къ Воскресенску, то мнѣ было удобнѣе перенести свою штабъ-квартиру туда. Для этого я сѣзидилъ въ Воскресенскъ ознакомиться съ мѣстностью, посмотреть монастырь, выбрать мѣсто для станціи и нанять себѣ квартиру. Въ монастырѣ меня приняли не только радушно, но даже съ почетомъ, и предложили поселиться въ монастырской гостинницѣ, что я и сдѣлалъ.

Здѣсь я не буду описывать ни монастыря, ни своего кратковременнаго пребыванія въ немъ. Скажу только, что настоятель монастыря былъ изъ людей свѣтскихъ и образованныхъ, съ которыми я пріятно провелъ нѣсколько вечеровъ, слушая его разсказы о неприглядной сторонѣ монастырской жизни и о тяжелой борьбѣ, которую онъ долженъ былъ вести съ необразованными, грубыми и строптивыми монахами.

Окончивъ изысканія, я поѣхалъ въ Москву навѣстить, какъ общалъ, митрополита Иннокентія.

Сторожъ при его квартирѣ объявилъ мнѣ, что митрополитъ въ консисторіи, но скоро долженъ вернуться, и потому предложилъ мнѣ обождать съ четверть часа. Я сѣлъ въ залѣ ближе къ входнымъ дверямъ. На площадкѣ лѣстницы стояла монахиня съ бумагою въ рукахъ, очевидно, просительница. Въ скоромъ времени Иннокентій дѣйствительно возвратился, и я слышалъ, какъ онъ тяжело и медленно поднимался наверхъ, покрывая и отдуваясь. Монахиня опустила передъ нимъ на колѣни и подала бумагу, когда онъ вошелъ на верхнюю площадку.

— Чего ты шляешься ко мнѣ попусту?—закричалъ на нее митрополитъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого я никакъ не ожидалъ отъ него.—Вѣдь я не разъ говорилъ вамъ, чтобы не толкались ко мнѣ съ этими вздорами!

Монахиня что-то пробормотала, чего я не слышалъ.

— Да мнѣ какое дѣло до всего этого!—еще болѣе сердито за-

кричалъ онъ.—Вы сами не знаете тамъ, чего хотите! Съ жиру бѣситесь отъ бездѣлья! Я вотъ прикажу, чтобы васъ палками отъ меня гнали! Ступай къ себѣ и больше не смѣй ко мнѣ носа своего показывать!

Слыша все это, я подумалъ, что митрополитъ былъ чѣмъ нибудь раздраженъ въ консисторіи и пріѣхалъ домой сердитымъ, а потому и ко мнѣ отнесется недружелюбно. Не желая быть гостемъ не во время, я прижался у окна, надѣясь, что онъ въ своихъ темно-синихъ очкахъ пройдетъ мимо, не замѣтивъ меня. Но мой планъ бѣгства не удался. Онъ, какъ только поровнялся съ окномъ, у котораго я стоялъ, обернулся въ мою сторону и спросилъ: кто тутъ? Нечего было дѣлать: я вышелъ впередъ и назвалъ. Къ моему удивленію, старикъ мгновенно перемѣнился.

— А, голубчикъ!—сказалъ онъ самымъ радушнѣйшимъ голосомъ.—Очень радъ васъ видѣть! Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

И, взявъ за руку, онъ повелъ меня черезъ залъ. Лакей отворилъ дверь въ кабинетъ и посторонился, чтобы пропустить насъ.

— Распорядись-ка чайкомъ,—сказалъ ему Иннокентій.

Доведя меня до самаго письменнаго стола, онъ пригласилъ меня сѣсть въ кресло.

— А меня, старика, извините, если я при васъ немного разоблачусь,—говорилъ онъ, снимая свой бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ и ставя его на маленькій столикъ.

Затѣмъ онъ снялъ съ себя всѣ регалии и ушелъ за ширму скинуть рясу. Окончивъ все это, онъ вышелъ ко мнѣ въ голубомъ шелковомъ подрясникѣ, опоясанномъ широкимъ, шитымъ поясомъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—говорилъ онъ, оправляя волосы и усаживаясь въ кресло.—Ну, что, родимый, какъ у васъ дѣла? Рассказывайте все подробно. Мнѣ это очень любопытно.

Я передалъ ему о томъ, что кончилъ изысканія и теперь поѣду въ Петербургъ составлять техническій проектъ дороги. Между прочимъ, я передалъ ему и о своихъ приключеніяхъ во время изысканій, выразивъ удивленіе, что наткнулся на такія явленія подъ самой Москвой. Иннокентій засмѣялся, покачавъ головой.

— Сейчасъ видно питерца, который дальше Невскаго проспекта ничего не видѣлъ,—сказалъ онъ.—Да что же вы думаете, родимый, что у насъ крестьяне въ лайковыхъ перчаткахъ ходятъ, хе-хе-хе? Это что еще, около Москвы... Вы бы вотъ подальше поѣхали, такъ тамъ наглядѣлись бы на виды.

При этомъ онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ изъ веселаго на грустный и, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Да, голубчикъ, дикая еще страна Россія, очень дикая. Много-много лѣтъ должно пройти, покуда у насъ что нибудь устроится путное. Думается мнѣ, что вотъ эти самыя желѣзныя

дороги хоть немного да помогут намъ. А только дѣла хватить еще надолго, покуда мы до европейцевъ достигнемъ.

Когда подали чай, Иннокентій, предложивъ мнѣ стаканъ, началъ задавать вопросы по техническому строительству желѣзныхъ дорогъ, при чемъ удивлялъ меня иногда своими свѣдѣніями въ этомъ дѣлѣ, столь чуждомъ его профессіи. Я не преминулъ замѣтить ему объ этомъ.

— Чему же вы удивляетесь?—сказалъ онъ.—Я вѣдь тоже кое-что почитываю, не сижу медвѣдемъ въ берлогѣ. Съ людьми также выдаюсь, вотъ хоть бы съ вами теперь, говорю съ ними, выспрашиваю, учусь. Любовзательностью Господь меня не обидѣлъ.

По мѣрѣ того, какъ разговоръ оживлялся, переходя съ одного предмета на другой, я дѣлался смѣлѣе, такъ какъ добродушіе Иннокентія совершенно сгладило разстояніе въ нашихъ общественныхъ положеніяхъ. Еслибъ кто нибудь слушалъ насъ, не видя, кто говорить, то никакъ бы не угадалъ, что это бесѣдуетъ престарѣлый іерархъ московскій съ молодымъ инженеромъ, а скорѣе подумалъ бы, что говорятъ два старые пріятели. Я, между прочимъ, признался, что, услыша грозный голосъ его, обращенный къ монахинѣ, хотѣлъ потихоньку улизнуть, чтобы захватить въ другой разъ.

— Ишь вѣдь какой хитрецъ! — сказалъ Иннокентій, засмѣявшись.—То-то я и гляжу: прячется кто-то у окна. Думали, небось, что я, по слѣпотѣ своей да за синими очками, ничего и не вижу? Нѣтъ, я этими очками берегу свои глаза, а видѣть-то еще вижу довольно хорошо, благодареніе Богу. А что я прикрикнулъ на монахиню, такъ вѣдь это такой народъ, что съ ними иначе нельзя. Думаете вы, что она по дѣлу какому приходила ко мнѣ?

— Да, конечно.

— Ничего не бывало! Пришла жаловаться на товарку свою, больше ничего. Такой народъ неугомонный! Работать не любятъ, молиться—не молятся, а все промежъ себя сплетни да ссоры разводятъ. Такъ вотъ и подѣдають другъ дружку, словно скорпіоны, посаженные въ одну банку. А еще ангельскій чинъ носятъ! Какія это монахини? Торговки просто, изъ-подъ Сухаревой башни!

— Неужели это вездѣ такъ, ваше высокопреосвященство? Мнѣ вотъ епископъ Новаго Іерусалима тоже много рассказывалъ о своихъ монахахъ...

— Знаю, знаю!—перебилъ меня Иннокентій, махнувъ рукою.—А вы что же думаете? Вѣдь это все народъ лѣнивый, безпутный, дикій! Онъ въ монастырь-то идетъ не въ грѣхахъ каяться и не Богу молиться, а чтобы жить на даровомъ хлѣбѣ, больше ничего. Трудно съ ними ладить, очень трудно.

— Я слышалъ, что духовная дисциплина гораздо строже даже военной,—замѣтилъ я.

— Это смотря какъ,—отвѣтилъ Иннокентій.—Бѣлое духовенство больше подчиняется дисциплинѣ, потому что связано семействомъ: ради жены и дѣтей всякій смирится и покорится. А какойнибудь бобыль-монахъ которому терять нечего и печалиться не о комъ, чего онъ боится? На него никакой управы не найдешь. Не палками же бить его? Вотъ и маешься съ ними черезъ пень въ колоду. Я-то вѣдь изъ бѣлага духовенства...

— Знаю, ваше высокопреосвященство.

— Такъ вотъ меня и беретъ зло на этихъ людей. Бѣлому духовенству у насъ куда какъ трудно жить, по деревнямъ-то. О различныхъ я не говорю, тѣ особъ статья, имъ хорошо. А деревенскіе, мужицкіе попы, вотъ кому трудно! Съ нихъ и взыскивать-то лишнее грѣшно.

О томъ, что митрополитъ Иннокентій не любилъ чернаго духовенства, я слышалъ еще и ранѣе, поэтому нисколько не удивился его отзывамъ, высказываемымъ такъ откровенно. Пользуясь случаемъ поговорить съ нимъ, я очень хотѣлъ навести его на какіенибудь рассказы о походеженіяхъ и подвигахъ его въ Восточной Сибири, надѣясь услышать то, чего не было въ печати, но онъ всегда уклонялся говорить о себѣ и быстро переводилъ разговоръ на текущіе событія. Не смотря на свой преклонный возрастъ и на свое общественное положеніе, удалявшее его отъ мірскихъ дѣлъ, онъ былъ совершенно въ курсѣ всѣхъ событій и въ высшей степени занимался всѣмъ, что совершалось въ мірѣ. Не было такого явленія или событія въ какой бы то ни было области, которое бы онъ не зналъ такъ же хорошо, а иногда и лучше, какъ и всякій научно-образованный свѣтскій человѣкъ. Однимъ словомъ, просидѣвъ у него за чаемъ около двухъ часовъ, я совершенно не замѣтилъ, какъ прошло время, и только тогда спохватился, когда человѣкъ доложилъ объ обѣдѣ.

— Если побудете въ Москвѣ, пріѣзжайте ко мнѣ попросту, — говорилъ онъ мнѣ на прощанье.—Я очень люблю поболтать о томъ, о семъ. Читать теперь много не могу, глаза не позволяютъ, а поговорить съ добрымъ человѣкомъ все равно, какъ бы книгу прочитаешь.

Я исполнилъ его желаніе и навѣстилъ еще два раза. Онъ крайне любопытствовалъ всѣми подробностями постройки желѣзной дороги, и я долженъ былъ объяснять до мелочности, почему, что и какъ я думаю дѣлать то или это. При этихъ объясненіяхъ онъ спорилъ со мной, давалъ совѣты или выслушивалъ мои доказательства, какъ будто собирался самъ быть строителемъ и рассчитывалъ каждый грошъ. И говорилъ онъ не зря, не какъ невѣжда въ этомъ дѣлѣ, а настолько дѣловито и съ такимъ практическимъ смысломъ, что я невольно воспользовался нѣкоторыми его замѣчаніями и примѣнилъ ихъ при составленіи проекта дороги.

Ему, однако, не суждено было дожидаться осуществленія этой дороги, которая и по сей день ждетъ своего строителя.

Пока я дѣлалъ изысканія и составлялъ проектъ дороги, Варшавскій былъ за границей. Вернулся онъ только осенью и тотчасъ же послалъ ко мнѣ освѣдомиться о положеніи дѣла. Я привезъ ему свои работы, вполне подготовленные для представленія въ министерство.

— Прекрасно!—сказалъ онъ.—Теперь начнемте хлопотать о концессіи. Приѣзжайте ко мнѣ въ четвергъ, во фракъ, и вмѣстѣ поѣдемъ къ министру.

Въ четвергъ я приѣхалъ къ нему во фракъ, но отъ моего фрака дѣло нисколько не подвинулось: оказалось, что въ этотъ день почему-то невозможно ѣхать къ министру. Варшавскій просилъ меня заѣхать за нимъ, опять во фракъ, на будущей недѣлѣ.

На будущей недѣлѣ повторилась та же исторія... и такъ далѣе, съ недѣли на недѣлю. Между тѣмъ, я сталъ замѣчать, что у него всякій разъ набирается болѣе и болѣе евреевъ, глотателей счастья. Изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ фразъ я узналъ, что Варшавскій хлопочетъ о концессіи на Московско-Брестскую дорогу.

— Такъ отъ того-то вы и затягиваете нашу маленькую дорогу?—сказалъ я ему однажды.

— Это правда,—отвѣтилъ онъ,—я хочу обѣ дороги представить одновременно: при большемъ дѣлѣ маленькое пройдетъ легче. Подождите немного.

— Хорошо, я подожду.

Не помню, сколько времени я ждалъ, какъ вдругъ узнаю, что Варшавскій уже получилъ концессію на Московско-Брестскую дорогу.

— А что же наша маленькая?—спрашиваю его.

— Надо немного подождать,—отвѣтилъ онъ.—Было бы очень неудобно хлопотать о двухъ дорогахъ рядомъ. Одну навѣрное бы отказали. Вотъ теперь, когда Московско-Брестская утверждена за мною, то, немного погодя, я могу просить и о Крюковско-Воскресенской. Подождите немного.

Я опять ждалъ и всего прождалъ вообще до мая 1870 года.

Тутъ уже Усовъ, познакомившій меня съ Варшавскимъ, вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ мнѣ, что въ Петербургѣ есть англичанинъ Томсонъ Бонаръ, который охотно возьмется за это дѣло, и что на Варшавскаго, видимо, нечего болѣе рассчитывать. Для этого Усовъ познакомилъ меня съ Томсономъ Бонаромъ.

Это былъ чистокровный бриттъ, краснощекій, полный, грубоватый, который, прочтя мое условіе съ Варшавскимъ, прямо заявилъ, что онъ согласенъ замѣнить Варшавскаго, и просилъ меня взять отъ него отказъ. Я поѣхалъ къ Варшавскому и просилъ его, если онъ самъ не думаетъ продолжать дѣло, то отказаться отъ условія. Послѣ

нѣкотораго колебанія и раздумья Варшавскій сдѣлать на нашемъ договорѣ такого рода надпись:

«Изъявляю согласіе г. Эвальду пригласить къ участію въ этомъ предпріятіи и другое лицо по его усмотрѣнію, и тогда отъ меня будетъ зависѣть остаться участникомъ въ соразмѣрной части или вовсе отказаться. Почетный гражданинъ А. М. Варшавскій».

Я замѣтилъ ему о крайней неопредѣленности этой надписи, но онъ меня успокаивалъ тѣмъ, что никакъ не будетъ мѣшать дѣлу, а, напротивъ, поможетъ. Нечего дѣлать, показалъ я эту надпись Томсону Бонару.

— Да развѣ это возможно, г. Эвальдъ?! — воскликнулъ онъ. — Какъ же я войду въ дѣло, въ которое третье лицо во всякую минуту можетъ ворваться съ самыми широкими требованіями? Скажите Варшавскому, чтобы онъ или велъ дѣло самъ, или отказался отъ него вовсе, и тогда я войду въ компанію съ вами. Иначе это невозможно.

Бѣду опять къ Варшавскому, разъ, другой, третій—все не могу его видѣть: то дома нѣтъ, то крайне занятъ и просить заѣхать завтра, то опять дома нѣтъ и такъ безъ конца. Видимо избѣгаетъ свиданія со мною. Недѣли три я промучился, пока, наконецъ, не добился возможности увидѣть его и передать требованіе Томсона Бонара.

Варшавскому, очевидно, не хотѣлось разстаться съ этимъ дѣломъ, но почему-то онъ также не могъ поднять его однѣми своими силами. Онъ долго ходилъ по кабинету, раздумывалъ, спрашивалъ меня о Томсонѣ Бонарѣ, пока, наконецъ, не рѣшился.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Я отказываюсь. Напишите сами, какъ хотите, я подпишу.

Я написалъ такимъ образомъ:

«Съ сего 20-го мая 1870 г. я предоставляю г. Эвальду полную свободу дѣйствія по этому дѣлу, отказываясь отъ всякаго въ немъ участія».

Варшавскій прочиталъ, но прежде чѣмъ подписать, нѣсколько разъ макая перо въ чернильницу, все еще раздумывая и колеблясь. Онъ напомнилъ мнѣ въ эту минуту двѣ извѣстныя картины, изъ которыхъ одна изображаетъ королеву Елизавету авглійскую, подписывающую приговоръ Маріи Стюартъ, а другая—Наполеона I, подписывающаго свое отреченіе отъ престола. Однако въ концѣ концовъ онъ подписалъ свое отреченіе.

— Я сдѣлалъ это, — сказалъ онъ, подавая мнѣ бумагу, — чтобы не мѣшать устроиться этому дѣлу. Но я полагаюсь на васъ, г. Эвальдъ, что если вы окончите его, то дадите мнѣ нѣкоторое участіе, хоть небольшое.

Я далъ ему слово и поѣхалъ къ Томсону Бонару. Къ удивленію своему, застаю у него полнѣйшій разгромъ квартиры: большей части

мебели уже нѣтъ, остальную запаковываютъ и выносятъ, а самъ англичанинъ стоитъ безъ куртки, вспотѣлый и запыленный, какъ Марій на развалинахъ Карагана. Вынимаю изъ кармана отреченіе Варшавскаго и показываю ему. Онъ прочиталъ, но пожалъ плечами и покачалъ головой.

— Слишкомъ поздно! — сказалъ онъ со вздохомъ. — Очень жаль.

— Что такое случилось?

— А вотъ прочитайте.

Онъ подалъ мнѣ телеграмму изъ Лондона, въ которой его компаніоны требовали немедленнаго прекращенія дѣлъ въ Россіи и прибытія въ Лондонъ.

— Сорвалось! — могъ я только сказать, подобно Кречинскому.

ХІІ.

Умственное движеніе нашего общества въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. — Лекція Костомарова въ думѣ. — Прекращеніе лекцій профессоромъ. — Моя статья по этому поводу въ «Голосѣ». — Возраженія Лаврова и Чернышевскаго. — Вызовъ Чернышевскимъ меня на словесное состязаніе. — Я принимаю вызовъ. — Разговоръ мой съ Чернышевскимъ. — Его взгляды и теорія. — Горячій споръ. — Неблагодарный поступокъ профессоромъ. — Послѣдствія нашего словеснаго состязанія. — Объясненіе съ Краевскимъ. — Романъ Чернышевскаго «Что дѣлать». — Д. Д. Минаявъ и его экспромты. — Заключеніе.

Въ числѣ моихъ немногихъ литературныхъ воспоминаній не могу пройти молчаніемъ одного очень грустнаго случая, оставившаго во мнѣ на всю жизнь тяжелое воспоминаніе.

Говорю о моемъ невольномъ и нечаянномъ столкновеніи съ Н. Г. Чернышевскимъ.

Случилось это въ 1862 году, во время сильнаго разгара въ Петербургѣ нигилизма, со всѣми попутными ему теоріями пересозданія челоуѣчества, которыми занимались тогда не только гимназисты и студенты, но, къ сожалѣнію, и нѣкоторые люди, которыхъ принято называть солидными. Хаосъ, охватившій тогда наше общество, былъ по-истинѣ невообразимый! Какъ при вавилонскомъ столпотвореніи, всѣ перестали понимать другъ друга. Всѣ хотѣли чего-то новаго, но чего именно — рѣшительно никто толково не зналъ.

Склонный по природѣ болѣе къ созерцательной жизни, чѣмъ къ дѣятельной, я держался въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ волненій и увлеченій, зная очень хорошо, что они также скоро пройдутъ, какъ явились, потому что никакое общество не можетъ долгое время находиться въ воспалительномъ состояніи. А тогда наше общество было именно въ такомъ состояніи, которое можно приравнять только къ болѣзни — горячкѣ.

— Я читаю теперь Бокля!—заявила мнѣ, напริมѣръ, одна свѣтская барыня, никогда до тѣхъ поръ ничего не читавшая.

Разумѣется, я выразилъ ей нѣкоторое удивленіе и даже сомнѣніе въ томъ, что она пойметъ что нибудь.

— Вѣдь вы совсѣмъ исторіи не знаете,—замѣтилъ я между прочимъ,—такъ что же вы хотите извлечь отъ Бокля? И къ чему вамъ это читать?

— Ахъ, помилуйте!—возразила она.—Всѣ теперь читаютъ Бокля!

Въ другой разъ эта же самая барыня объявила мнѣ, что Бога нѣтъ...

— Куда же онъ дѣвался?—спросилъ я, улыбнувшись.

— Да его никогда и не было, это все выдумали нарочно, существуетъ только природа, и больше ничего!

— Кто это вамъ сказалъ?

— Да всѣ говорятъ, и Н., и М., и П., всѣ умные и образованные люди!

Нужно замѣтить, что барыня, о которой я говорю, была красавица, хотя и недалекаго ума, и это ея поклонники просвѣщали ее въ такомъ направленіи.

Вспоминаю объ этой барынѣ, потому что тогда много было такихъ. Онѣ читали не только Бокля, Герцена (Колоколь), но вообще всякія модныя тогда книжки, въ особенности журнала «Современникъ»; читая, ничего не понимали, конечно, твердили только ходячія выраженія, какъ попугаи, и считали себя потому какими-то Жаннами д'Аркъ, призванными къ пересозданію человѣчества, въ сопровожденіи своихъ поклонниковъ, разумѣется.

Вотъ въ это-то смутное время произошелъ случай, надѣлавшій тогда много шуму.

Извѣстный историкъ и профессоръ Костомаровъ читалъ однажды въ залѣ думы публичную лекцію, на которую собралось много студентовъ. Чѣмъ онъ не угодилъ студентамъ, я не знаю, но только на этой лекціи они освистали его. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что до того времени Костомаровъ считался наиболѣе либеральнымъ изъ всѣхъ профессоровъ и былъ любимцемъ тѣхъ же самыхъ студентовъ. Сколько я могу думать, нашъ либерализмъ тогда такъ быстро двигался впередъ, что Костомаровъ оказался, вѣроятно, отставшимъ и попалъ въ ряды умѣренныхъ, когда по ходу либеральнаго прогресса слѣдовало быть уже краснымъ.

Такъ или иначе, но на другой день послѣ этого печальнаго случая ко мнѣ пріѣхалъ Краевскій, у котораго я тогда работалъ, разсказалъ мнѣ о событіи и просилъ по поводу его написать статью.

— Пора положить предѣлъ этому безумному движенію,—говорилъ онъ съ большимъ волненіемъ.—Такою дорогою мы, Богъ знаетъ, куда найдемъ! Власть бессильна противъ этого, тутъ нужна литературная борьба. Они (т. е. нигилисты) кичатся тѣмъ, что всѣ ихъ

боятся и молчать передъ ними. Надо же кому нибудь поднять противъ этого голозъ!

Такъ какъ я самъ былъ возмущенъ грубой выходкой слушателей Костомарова, то исполнилъ желаніе Краевскаго и написалъ просимую имъ статью, которую онъ сейчасъ же и напечаталъ, поставивъ вмѣсто моей подписи букву з.

Этой статьи у меня нѣтъ подъ рукой, помню только, что въ ней я выражалъ сожалѣніе въ томъ, что студенты, вмѣсто того, чтобы учиться и подготавливаться къ будущей дѣятельности, тратятъ силы и время на занятіе политикой, причемъ указывалъ на примѣръ другихъ нашихъ университетовъ, въ которыхъ тогда было спокойно.

Трудно вообразить себѣ, какой шумъ и негодованіе произвела эта статья среди всей либеральничавшей части общества. Краевскій сталъ получать анонимныя письма, полныя всякихъ ругательствъ и въ которыхъ требовали, чтобы онъ объявилъ имя автора для преданія его публичному опельмованію. Въ этихъ же письмахъ мнѣ грозили кто побоями, кто даже смертью, обѣщая застрѣлить изъ-за угла, какъ собаку. Краевскій не на шутку испугался за себя и за меня и совѣтовалъ мнѣ принять мѣры предосторожности. Но что же я могъ сдѣлать? Уѣхать куда нибудь, только. Но это было противно моимъ понятіямъ, такъ какъ, писавши статью, я вовсе не намѣренъ былъ скрываться и показывать кукишъ въ карманѣ. Поэтому я рѣшилъ не только не скрываться, во даже ни въ чемъ не измѣнять своего образа жизни и даже хотѣлъ написать въ университетъ, предложить гг. студентамъ явиться на ихъ сходку, для личныхъ объясненій. Но отъ этого послѣдняго шага меня отговорили. Не знаю, какая бы гроза разразилась надо мною, если бы начавшееся движеніе противъ моей личности не было ослаблено тѣмъ, что во главѣ его стали такіе корифеи тогдашняго либерализма, какъ полковникъ Лавровъ и Чернышевскій. Молодежь нѣсколько успокоилась, ожидая, что эти два колосса либерализма разобьютъ меня въ пухъ и прахъ.

Началось съ того, что Лавровъ прислалъ Краевскому возраженіе на мою статью, которое Краевскій сообщилъ мнѣ при слѣдующей запискѣ:

«Вотъ какую статью и съ какимъ письмомъ прислалъ ко мнѣ г. Лавровъ. Прочтите ее и скажите мнѣ свое мнѣніе. Если напечатать статью, то надо приготовить отвѣтъ равносильный, а это Богъ знаетъ до какихъ откровенностей можетъ довести!»

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Краевскаго слѣдующее письмо:

«Статья Лаврова пропущена цензурою безъ всякихъ измѣненій. Посылаю вамъ съ нея точную копію. Откладывать долго помѣщеніе ея нельзя: надо скорѣе вашъ отвѣтъ, чтобы обѣ статьи появились одна вслѣдъ за другою. Сверхъ того, Чернышевскій пригото-

вилъ къ выходящей книжкѣ «Современника» отвѣтъ на вашу статью, доказывая, что молодежь жаждетъ учиться, но что ей мѣшали, и рассказываетъ постепенно... распоряженія, закрытіе университета, ссылку Павлова, вынудившую, со стороны профессоровъ, прекращеніе лекцій въ думѣ и пр. Не знаю, въ какомъ видѣ дозволится эта статья, но по всему видно, что свистуны сильно оскорблены вашею статьею. Пиша отвѣтъ Лаврову, имѣйте въ виду могущую появиться надняхъ статью Чернышевскаго: можно бы, пожалуй, предупредить ее, сказавъ, что вотъ существуетъ такое-то мнѣніе—небезосновательное или неосновательное потому-то и потому-то. Костомаровъ мнѣ говорилъ, что ему также хочется написать по поводу вашей статьи замѣтку, въ которой выводъ будетъ такой: молодежь хочетъ учиться—только не мѣшайте ей въ этомъ ни сверху, ни снизу. Пожалуйста, отвѣтите, когда должно пустить въ печать статью Лаврова, т. е. когда вы можете прислать свое возраженіе».

Какъ писалъ Краевскій, такъ и было: въ вышедшемъ номерѣ «Современника» была помѣщена большая статья Чернышевскаго, въ которой, рѣзко нападая на меня и оправдывая студентовъ, онъ предлагалъ мнѣ въ заключеніе личное свиданіе, при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ, чтобы фактически доказать мнѣ невиновность студентовъ въ запрещеніи публичныхъ лекцій.

— Примете вы этотъ вызовъ?—спросилъ меня Краевскій.

— Разумѣется. Только не знаю, кого выбрать въ свидѣтели.

— Возьмите Лохвицкаго¹⁾ и Скарятину²⁾. Они оба мастера говорить и могутъ быть вамъ полезны.

— Хорошо, мнѣ все равно кого.

Поэтому я написалъ Чернышевскому слѣдующее письмо:

«М. Г. Николай Гавриловичъ.

«Вамъ угодно было предложить мнѣ на личномъ свиданіи представить доказательства тому, что не г.г. студенты Петербургскаго университета были причиною прекращенія публичныхъ лекцій. Отъ души радуясь случаю убѣдиться въ этомъ и даже печатно оправдать студентовъ въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на нихъ, я не только желаю, но даже обязанъ принять ваше приглашеніе, вслѣдствіе чего имѣю честь покорнѣйше просить васъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, по прилагаемому адресу. О времени нашего свиданія предлагаю вамъ условиться съ В. Д. Скарятинимъ, который взялъ на себя трудъ передать вамъ это письмо и сообщить имена свидѣтелей, приглашенныхъ по вашему желанію».

¹⁾ Александръ Владиміровичъ, присяжный повѣренный.

²⁾ Владиміръ Дмитріевичъ.

На другой день, 25-го мая, я получилъ отъ Скарятина такую записку:

«Я видѣлся съ г. Чернышевскимъ вчера вечеромъ, и условились сойтись въ понедѣльникъ (30-го мая) въ 8 часовъ вечера. Не худо бы намъ повидаться раньше, ибо я хотѣлъ бы передать вамъ многое, что говорилъ мнѣ г. Чернышевскій».

Въ назначенное время мы собрались, въ домѣ нынѣшняго Владимірскаго городского училища (тогда уѣзднаго), въ которомъ я жилъ. Чернышевскій явился съ Г. Елисѣевымъ и М. Антоновичемъ. Мы расположились за столомъ такъ, что я сидѣлъ противъ Чернышевскаго, имѣя по бокамъ Лохвицкаго и Скарятинъ, а Елисѣевъ и Антоновичъ сѣли по бокамъ Чернышевскаго.

Чтобы скорѣе окончить дѣло, Чернышевскій предложилъ вести его протокольнымъ порядкомъ. Я согласился.

Тогда онъ взялъ листъ бумаги и написалъ первый пунктъ протокола: «1) Мнѣніе Чернышевскаго. Исполненіе дѣла должно быть приписано лицу, принявшему, или лицамъ, принявшимъ рѣшеніе совершить его».

Лохвицкій и Скарятинъ начали было оспаривать это мнѣніе и не хотѣли мнѣ дозволить выразить свое согласіе, но Чернышевскій справедливо остановилъ ихъ, сказавъ, что они приглашены быть только свидѣтелями и не должны вмѣшиваться въ мой споръ съ нимъ по существу. Подумавъ немного, я подписалъ, что согласенъ съ этимъ мнѣніемъ моего противника.

Тогда Чернышевскій вынулъ изъ кармана цѣлый пакетъ писемъ профессоровъ университета, въ которыхъ они заявляли, что еще задолго до случая съ Костомаровымъ отказались отъ чтенія публичныхъ лекцій. Прочитывая эти печальныя письма, Чернышевскій передавалъ мнѣ ихъ по очереди, для устраненія всякихъ недоразумѣній въ поддѣлкѣ.

Исторія прекращенія публичныхъ лекцій была въ то время всѣмъ хорошо извѣстна, поэтому понятно будетъ, какъ возмутили меня эти письма, писанныя очевидно заднимъ числомъ. Какъ ихъ добылъ Чернышевскій, я не знаю, но письма я самъ читалъ и сомнѣваться въ нихъ не имѣлъ повода. Когда я прочелъ всѣ письма, Чернышевскій написалъ второй пунктъ протокола: «2) Чернышевскимъ были прочтены записки четырнадцати изъ числа читавшихъ лекціи профессоровъ,—записки, выражавшія рѣшеніе писавшихъ прекратить или приостановить чтеніе публичныхъ лекцій. Записки эти написаны были 6 и 7 марта и 8 марта, до закрытія публичныхъ лекцій».

Лохвицкій и Скарятинъ снова горячо возстали противъ представленія этихъ писемъ, доказывая, что они вынуждены были силою и писаны заднимъ числомъ, что это не честно ловить противника подобными средствами, и многое тому подобное. Съ ними вступили

въ горячіе споры Елисѣевъ и Антоновичъ, и шумъ поднялся такой, что я вышелъ въ другую комнату, подъ предлогомъ выпить стаканъ воды. Чернышевскій воспользовался этимъ и, выйдя вслѣдъ за мною, взялъ меня подъ руку и началъ горячо доказывать мнѣ, какую грубую ошибку я сдѣлалъ, написавши свою статью.

— Вы видите,—говорилъ онъ,— что за люди эти профессора! Это тѣ же полицейскіе чиновники, которые, ради сохраненія своего жалованья, готовы поступиться чѣмъ угодно. И ради нихъ-то вы выступили противъ несчастной молодежи, которую атакуютъ и преслѣдуютъ теперь со всѣхъ сторонъ, какъ дикаго звѣря на охотѣ! Неужели вы думаете, что у правительства мало силы, что сочли нужнымъ содѣйствовать ему своимъ перомъ? Да развѣ оно не можетъ, если захочетъ, разомъ уничтожить всѣ университеты и разослать всѣхъ студентовъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ? Кто можетъ ему въ этомъ помѣшать? Не дѣло ли наше, людей болѣе или менѣе образованныхъ, защищать тѣ небольшіе проблески образованія, которые чуть теплятся еще кое-гдѣ? Изъ вашей статьи я вижу, что вы далеко не придерживаетесь тѣхъ принциповъ, которымъ слѣдую я, но во всякомъ случаѣ между мною и вами есть одно общее—это образованіе, которое можетъ служить между нами связующимъ цементомъ. Я надѣюсь, поэтому, что вы поймете меня. Можетъ быть, мы съ вами идемъ и разными дорогами, но я не сомнѣваюсь, что цѣль у насъ—одна.

— Нѣтъ, Николай Гавриловичъ,—перебилъ я,—мнѣ кажется, что и цѣли у насъ различныя. Я, какъ инженеръ по воспитанію, хотѣлъ бы строить и вообще созидать что нибудь благое; а вы, сколько мнѣ извѣстно, проповѣдуете разрушеніе...

— Да, конечно!—въ свою очередь перебилъ онъ меня.—Но это разрушеніе необходимо именно для того, чтобы расчистить мѣсто для новыхъ построекъ. Вы, какъ инженеръ, тѣмъ болѣе должны это понимать. И въ евангеліи даже сказано: нельзя вливать вина новаго въ мѣхи старые. Преобразованія необходимы, это сознаетъ даже правительство. Но оно хочетъ отдѣлаться только палліативными средствами, кое-какими заплатами на ветхомъ рубищѣ. Изъ этого, разумѣется, ничего не выйдетъ. Намъ нужны радикальныя реформы, нужно пересоздать не одни учрежденія, а самое общество! А для того, чтобы этого достигнуть, прежде всего необходимо разрушить все старое, къ чему я и направляю всѣ свои усилія.

— Ну, вотъ видите ли,—возразилъ я,—мы съ вами расходимся въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Мое убѣжденіе такое, что исторію передѣлать нельзя. Народъ, прожившій тысячу лѣтъ въ извѣстной формѣ учрежденій, никоимъ образомъ не можетъ и не захочетъ въ короткое время облечься въ форму другихъ учрежденій, ему совершенно чуждыхъ. Для этого понадобится новая тысяча лѣтъ, не менѣе. Разрушьте хоть сегодня все существую-

щее, и завтра же народъ прогонитъ васъ и возсоздастъ все вами разрушенное только потому, что къ старому онъ привыкъ, сжился съ нимъ, хотя оно, можетъ быть, и худое. Если единичный человѣкъ не можетъ разомъ отдѣлаться отъ своихъ привычекъ, то какъ же вы хотите требовать подобной метаморфозы отъ цѣлаго народа?

— Такъ, по-вашему, надо оставить его коснѣть въ своемъ дикомъ состояніи?

— Я этого не говорю. Его надо и учить и измѣнять для него существующія учрежденія на болѣе лучшія, но это надо дѣлать постепенно, по мѣрѣ надобности, не разрушая безъ толку всего созданнаго прошлымъ. Наши отцы были менѣ насъ свѣдущи, но они были не глупѣ насъ, и въ ихъ учрежденіяхъ не все было дурно.

— Я сейчасъ же докажу вамъ, какъ вы глубоко ошибаетесь!— горячо воскликнулъ Чернышевскій.— Развѣ французская революція не разомъ пересоздала не только Францію, но даже и всю Европу?

— Вотъ этого-то пересозданія я и не вижу, Николай Гавриловичъ. Мнѣ случилось быть во Франціи, и тамъ я въ особенности наблюдалъ за этимъ явленіемъ. Простой народъ тамъ такой же невѣжда, какимъ былъ, вѣроятно, и при Людовикѣ XIV. Никакія соціальныя доктрины не коснулись до него. Будь это иначе, Наполеонъ III никогда не завладѣлъ бы такъ легко престоломъ, какъ это ему удалось. А теперь, при Наполеонѣ III, во Франціи гораздо хуже жить, чѣмъ у насъ. Жандармы тамъ стоятъ чуть ли не у вашей постели, чтобы слѣдить даже за вашимъ бредомъ. Это необходимое послѣдствіе именно такихъ быстрыхъ революцій, какія были во Франціи. А вы именно къ этому хотите вести Россію, какъ я понимаю.

— Нѣтъ, совсѣмъ не къ этому! Мы хотимъ, прежде всего, воспитать молодое поколѣніе на другихъ началахъ, чтобы оно уже со временемъ сдѣлало то, чего мы не успѣемъ. Вы видите, — прибавилъ онъ засмѣявшись, — что мы тоже въ своемъ родѣ — постепенцы и идемъ къ своей цѣли очень обдуманно.

— Но прежде чѣмъ вы ее достигнете, сколько народу вы истребите даромъ, сколько молодыхъ силъ погубите?

— Э! Боже мой! Такъ что же изъ этого? Жертвы необходимы. Губятъ же людей на войнахъ за самые пустые предлоги, и вы не плачете о нихъ! А въ нашемъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, великая цѣль оправдываетъ гибель пионеровъ. Я, можетъ быть, и самъ погибну, такъ что же дѣлать? По крайней мѣрѣ умру съ сознаніемъ, что не даромъ прожилъ свой вѣкъ, и на моихъ костяхъ вырастетъ дерево новой цивилизаціи! Мнѣ кажется, что каждый образованный и честный человѣкъ не можетъ иначе разсуждать и дѣйствовать.

— А вотъ я считаю себя и образованнымъ и честнымъ, и все-таки не могу согласиться съ вами. Жизнью не трудно пожертвовать: бывши военнымъ, я стоялъ передъ дулами непріятельскихъ орудій, не зная даже, за что я рискую своей жизнью, и могу васъ увѣрить, что въ этомъ ничего нѣтъ особеннаго. Дѣло не въ храбрости и не въ пожертвованіи никому не нужной моей жизни, а въ томъ, что у меня есть сознаніе, что свою жизнь я могу употребить съ большою пользою, чѣмъ проповѣдая ваши разрушительные принципы. Я не смѣю давать вамъ совѣты, но мнѣ крайне обидно, что вашъ огромный талантъ и ваши обширныя знанія вы кидаете подъ ноги жандармовъ. Другого, вѣдь, ничего не будетъ...

— Нѣтъ, не говорите! Наше движеніе распространяется гораздо сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и все, что мы посѣемъ, не пропадетъ безплодно. Но, однако, мы отвлеклись отъ дѣла. Я вижу, что мы не разубѣдимъ другъ друга, а потому бросимте этотъ разговоръ до другого, болѣе удобнаго случая. Такъ, какъ же вы порѣшите съ нашимъ протоколомъ? Согласны вы, что не студенты виноваты въ прекращеніи лекцій?

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Однако же вы прочитали письма профессоровъ?

— Да неужели вы думаете, Николай Гавриловичъ, что имѣете дѣло съ малыми ребятами, которые не умѣютъ отличить фольги отъ золота?

— Иногда фольга бываетъ дороже золота,—сказалъ Чернышевскій, засмѣявшись. — Во всякомъ случаѣ къ какому же рѣшенію вы пришли?

— Я подпишу вашъ протоколъ, но не потому, что вы убѣдили меня, а потому, что поступокъ профессоровъ меня возмутилъ.

— Это мнѣ все равно. Въ вашу душу я залѣзть не хочу. Такъ вы подпишете?

— Подпишу.

— Честное слово?

— Другихъ словъ я не даю.

— Вы простите меня за этотъ вопросъ. Но дѣло въ томъ, что Лохвицкій и Скарятинъ нападутъ на васъ и будутъ противиться этому.

— Очень можетъ быть, но я не боюсь ссоры съ ними, какъ не боялся столкновенія со всей вашей партіей и съ вами.

— Вотъ это хорошо сказано! Дайте вашу руку!

Чернышевскій искренно пожалъ мнѣ руку, и когда мы правились въ комнату нашего засѣданія, онъ прибавилъ почти у порога:

— Какъ жаль, что вы не можете слѣдовать за мной, хотя я не теряю надежды, что со временемъ вы будете нашимъ.

Между тѣмъ споръ между Антоновичемъ и Елисеѣвымъ съ одной стороны Лохвицкимъ и Скарятинымъ съ другой принялъ такіе размѣры, что ихъ приходилось разнимать чуть не силою. Не мало труда пришлось употребить Чернышевскому и мнѣ, чтобы заставить ихъ выслушать насъ. Когда, наконецъ, буря кое-какъ укротилась, Чернышевскій объявилъ, что я согласился съ его мнѣніемъ и, взявъ листъ протокола, написалъ на немъ:

«Выслушавъ доводы г. Чернышевскаго, я, нижеподписавшійся, убѣдился въ томъ, что не гг. студенты участвовали въ прекращеніи публичныхъ лекцій».

— Согласны вы подписать это?—спросилъ онъ меня.

Я молча взялъ перо, но Скарятинъ вырвалъ его изъ моихъ рукъ и началъ кричать, что ни за что не позволитъ сдѣлать это! Лохвицкій поддерживалъ его, а Чернышевскій, Елисеѣвъ и Антоновичъ возстали противъ такого насилія надъ свободою моихъ дѣйствій, и споръ между ними поднялся еще болѣе шумный и горячій; всѣ пятеро кричали, едва ли слушая другъ друга, такъ какъ дѣйствительно въ этомъ общемъ гамѣ невозможно было раз-слышать или разобрать что нибудь. Надо было чѣмъ нибудь покончить этотъ бесполезный и безконечный споръ. Улучивъ минуту, когда на меня никто не обращалъ вниманія, я подписалъ заключеніе протокола и закричалъ, на сколько только хватило моего голоса:

— Господа! Готово! Протоколъ подписанъ!

Всѣ бросились къ столу и, увидя мою подпись, утихли, очевидно, подъ впечатлѣніемъ безповоротно совершившагося факта. На минуту водворилось чуть не гробовое молчаніе. Чернышевскій, Антоновичъ и Елисеѣвъ, торжествуя свою побѣду, а Лохвицкій и Скарятинъ, подавленные пораженіемъ, котораго видимо не ожидали, нѣсколько времени не знали, что сказать. Первымъ возвысиль голосъ Скарятинъ.

— Что вы сдѣлали?!—воскликнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ.— Вы зарѣзали насъ безъ ножа! Теперь эти господа будутъ носиться повсюду, показывая вашу подпись, какъ лучшее доказательство своей правоты! Вы сами уничтожили все то хорошее, что сдѣлали вашей статьей. Вы только доставили лишнее торжество красной партіи и измѣнили своей...

— Позвольте, Владиміръ Дмитріевичъ!—перебилъ я его.—Считаю нужнымъ замѣтить, что я ни къ какой партіи не принадлежу, а потому и измѣнять никому не могъ. Я дѣйствую только лично отъ себя.

— Нѣтъ, въ этомъ случаѣ вы дѣйствовали отъ всѣхъ насъ, такъ какъ только на этомъ основаніи я и г. Лохвицкій согласились быть вашими ассистентами.

— Между нами не было этого условія, вы ошибаетесь.

— Такъ неужели съ вами надо было заключать контрактъ?

— Да, если вы рассчитывали выставить меня орудіемъ какой-то своей партіи, тогда бы я отказался подписать этотъ контрактъ.

— Такъ теперь вы перешли на сторону Чернышевскаго и компаніи?

— Объ этомъ вы спросите у г. Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ,—обратился я къ нему,—скажите, на чемъ мы съ вами остановились?

Чернышевскій улыбнулся своей саркастической улыбкой.

— Успокойтесь, г. Скарятинъ,—сказалъ онъ.—Вы, можетъ быть, еще не разъ перемѣните цвѣтъ своей партіи, а Эвальдъ останется всегда тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, когда писалъ свою статью. Я съ нимъ хоть немного переговорилъ сейчасъ, но достаточно узналъ. Вѣдь не даромъ говорится: птица видна по полету.

Скарятинъ, вообще горячившійся болѣе Лохвицкаго, пробовалъ было еще возражать и даже гровить мнѣ тѣмъ, что имя мое перейдетъ даже въ исторію, какъ имя отступника, но дѣла измѣнить уже было нельзя, да еслибъ и можно было, то я бы не измѣнилъ.

Чернышевскій, Елисѣевъ и Антоновичъ дружески распростились со мною, а Лохвицкій и Скарятинъ ушли, едва кивнувъ головою. Прямо отъ меня они отправились къ Краевскому съ докладомъ объ исходѣ дѣла и, конечно, съ жалобами на меня.

Нужно замѣтить, между прочимъ, что во все время нашего засѣданія, передъ окнами квартиры, гдѣ мы собрались, ходилъ взадъ и впередъ Лавровъ, нетерпѣливо ожидавшій конца совѣщанія, и когда Чернышевскій вышелъ, то онъ взялъ его подъ руку, и они пошли вмѣстѣ. Упоминаю объ этомъ мелочномъ случаѣ только для того, что онъ показываетъ, какъ главари либеральной партіи интересовались исходомъ этого дѣла.

На другой день я поѣхалъ къ Краевскому, въ Царское Село, гдѣ онъ жилъ въ то время на дачѣ. Какъ я говорилъ, онъ уже былъ предупрежденъ Скарятинымъ и Лохвицкимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня, чтобы выслушать о дѣлѣ съ другой стороны. Я замѣтилъ, однако, или мнѣ показалось, что онъ встрѣтилъ меня съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой, и потому прямо сказалъ ему:

— *Audiatur et altera pars*, Андрей Александровичъ.

— Да-да, — отвѣтилъ онъ. — Мнѣ необходимо выслушать васъ. Садитесь и рассказывайте.

Тогда я передалъ ему со всѣми подробностями всю сцену моей словесной дуэли съ Чернышевскимъ. Я ожидалъ, что онъ будетъ меня осуждать, подобно Скарятину, но, къ моему удивленію, онъ взглянулъ на дѣло совершенно иначе.

— Вы хорошо сдѣлали, — сказалъ онъ, — что уступили, хотя и фальшивымъ доказательствамъ. Молодежь виновата, это неоспоримо, но надо помнить, что она все-таки молодежь, которая черезъ нѣ-

сколько времени одумается, и потому бессмысленно было бы преслѣдовать ее безъ пощады. Вотъ Скарятинъ этого не понимаетъ, сколько я ни спорилъ съ нимъ вчера. Онъ видитъ въ студентахъ какъ бы своихъ личныхъ враговъ и готовъ преслѣдовать ихъ безъ конца. Зачѣмъ? Ваша статья сдѣлала свое дѣло: теперь понемногу начнется движеніе, противоположное красному либерализму, и равно-вѣсіе въ обществѣ востановится. Это все, чего нужно было.

Затѣмъ онъ меня разспрашивалъ еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ свиданія и о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Чернышевскій своей личностью.

Всѣ подробности этого эпизода были тогда же записаны мною, и я не разъ прочитывалъ ихъ лицамъ, интересовавшимся этимъ событіемъ, а потому передаю ихъ почти со стенографическою точностью.

Чернышевскій, какъ извѣстно, пострадалъ за свои убѣжденія, и, конечно, эти страданія искупили его грѣхъ передъ обществомъ. Въ настоящее время никто не станетъ защищать теоріи, которая онъ проповѣдовалъ, но какъ ни ложны онѣ были, онъ вѣрилъ въ нихъ искренно и съ убѣжденіемъ. Это былъ чисто кабинетный мыслитель, совершенно не знавшій ни жизни, ни людей, и воображавшій, что людьми также легко управлять, какъ легко писать на бумагѣ.

Въ этомъ состояла вся ошибка его жизни и дѣятельности. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, онъ составилъ бы себѣ громкое имя въ совершенно иной сферѣ, но въ ту горячую эпоху онъ отдался теченію со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры и долженъ былъ погибнуть, въ силу афоризма: невозможное—невозможно. А Чернышевскій требовалъ отъ общества именно невозможнаго, чтобы оно совершенно переродилось по одному мановенію его пера.

При этомъ я не могу не указать на одно чрезвычайно странное обстоятельство. Свой знаменитый романъ «Что дѣлать?» Чернышевскій писалъ уже будучи арестованнымъ. Романъ этотъ печатался въ «Современникѣ», когда надъ авторомъ его производилось слѣдствіе и судъ! Какъ объяснить это странное явленіе? Безпорядками ли въ тогдашней администраціи; тѣмъ ли, что одно учрежденіе не знало, что дѣлается въ другомъ, или что одно учрежденіе держалось однихъ принциповъ, а другое—другихъ, или, наконецъ, тѣмъ, что администрація не придавала значенія литературной пропагандѣ и судила Чернышевскаго не за его теоріи, а только за какія нибудь дѣйствія? Во всякомъ случаѣ мы присутствовали тогда при необыкновенномъ явленіи: антигосударственной проповѣди, исходящей изъ арестантской камеры! Проповѣдь эта передавалась въ редакцію журнала чинами администраціи, обязанными охранять существующій строй!

А между тѣмъ этотъ романъ, проходившій черезъ строгую жандармскую цензуру, поднялъ, такъ сказать, на ноги всю тогдашнюю молодежь. По образцу, данному въ романѣ, у насъ начали образовываться маленькія коммуны, съ свободнымъ сожительствомъ обоихъ половъ, въ водоворотъ которыхъ погибли безвременно не сотни, а, можетъ быть, тысячи несчастныхъ дѣвушекъ, бросившихъ свои семейства, чтобы заняться проституціей на политической подкладкѣ...

Занимаясь въ разное время въ разныхъ журналахъ, я, не смотря на это, не составилъ себѣ большого литературнаго знакомства. Происходило это не оттого, чтобы я избѣгалъ знакомствъ, но потому, что я не искалъ ихъ и, конечно, въ убыткѣ остался только самъ. Въ журналистикѣ знакомства, связи и протекція играютъ совершенно такую же роль, какъ на государственной службѣ, въ театрахъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности. Многіе писатели наши, умѣвшіе знакомиться и пользоваться знакомствами, составили себѣ вполне обеспеченныя и почетныя положенія, даже довольно кругленькія состоянія, хотя читающая публика совершенно ихъ игнорируетъ.

Къ числу такихъ же, какъ я, неумѣлыхъ людей въ жизни, принадлежалъ и Д. Д. Минаевъ, съ которымъ я познакомился даже не въ литературномъ обществѣ, а доброй памяти въ клубѣ художниковъ.

Человѣкъ несомнѣнно талантливый и очень остроумный, но слабо образованный и безхарактерный, Минаевъ всегда оставался въ тѣни и не оставилъ крупнаго слѣда въ литературѣ, на что ему давали право его природныя способности. Нуждаясь постоянно въ насущной копейкѣ, обремененный семействомъ и несчастливый въ семейной жизни, онъ размѣнялся, какъ говорится, на мелочь, чѣмъ, разумѣется, пользовались всякіе издатели и эксплуатировали его самымъ беспощаднымъ образомъ.

Риемою Минаевъ владѣлъ, какъ никто. Я не сомнѣваюсь, что самъ Пушкинъ, сказавшій про риемы, что къ нему «двѣ придутъ сами, третью приведутъ», отдалъ бы въ этомъ отношеніи Минаеву пальму первенства. Не помню, кто-то изъ литераторовъ выразился, что минаевская риема свободна даже до разврата. Это дѣйствительно очень мѣткое опредѣленіе его риемы. Позволю себѣ привести здѣсь, въ подтвержденіе этого, небольшой его экспромтъ. Я послалъ ему однажды (въ октябрѣ 1879 г.) приглашеніе пріѣхать къ завтраку, написанное стихами, разумѣется очень грубыми, такъ какъ ни стихосложеніемъ, ни риемою я совершенно не владѣю. Въ отвѣтъ онъ мнѣ прислалъ слѣдующее:

«Я къ Аркадію Васильичу
Порывался много разъ,
Но — «пока я васъ не выдѣчу,
Не пушу изъ дому васъ», —
Такъ сказалъ мнѣ докторъ въ среду,
Лишь лафитъ позволилъ пить
И велѣлъ компрессы съ переду
Отъ катарра мнѣ носить...
Ноги, руки точно всѣ во льду,
Голова же горяча, —
Такъ могу ли ѣхать къ Эвальду
И ослушаться врача?...
Не вините же Минаева,
Какъ супругъ, такъ и жена.
Порѣшивши, что вина его —
Поправимая вина».

Ясное дѣло, что надъ такимъ стихотвореніемъ онъ не задумывался, и всѣ эти «развратныя» рѣшѣнія вышли у него экспромтомъ.

Въ другой разъ былъ такой случай. Понадобилась мнѣ виньетка для «Всеобщей Газеты», которую я одно время редактировалъ. Академикъ М. О. Микѣшинъ нарисовалъ мнѣ печатный станокъ древней формы и около него нѣсколько гномовъ: одинъ, лежа на полу, пишетъ; другой, приставивъ палецъ ко лбу, цензируетъ; третій — печатаетъ, а остальные — читаютъ уже напечатанное. Я свезъ этотъ рисунокъ Минаеву и просилъ его написать къ нему подходящее стихотвореніе. Онъ поглядѣлъ внимательно, подумалъ немного и потомъ, взявъ перо, съ одного почерка, безъ остановки и безъ помарокъ, написалъ слѣдующее:

«То явно, то исподтишка
Брапятъ станокъ печатный всюду,
А безъ печатнаго станка
Грозитъ смертельная тоска
Всему читающему люду».

Угнетаемый постоянною нуждою и семейнымъ разладомъ, Минаевъ долгое время искалъ утѣшенія въ винѣ и тѣмъ еще болѣе вредилъ себѣ. Но въ послѣдствіи онъ бросилъ пить совершенно, хотя уже довольно поздно, такъ какъ здоровье его было совершенно распатано. Послѣдніе свои годы онъ прожилъ въ Симбирскѣ и иногда переписывался со мною.

Въ 1888 году небольшая группа журналистовъ задумала предпринять изданіе большой газеты, къ участію въ которой приглашенъ былъ и я. Къ этому товариществу хотѣлъ примкнуть также одинъ типографъ, съ которымъ мы и вели переговоры. По этому поводу я написалъ Минаеву, отъ котораго вскорѣ получилъ слѣдующее письмо, очень наглядно характеризующее его положеніе и взгляды.

«Любозный друг!»

«Видно, житейскій опытъ тебя мало проучилъ, и ты еще вѣришь пѣнію сиренъ съ издательскими лапами. Чего можно ждать отъ П. и его изданій? Какія у него права на веденіе большой газеты? Гдѣ возможность конкурировать съ «Новостями» и «Новымъ Временемъ»? Все это я къ тому, что положительно не вѣрю въ успѣхъ предпріятія, но отъ сотрудничества подѣ твоимъ редакторствомъ, разумѣется, не отказываюсь, если при этомъ будетъ подходящій и симпатичный кружокъ сотрудниковъ. Такъ, напримѣръ, съ Н.я никогда не желалъ бы работать въ одномъ изданіи.

«Въ журналистикѣ мой порокъ—нетерпимость, а ты, кажется, не страдаешь этимъ порокомъ, судя по компаніи, въ которой собирався работать.

«Но о подробностяхъ пока говорить нечего, такъ какъ ваше дѣло—еще дѣло, на водѣ вилами писанное. Отвѣчаю только на твои вопросы.

«У тебя въ газетѣ я могъ бы взять на себя еженедѣльный общественно-литературный фельетонъ (подобные я писалъ въ «Молвъ» и въ «Московскомъ Телеграфѣ») по прежнему условію—по 75 рублей за фельетонъ. Кромѣ того, согласился бы писать отдѣльныя статьи и замѣтки по 15 коп. строка прозы. Затѣмъ, мое правило—съ незнакомыхъ издателей (такъ дѣлалъ я съ М. Т.) получать гонораръ за каждый фельетонъ впередъ. Вотъ и все. А посулами жалованья меня, братъ, не заманишь. Сколько разъ разные П. сулили мнѣ и жалованье и разныя прибавки и всѣ надували, не исключая гр. К. Б. и Бл—ва. Не вѣрь и ты самъ новому или проектированному антрепренеру и вообще не увлекайся: не наше время теперь, мой милый. Во всякомъ случаѣ, однако, желаю тебѣ полной удачи и братски обнимаю тебя».

Это коротенькое письмо вполне обрисовываетъ настроеніе Минаева, какъ видно, совершенно разочарованнаго нашей журналистикой и озлобленнаго противъ ея эксплуататоровъ-издателей. Тутъ же онъ упоминаетъ и о своей личной нетерпимости, много вредившей ему въ жизни. Это бы еще не бѣда, что онъ не сливался съ нашими литературными кружками и, подобно мнѣ, держался особнякомъ. Но онъ наживалъ себѣ много враговъ своимъ острымъ и ядовитымъ языкомъ, преслѣдуя неустанно тѣхъ изъ литературныхъ наѣздниковъ, которые, почти не умѣя держать пера въ рукѣ, пользовались литературой, какъ средствомъ для устройства своихъ мелкихъ дѣлишекъ. Я знаю одного изъ такихъ quasi-литераторовъ, который не разъ въ отчаяніе приходилъ отъ направленныхъ на него нападокъ Минаева, то появлявшихся въ печати, то разносимыхъ устно по редакціямъ услужливыми пріятелями.

— Я только тогда и вздохну свободно, когда эта собака Минаевъ околѣетъ!—говорилъ при мнѣ однажды этотъ quasi-литераторъ.

Онъ дожилъ до этого счастливаго дня, и теперь его дѣла идутъ блистательно. Не задолго до смерти Минаева я получилъ отъ него слѣдующее письмо, очень меня поразившее и огорчившее:

«Многоуважаемый другъ Ар. В. Развяжи мнѣ, пожалуйста, руки. Давно уже, еще зимою, я отправилъ къ тебѣ «пукъ стиховъ»—эпиграммы Марціала. Отъ тебя до сихъ поръ нѣтъ ни слуху, ни духу, а между тѣмъ эпиграммы эти я имѣю случай напечатать. Такъ сдѣлай одолженіе—не полѣнись отвѣтить о судьбѣ моей рукописи: что съ нею стало? Я же даю тебѣ клятву никогда болѣе не обременять тебя своими порученіями: ты для такихъ любезностей, какъ вижу, человѣкъ не подходящий. Преданный тебѣ Д. М., 9-го апрѣля 1889. Симбирскъ».

Задѣтый этимъ не заслуженнымъ упрекомъ, я написалъ ему въ отвѣтъ не менѣе рѣзкое письмо, въ которомъ объяснилъ, что никакого «пука стиховъ» отъ него не получалъ, а если бы получилъ, то, конечно, исполнилъ бы его порученіе передать куда бы то ни было. Но на это мое письмо Минаевъ не отвѣчалъ, вѣроятно, въ свою очередь обидѣвшись, и, такимъ образомъ, мы разстались съ нимъ въ этой жизни, недовольные другъ другомъ.

У многихъ людей является совершенно естественное желаніе писать воспоминанія о пройденной жизни и передать другимъ свои впечатлѣнія. Бываетъ такъ, что жизнь самого автора записокъ не представляетъ особаго любопытнаго матеріала, но онъ много видѣлъ на своемъ вѣку и можетъ обрисовать болѣе или менѣе талантливо эпоху, въ которой жилъ.

У меня также и давно уже чесалась, какъ говорится, рука передать свои воспоминанія. Но сколько разъ я ни принимался за это дѣло, всегда наталкивался на два несовмѣстныхъ противорѣчія. Написать правдивыя воспоминанія и напечатать ихъ при своей жизни—трудъ совершенно невозможный. Всѣ дѣятели, о которыхъ приходится упоминать, сами еще живы, а если не они, то какіе нибудь ближайшіе ихъ родственники, которые, прочтя правдивую оцѣнку свою или своего близкаго, поднимутъ шумъ и притянутъ автора къ отвѣтственности. Писать же, скрывая правду, не имѣетъ никакого смысла.

Со мною былъ однажды такой случай. Отдалъ я въ одинъ изъ журналовъ небольшой рассказъ, именно изъ воспоминаній о своей молодости, въ которомъ говорилъ объ одной дѣвушкѣ, назвавши ее полнымъ и настоящимъ именемъ. Я въ полномъ смыслѣ слова обожалъ эту дѣвушку и потому не только не сказалъ объ ней ничего дурнаго, но, можетъ быть, даже оптимизировалъ ее болѣе, чѣмъ

она была такою въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ мой рассказъ о ней могъ только польстить не только ея роднымъ, но и ей самой, если бы она его прочитала. Но она уже умерла, что и побудило меня назвать ее собственнымъ, а не вымышленнымъ именемъ, такъ какъ, повторяю еще разъ, я писалъ не фантазію, а отрывокъ изъ своихъ воспоминаній.

Черезъ нѣсколько времени по напечатаніи этого рассказа получаю отъ издателя записку съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему для объясненій чрезвычайной важности.

Являюсь.

— Что вы сдѣлали со мною?!—такъ встрѣтилъ онъ меня.—Такой большой скандалъ, что совсѣмъ погубили репутацію моего журнала!

— Что такое?—спросилъ я, удивленный и пораженный неожиданнымъ упрекомъ.

— Да какъ же это можно! Сюда приходитъ ко мнѣ одинъ очень почтенный господинъ, показываетъ вашу статью и говоритъ, что это вы про его жену написали, и ему это очень обидно, и его дочери это очень обидно, и всѣмъ роднымъ это очень обидно, и говорилъ, что это такъ нельзя оставить...

— Да, позвольте, позвольте...—перебилъ я взволнованнаго издателя.—Какая это статья и о чемъ тамъ рѣчь?

Онъ передалъ мнѣ. Статья эта была очень давно написана, долго пролежала въ редакціи, такъ что я уже забылъ на половину ея содержаніе. Пробѣжавъ ее глазами наскоро, я припомнилъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ что же тутъ обиднаго?—спросилъ я.—Указывалъ этотъ господинъ на что нибудь, что его оскорбило?

— Нѣтъ, не указывалъ, но говоритъ вообще, что это очень обидно, что вы написали про его жену...

— Я готовъ сѣздить къ нему и объяснить. Оставилъ онъ свой адресъ?

— Да, оставилъ; это я его просилъ; я говорилъ, что вы сами пріѣдете и объяснитесь, такъ какъ я ничего не знаю и ничего не могу сказать.

— Ну, и отлично. Давайте его адресъ, я сѣзжу.

Господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, принялъ меня какъ нельзя болѣе любезно, и когда я попросилъ его указать тѣ мѣста статьи, которыя были непріятны ему, то онъ отвѣтилъ, что противъ статьи онъ лично ничего не имѣетъ, но что родные его, въ особенности старшая дочь, негодуютъ преимущественно на то, зачѣмъ упомянута настоящая фамилія...

Я объяснилъ, что эта статья не есть плодъ фантазіи, а одна чистая истина, за каждое слово которой я готовъ отвѣчать кому и какъ угодно, и что о покойной женѣ его я не только не напи-

салъ ничего обиднаго, но, напротивъ, кажется выставилъ ее въ самыхъ радужныхъ краскахъ, тѣмъ болѣе, что самъ обожалъ ее. Онъ согласился со мною, что обижаться имѣ на меня нечего, только напрасно я не замѣнилъ ея имени вымышленнымъ...

Упоминаю объ этомъ случаѣ въ видѣ объясненія того, какъ не только трудно, но даже невозможно напечатать воспоминанія при жизни своей и тѣхъ лицъ, о которыхъ пишешь.

Между тѣмъ только такія воспоминанія и могли бы имѣть нѣкоторую цѣну, такъ какъ, печатая при своей жизни, слѣдовательно готовясь нести отвѣтственность за каждое слово, авторъ поостережется говорить неправду, преувеличивать или преуменьшать что нибудь, выставлять себя въ лучшемъ видѣ, а другихъ въ худшемъ и т. д.

Воспоминанія же загробныя, то-есть составляемыя для напечатанія послѣ смерти автора, въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, теряютъ девять десятыхъ своей цѣнности, именно потому, что авторъ уже ускользнулъ отъ всякой отвѣтственности и можетъ сочинять что ему угодно. Я много читалъ подобныхъ загробныхъ записокъ и всегда находилъ въ нихъ одинъ общій всѣмъ имъ недостатокъ: авторъ всегда выходитъ правъ, онъ всегда умнѣе другихъ, честнѣе другихъ, и постоянно между строкъ его просвѣчиваетъ, что если бы его послушали, то было бы не то, а нѣчто гораздо лучшее.

Говорю это не въ упрекъ другимъ, а по личному опыту. Я самъ иногда начиналъ писать такія записки и когда прочитывалъ ихъ чрезъ нѣсколько времени, то всегда находилъ неправду не въ самыхъ фактахъ, а въ освѣщеніи этихъ фактовъ, и потому рвалъ и сжигалъ ихъ, какъ негодныя. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я говорилъ о себѣ, повидимому, безпощадную и жесткую правду, и тогда я выставлялся какимъ-то героемъ, хотя бы въ томъ отношеніи, что сознавался въ своихъ недостаткахъ и ошибкахъ. А это противно...

Вотъ почему я рѣшился кое-что, очень малое и очень отрывочное, написать теперь и напечатать непременно при своей жизни, подъ страхомъ отвѣтственности за все, что я сказалъ. Пусть это будетъ не много, но за то вѣрно.

А. В. Эвальдъ.

